

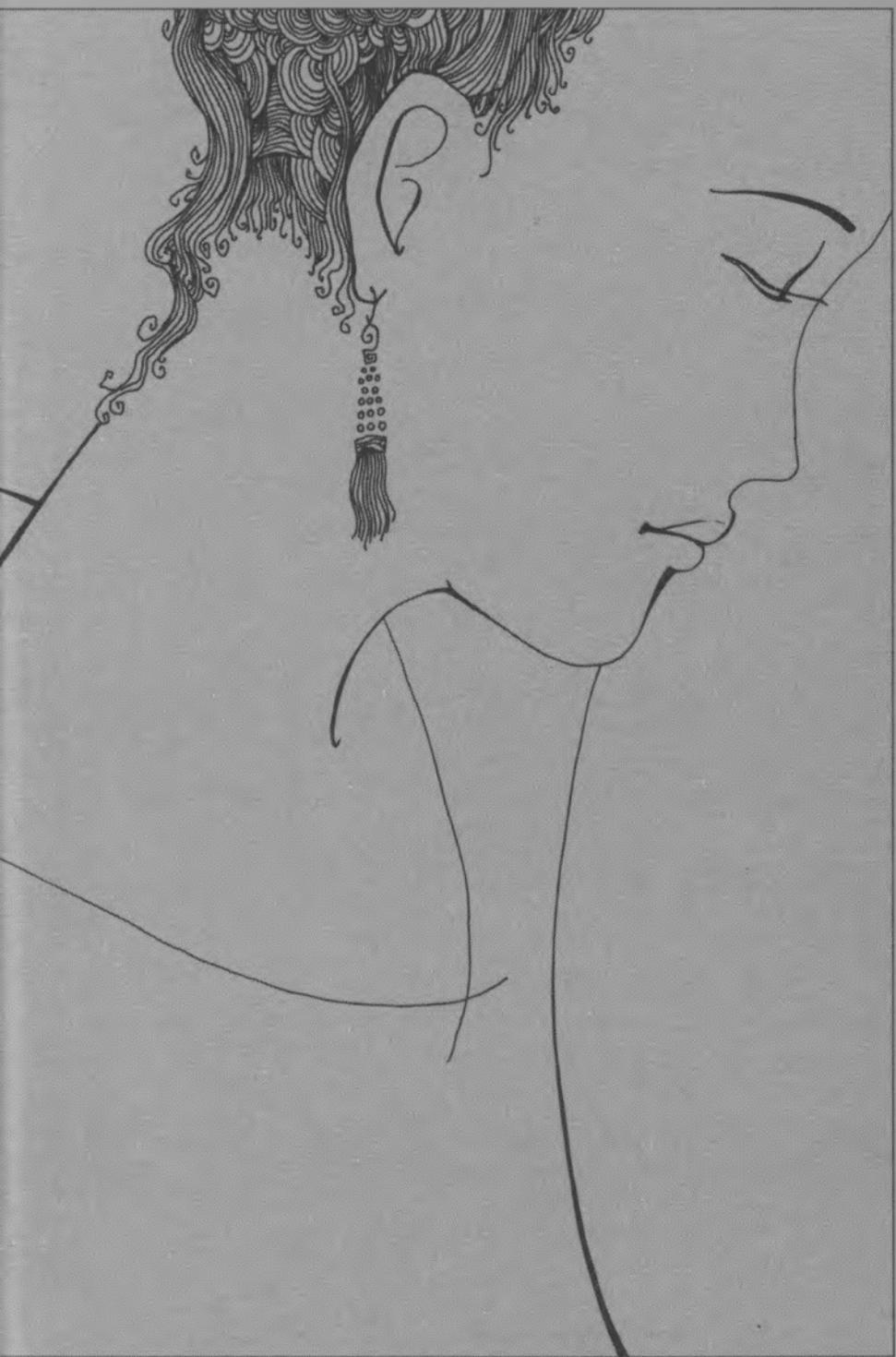
Кл. 84(2Р-Руч)16

Абуна Самуель

Цельштань гурз гурз
Записки врача

Stange

Анна Самусевичу

Цельшать друг друга
Записки врача

445922-1

Центральная городская
библиотека им. А. И. Чехова

Читальный зал

Калининградская
ЦБС

ОТУЯ

«Калининградское книжное издательство»

2004

УДК 882

Классификация ББК 284(2Рос-Рус)6-44

С 17

Художник С. П. Белоусова

Самусевич А. Г.

С 17 Услышать друг друга : Записки врача: повесть и рассказы, эссе / А. Г. Самусевич; худож. С. П. Белоусова. — Калининград: ОГУП «Калининград. кн. изд-во», 2004. — 229 с.: портр.

Содерж.: «Гори, гори, моя звезда...»: повесть; «Девушка в розовом берете» рассказ и др.

ISBN 5-85500-457-0 : Б. ц., 500 экз.

«Услышать друг друга...» — книга прозы известного калининградского поэта Альбины Самусевич. Врач по профессии, она дарит читателю в своих произведениях удивительно теплый мир сострадания, сочувствия, любви и поэзии. Повесть, рассказы, эссе написаны очень искренне, убедительно, сюжеты их идут от жизни — женская наблюдательность и писательский дар помогают автору в малых, порой незначительных житейских эпизодах увидеть подлинные глубокие мысли и чувства, способные взволновать тысячи людей. Поэтичность и мудрость, заключенные в миниатюрах, не оставляет равнодушным читателя. Они удачно дополняют и завершают книгу.

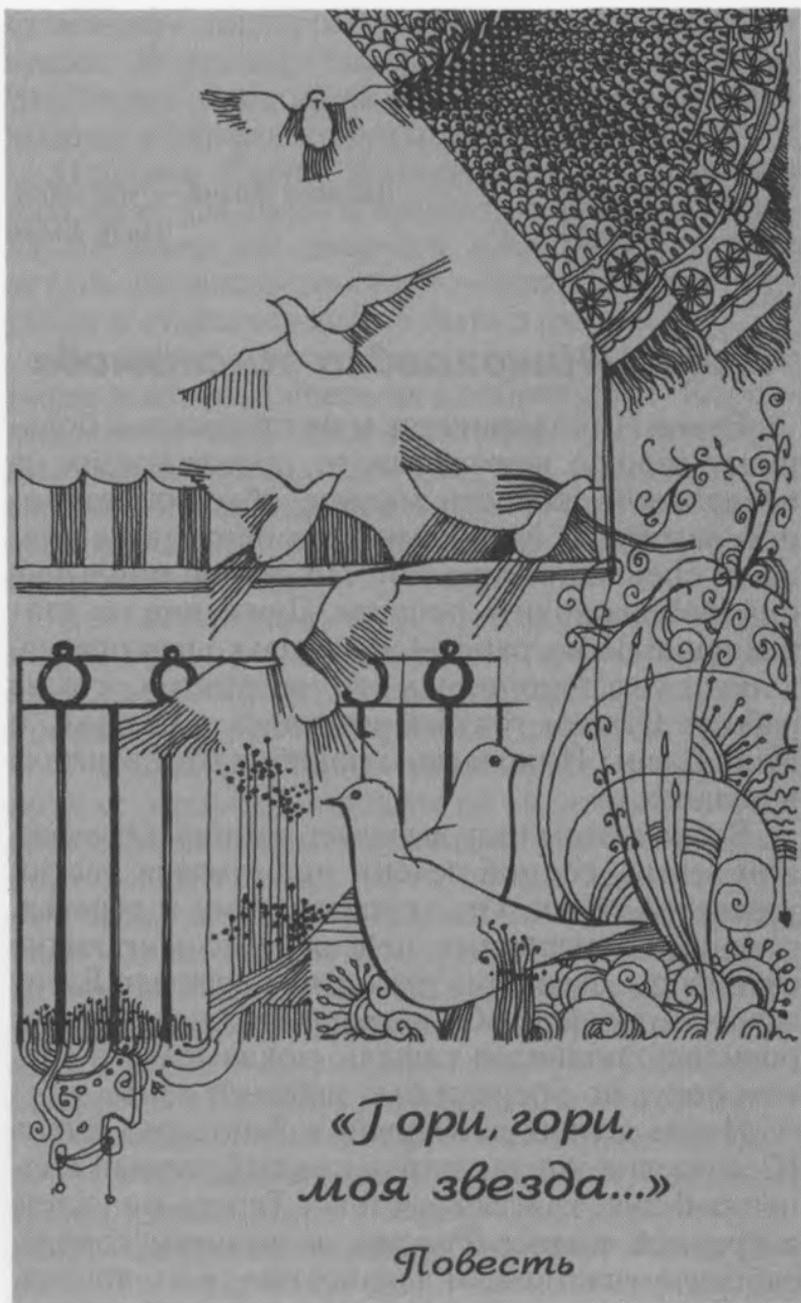
В нашем жестоком мире очень важен тот союз больших сердец, о котором пишет А. Самусевич, продолжая гуманные традиции писателей-врачей — Вересаева, Чехова, Булгакова. Занимательность сюжетов, хороший язык способны привлечь самый широкий круг читателей. Особенно интересна книга будет молодежи — ученикам старших классов, студентам.

УДК 882

ББК 284(2Рос-Рус)6-44

© А. Г. Самусевич, 2004.

ISBN 5-85500-524-0 © С. П. Белоусова. Оформление. 2004.

«Гори, гори,
моя звезда...»

Повесть

Дыханье жизни — миг один.

Омар Хайям

Елена Николаевна Чистякова

Елена Николаевна так и не привыкла к большому городу: шарахалась от проезжающих на предельной скорости машин, обходила стороной автобусы, осаждаемые на остановках толпами спешащих горожан. По старой привычке она любила ходить пешком. Движение на улицах начиналось рано — день только разгорался, а люди уже торопились кто на занятия, кто на работу. Стайки голубей носились в воздухе, и душа Елены Николаевны подобно птице витала в облаках.

Весна в этом году выдалась ранняя. От влажной земли, сочной зелени поднимался легкий утренний туман. Он окутывал дома и деревья, создавая призрачные пейзажи, но мигающие светофоры, звенящие трамваи возвращали Елену в реальную жизнь. Со вчерашнего дня ей нездоровилось: появился кашель, покалывало в правом боку, но впереди был рабочий день.

После долгих лет жизни в Заполярье Елена Николаевна умела ценить каждый теплый солнечный луч, каждый цветок... Теперь она жила в средней полосе России, в шумном городе, работала участковым терапевтом, или, точнее,

«уличным» доктором, как называл ее внук Дениска. И правда, большую часть дня доктор Чистякова проводила на улицах, обслуживая вызовы к тяжелым больным на дому.

Недавно Елене Николаевне исполнилось пятьдесят два года, и возраст свой она ощущала, но летам не сдавалась. «Женщине столько лет, на сколько выглядит!» — говорила она подругам и старалась всегда быть в форме.

Легкий макияж подчеркивал большие серые глаза, в которых светилось добродушие. Короткие волнистые волосы выбивались из-под вязаной мохеровой шапочки. В ушах поблескивали сережки цвета морской волны. И только упрямые морщинки на лбу и у глаз напоминали о прожитой жизни.

Под жаркими лучами солнца дымка тумана поднималась все выше, раздвигалась, будто занавес, приоткрывая в памяти доктора картины прошлых лет, неповторимые годы юности.

В институте Елена занималась в научном кружке, проводила опыты на морских свинках. Она мечтала открыть какой-нибудь зловредный вирус, найти лекарство от рака и осчастливить человечество. Но жизнь диктовала свои условия. На последнем курсе Елена влюбилась в военного моряка Вальку Чистякова, вышла за него замуж, и уехали молодожены «к черту на кулички»! Начинали жизнь на Камчатке, позже перебрались в Мурманскую область, в Заполярье.

Муж служил инженером-механиком на подводной лодке и месяцами пропадал в море. А Елена лечила детей и взрослых, если требовалось — вставала и к операционному столу. Бывало, что вскакивала среди ночи, откликаясь на

робкий стук в дверь, и шла на вызов в соседний дом или рыбацкий поселок, находившийся в нескольких километрах от базы.

Воспоминания не мешали доктору Чистяковой думать о делах насущных. Она зашла в поликлинику, оформила больничные листы, сдала амбулаторные карты вчерашних пациентов, взяла вызовы и направилась на свой участок. В первую очередь она обслужила больных с высокой температурой — в городе свирепствовал грипп. Потом Елена Николаевна зашла к пожилой женщине с гипертоническим кризом. Вчера ей ввели лекарства в вену и оставили дома. Сегодня женщина улыбалась, головная боль не беспокоила ее, и участковый доктор повеселела. С годами приходила житейская мудрость: успеть спасти конкретного больного человека, не дать угаснуть искорке жизни в его глазах и тем самым — помочь человечеству.

На улице по-прежнему светило солнце, туман рассеялся, но по небу плыли белые клочковатые облака. Местами они собирались в серые тучи. Елена Николаевна шла по тенистой каштановой аллее. Белокрылый голубь приземлился прямо перед ней, будто доставил письмо из прошлого, приглашая Елену тоже спуститься с небес на землю...

На Камчатке Елена Николаевна начала работать детским врачом, хотя окончила лечебный факультет, где на занятия по педиатрии отводился всего месяц на пятом курсе. Она не знала, что в поселке есть врач-педиатр из Ленинграда, жена штурмана — позже она попросилась к ней на должность медсестры, ибо не решилась взять на себя ответственность за здоровье детей гарни-

зона (их было около тысячи!). Вскоре Елена почувствовала тяжесть ноши, но поступить тогда по-другому она не могла.

Однажды ее вызвали ночью: в госпиталь привезли умирающего грудного ребенка. Худенькое, синюшное тельце его хрипело и свистело на все лады. У малыша было двухстороннее воспаление легких, и Елена всю ночь не сомкнула глаз: вводила лекарства в тонюсенькие венки на головке, давала дышать кислородом и поочередно с дежурным врачом делала искусственное дыхание. К утру ребенку стало лучше, он раздышался сам, порозовел. Мать покормила его из пипетки сцеженным грудным молоком. Через месяц мальчик совсем поправился, прибавил в весе и смешно улыбался беззубым ртом, когда врач Чистякова подходила к его кровати. А вскоре его увез счастливый отец на санках, укутав своим тулупом. Собачья упряжка весело бежала по узкой дороге между высокими сугробами.

Да, Камчатку не вычеркнешь из жизни... Елена вспомнила свою первую квартиру-келью на пятом этаже, рядом с которой жили еще две семьи офицеров-подводников в смежных комнатах. Вечерами собирались на общей кухне. Жили дружно, сообща покупали продукты: ящик апельсинов, целого барана, мешок картошки (самый дорогой продукт!). До сих пор помнит она оранжевый абажур, который муж купил у кого-то из счастливчиков, отъезжающих на материк, чтобы порадовать жену предметом цивилизации. Он так красиво раскачивался под потолком, когда начинались толчки землетрясения. Трясло потихоньку, но часто, и

чувство тревоги было всегда привязано к этому рыжему чуду!

Смешное и грустное шло рядом, переплеталось... Будни сменялись короткими праздниками с веселыми вечеринками или вылазкой в сопки. Праздники часто возникали стихийно, не стыкуясь с календарными: лодка возвращалась с «автономки», кто-то получал новое звание, рождались дети... Чистяковы любили компании, часто навещали друзей. На вечеринке у друга «старожилы» придумали научить Елену пить горящий спирт. В магазине он свободно продавался: питьевой, девяностошестьградусный! Она, смеясь, решила попробовать огненный напиток, но кто-то случайно толкнул ее руку с горящим факелом в стакане. Огонь попал на тюлевую занавеску окна, которая мгновенно вспыхнула ярким пламенем. Ее спешно сорвали, бросили на пол и затоптали огонь. Все обошлось тогда, но страху натерпелись все — вдруг узнал бы политотдел!

Это были шестидесятые годы, когда почти вся власть в военных гарнизонах находилась в руках политотделов и парткомиссий. От их приговора зависело многое: присвоение очередного воинского звания, повышение в должности. Они давали рекомендацию в партию, и они же исключали из рядов КПСС за любой проступок, иногда случайный, который можно было отнести к разряду «моральное разложение»... А стукачество в то время было в моде, поэтому даже самые невинные проказы офицеров тщательно скрывались от политотдела друзьями и близкими.

На Камчатке инженер Чистяков получил звание капитан-лейтенанта, стал настоящим мор-

ским волком: за плечами было несколько боевых служб. Вскоре его перевели на Северный флот в Заполярье, в край вечной мерзлоты.

Елена Николаевна свернула в переулок, достала амбулаторные карты, пересчитала: «Остался последний вызов, но надо будет еще навестить больного, недавно перенесшего инфаркт миокарда», — отметила про себя, заглянув в записную книжку.

«Все мое ношу с собой», — не забылось старое латинское изречение: воспоминания были частью этой ноши, и они нахлынули с новой силой...

К новому месту службы в Заполярье они прибыли уже втроем: дочери Надюшке шел пятый год. Их встретил маленький гарнизонный поселок среди скал: десяток домов, школа, магазин, почта... Кругом море, пирс, лодки. Здесь им предстояло жить. Елене Николаевне предложили место терапевта базового лазарета. В ее обязанности входило следить за здоровьем экипажей подводных лодок. Она видела, как на боевую службу моряки уходили бодрыми и веселыми, а после похода некоторых выносили с корабля на носилках. От недостатка кислорода и витаминов, от стрессовых ситуаций, от гиподинамии у офицеров и матросов нередко повышалось давление, отекали ноги, кровоточили десны.

Молодых матросов, подлечив, отправляли на месяц в санаторий, где они, как правило, полностью восстанавливали здоровье. А вот офицеров иногда приходилось списывать.

Первые пять лет пролетели для Елены Николаевны незаметно. Дочь ходила в детсад. Когда

наступали полярные ночи, на детских площадках устанавливали прожекторы, чтобы дети могли выходить на прогулку, не боясь темноты и снежных зарядов. Но зато короткое лето, с длинными полярными днями, оживало в памяти как миг счастья: в поселке до полуночи играли в волейбол, пели песни под гитару, собирали в сопках морошку и голубику.

Как-то к Елене приехала погостить мама. Она часто вздыхала, гуляя по поселку, и удивлялась гранитным глыбам и валунам, среди которых кое-где поднимались низкие березки. Говорила:

— Как же здесь люди живут-то, на этих камнях, если даже дереву расти не на чем?

А люди жили! Женщины рожали детей, провожали мужей в море... Когда узнавали о приходе лодки с боевого дежурства, бежали сломя голову на пирс, чтобы увидеть любимого, заглянуть в глаза и на минуту прижаться к груди. Кому-то ведь надо было жить на Крайнем Севере, на Камчатке, согревая сердцами и одушевляя самые отдаленные уголки Родины.

Обслужив последний вызов, из тихой аллеи Елена Николаевна вышла на оживленную улицу. Мимо нее мчались автомобили, спешили пешеходы, возвращая мысли на круги своя. Через десять лет Валентина, в звании капитана второго ранга, перевели служить на Балтику, в большой город. Первое время им казалось, что здесь и есть рай: проспекты, парки с цветущими каштанами, музеи, театр, универмаг... Но и в городах были свои проблемы, скрытые от случайного взгляда. Строились новые школы и больницы, не хватало учителей и участко-

вых врачей, а число машин увеличивалось и дороги требовали ремонта.

Елене Николаевне предложили должность участкового терапевта, и она, долго не думая, согласилась. Город ей нравился, терапию она знала и любила. За годы работы выучила наизусть названия улиц и переулков своего района, исходила их вдоль и поперек, обслуживая вызовы.

Пациенты относились к своему доктору с искренней любовью. Когда ее хотели забрать в больницу на более высокую должность, они устроили настоящий бунт в горздравотделе, и Елена отказалась от престижного места, оставшись участковым, «уличным», доктором.

День как день...

Будни Елены Николаевны походили друг на друга, и все же каждый день был неповторим. До двух часов она обслужила почти все вызовы, осталось навестить старого учителя — он не так давно перенес инфаркт и жил как раз неподалеку. Она чувствовала усталость, болела голова, хотелось пить. Елена зашла в кафе, выпила чашку горячего кофе, посидела немного и вышла на улицу.

Подходя к знакомой пятиэтажке, она увидела своего пациента во дворе, гуляющего с внучкой. Узнав доктора, он заволновался, пошел навстречу.

— Здравствуйте, я пришла проведать вас, но вижу, вы — молодец, дышите свежим воздухом, — улыбаясь сказала Елена.

— Вы зря беспокоились, я хорошо себя чув-

ствую. Вот бегаем с внучкой наперегонки, — похвастался бывший пациент.

— А этого делать не надо, бегать еще рано, — мягко пожурела его Елена Николаевна.

— Ну вот, думал, обрадую вас, — смущенно сказал учитель. — Знаете, начитался стихов Омара Хайяма, помните его строки? «Испей полнее молодость и радость! Дыханье жизни — миг один!»

— Омара Хайяма я люблю, и для вас на него запрета нет, читайте на здоровье, — ответила Елена Николаевна, — и гуляйте на улице почаще, только не бегайте, а ходите спокойным размеренным шагом. Через неделю приходите на прием.

Елена торопилась в поликлинику. Ей нездоровилось, но она не придавала значения недомоганию, а думала о больных — не забыла ли кого-нибудь? Чистякова делала пометки в блокноте: больному с язвой желудка — похлопотать о путевке в санаторий, женщине, перенесшей инсульт, — помочь оформить инвалидность, взять талон на массаж... Таких заметок набиралось до десятка.

На автобусной остановке она увидела Шурочку, медсестру своего участка, которая, сделав на дому процедуры тяжелым больным, тоже спешила на прием, боясь опоздать. Шурочка обрадовалась встрече с доктором, и дальше они пошли вместе.

День был теплым, и Елена расстегнула плащ. Ветер подхватил легкий шарфик, блеснули в ушах сережки из бирюзы. Большое белое облако вдруг прикрыло солнце, и сразу повеяло прохладой, но ненадолго...

Весна входила в силу: прогрела землю, напоила дождем травы, кусты, деревья и раздала всем (чтобы без обид!) — зеленые одежки. Каждая травинка, каждый листок имели свой узор и форму, да и зеленый колер, если присмотреться, имел множество оттенков... У клена листья были светло-зелеными, теплыми, напоминали детскую ладошку. А у сирени листок был холодным, темно-зеленым и походил на сердечко. Скоро, очень скоро эти зеленые кусты вспыхнут синим пламенем!

По обочинам дорог, как капли солнца, желтели одуванчики, любимые цветы внука Дениски.

— И почему люди не радуются такой благодати, — проговорила недоуменно Елена Николаевна, — кашляют, чихают; у детей сплошь ангины, у пожилых болят суставы, как будто цветы и деревья забирают у всех силу и здоровье. Человек беззащитен даже перед тополиным пухом, который нередко вызывает аллергию!

Елена Николаевна рассуждала вслух, идя рядом с Шурочкой. Девушка внимательно слушала, морщила свой гладкий лобик, но думала совсем о другом.

— Скажите, где вы купили такие красивые сережки, — смущаясь, спросила она Елену Николаевну, не отрывая глаз от незатейливых украшений.

— Это старая казахстанская бирюза, так мне объяснил ювелир. А купила я их на выставке, случайно. Больше таких не было! — ответила Елена.

— Жаль, — пропела Шурочка, — мне они очень понравились.

Сережки и впрямь были необычными: зеленоватые, с бледно-голубыми пятнышками, с коричневыми прожилками. Елена очень любила их.

Она чуть отвлеклась за разговором от своих бед, но боль в правом боку не проходила, лишь временно затихла. Почувствовав озноб, Елена застегнула плащ, подняла воротник. Ни одна весна не обходилась без вспышки гриппа. Не был исключением и этот год, правда, количество вызовов уже уменьшилось — эпидемия шла на убыль, но ей в этот месяц пришлось обслуживать два участка: взяла больных коллеги, уехавшей на учебу. Свое недомогание она объясняла переутомлением, простудой, да и по должности болеть ей не полагалось.

В поликлинике возле кабинетов, в холле, стояли и сидели больные в ожидании приема. Слышался приглушенный разговор, кто-то тихо стонал, везде незримо присутствовала боль... Она восседала на старых стульях, въедалась в зеленые листья пальм и фикусов, лишая их блеска. Казалось, она разрушала все живое!

Елена Николаевна вникала в каждую жалобу, осматривала и выслушивала пациентов. Уподобляясь сыщику, выискивала, вынюхивала каждый следок «врага», чтобы поставить правильный диагноз, назначить лечение, вселить надежду на выздоровление и — уложиться в отведенные пятнадцать минут! Именно с таким расчетом выдавались талоны в регистратуре. Вот и приходилось поднимать изо дня в день планку мастерства все выше, будто сдавая норму на значок ГТО. Но больному не объяснишь эти премудрости: он просто пришел за помощью, ему нужно лекарство, освобождение от работы.

Прием в поликлинике подходил к концу, лишь несколько человек стояли у гардероба. На диване сидел, согнувшись, молодой парень. На стуле лежала забытая кем-то из детей улыбающаяся, розовощекая кукла — она не знала боли, была из другой, нормальной жизни, которая текла рядом, за стенами больницы.

Рабочий день закончился, и Елена стала собираться домой. Наклонившись за сумкой и вдруг ощутив неприятную боль в животе, она присела на стул — стало легче. Вспомнила, что сегодня ее очередь забирать внука из садика — у дочери ночное дежурство. Дочь Надя работала в этой же больнице. После ординатуры ее оставили в отделении гастроэнтерологии. Муж Нади, Андрей, трудился журналистом в областной газете и часто пропадал в командировках. Свое временное гнездышко они свили под крылом родителей.

Шурочка собрала талоны, амбулаторные карты и побежала в регистратуру, но тотчас вернулась обратно.

— Елена Николаевна, к нам еще один больной, он без талона. Может, вы сами поговорите с ним?

Елена вышла в коридор. На диване сидел молодой парень в рабочей спецовке, подперев голову кулаком, прикрыв веки. Его поза была очень знакомой, кого-то он ей напоминал... «Ну конечно, скульптура Родена «Мыслитель», — подумала Елена. — Нашел время и место для размышлений!»

— У меня нет талона, — чуть слышно сказал парень.

— Да Бог с ним, с талоном, заходите, садитесь. Что вас беспокоит?

Калининградская областная центральная больница
ЦБС

Центральная городская больница им. К. П. Чехова

145922

— Больно дышать. Кашель. Голова кружится. Приходилось вытягивать из него каждое слово. С невольным раздражением Елена Николаевна подумала, что из-за этого «мыслителя» она точно опоздает в детский сад, ведь рабочий день закончился не только в поликлинике.

Мелькнула и тут же исчезла коварная мысль: выписать парню лекарство от кашля — и в садик за внуком. Скорее всего, у него бронхит, ведь вспышка гриппа в городе еще не закончилась. Но совесть, как дикий зверек, царапнула где-то около сердца. Она вдруг ощутила свою притихшую боль и боль чужую, скрытую от глаз, молчаливую, и услышала хриловатый, почти забытый голос профессора:

— Никогда не отпускайте больного, не расспросив его, не осмотрев и не выслушав сердце и легкие...

«До чего же въедливый был старик», — подумала Елена, но ни разу еще она не послушалась учителя. Сейчас ей стало стыдно своей минутной слабости.

— Александра Ивановна, помогите товарищу снять рубаху, — строго сказала она Шурочке и стала заново, уже подробно расспрашивать больного.

Парень наконец разговорился и рассказал все начистоту. В обеденный перерыв на стройке ему пришлось сдвинуть бетонную балку, которая скатилась с перекрытия и придавила друга. Он сильно поднатужился, и в тот момент, когда ему удалось приподнять ее конец, он вдруг почувствовал резкую боль в груди и даже на какое-то время потерял сознание. Вскоре подошли ребята и уложили его на топчан. Он отле-

жался, боль почти прошла, но кружилась голова, и товарищи посоветовали сходить к врачу, проверить. По дороге он почувствовал, что трудно дышать. Саша Морозов (так звали потерпевшего), преодолевая одышку и боясь снова потерять сознание, добрал до поликлиники. Таблонов к терапевтам уже не было, и ему посоветовали подождать у кабинета. Его-то и увидела Шурочка, когда закончился прием.

Доктор Чистякова тщательно осмотрела больного, сосчитала пульс: более 120 ударов в минуту! Артериальное давление резко снижено, что также вызывало тревогу. Она стала выстукивать, выслушивать сердце — границы его не определялись, тоны были приглушены. Левое легкое совсем не дышало. Одна загадка наслаивалась на другую.

«Нельзя исключить инфаркт миокарда, еще хуже, если это спонтанный пневмоторакс, — размышляла Елена. — В любом случае нужно срочно делать кардиограмму и рентгеноскопию грудной клетки».

В поликлинике уже никого не было, все ушли домой.

— Шурочка, придется тебе бежать в садик за Дениской, а я вызываю «неотложку» и еду с Морозовым в больницу, — сказала она медсестре.

Вскоре пришла машина, пациенту сделали обезболивающий укол, уложили на носилки и благополучно довели до больницы. В приемном покое провели необходимые исследования, и все сомнения сразу рассеялись. Диагноз спонтанного пневмоторакса подтвердился. У Саши Морозова от сильного физического напряжения произошел разрыв легочной ткани — воздух все силь-

нее сжимал легкое, давил на сердце. Без срочной операции он мог умереть.

Диагноз был трудным, но Елена сумела вовремя распознать заболевание и помочь парню. В отделении грудной хирургии уже готовили операционную. Морозова уложили на каталку: он был бледен, испуган. Доктор подошла к Саше, тихонько пожала ему руку, и он в ответ благодарно улыбнулся ей.

Домой Елена Николаевна добралась поздним вечером, уже еле держась на ногах. Внук тихо посапывал в кровати. Андрей читал.

Валентин с тревогой посмотрел на серое, осунувшееся лицо жены. Он взял из ее рук сумку, помог снять плащ, усадил в кресло.

— Ну рассказывай, что случилось, почему задержалась?

— День как день, Валюша, только он мог стать последним для одного из моих пациентов — вот и пришлось задержаться. Но я, видно, сама заболела, — невозможная слабость, виновато призналась Елена.

Вдруг вспышка молнии осветила окно, загремел гром, и в ту же минуту по стеклу забарабанил дождь. Начиналась гроза.

— Как хорошо, что ты успела до дождя, — сказал Валентин. — Приляг, я приготовлю ужин.

— Я совсем не хочу есть. Меня что-то знобит, и бок болит. Посиди со мной, просто посиди, — попросила она мужа.

Ей захотелось спать, и она закрыла глаза. А Валентин пошел на кухню, заварил свежий чай, принес и поставил на тумбочку чашку с питьем, нашел таблетки аспирина, присел на краешек постели.

«Светя другим, сгораю...»

Елена тихонько стонала, покашливала, чувствуя при этом боль в животе. Муж потрогал ее лоб — горячий!

— Леночка, давай измерим температуру, надо же что-то делать, — забеспокоился он. Его лицо выражало крайнюю тревогу и озабоченность.

— Надо полежать. Я отдохну, и все пройдет. А градусник принеси и укрой меня потеплее, — попросила Елена.

Валентин принес градусник, укрыл жену старой шубой, присел рядом. За окном шумел ветер, капли дождя били по стеклу, усиливая тревогу. Елена согрелась. Боль притихла, но не ушла, притаилась.

«Врачу, исцелися сам!» — написано в древней книге. Но своя боль часто отступает на второй план перед более сильным страданием другого человека, которому ты можешь помочь. Елена Николаевна пыталась оправдать себя, задавала умные вопросы: почему не взяла больничный лист три дня назад, когда появились кашель и слабость? Почему сегодня, после работы, падая от усталости, возилась с этим «мыслителем» Морозовым? Вызвала бы «скорую» и ушла домой! Где логика в поступках, почему не думала о себе?

Ответ был один: не могла поступить иначе, невольно следуя библейским заповедям.

Нередко люди считают, что врачи совсем не болеют, так как они «все знают»! К сожалению, болеют и умирают! Елена Николаевна вспом-

нила, как месяц назад умер ее близкий друг, однокашник, коллега Женя Пирогов — хирург от Бога! Умер прямо на дежурстве, у операционного стола, после проведенных двух сложных экстренных операций. Больных спас, а сам не справился с сердечным приступом, который закончился обширным инфарктом миокарда и отеком легких. Спасти его не удалось, несмотря на все старания врачей. На вскрытии оказалось: все сердце в рубцах... А ему еще и пятидесяти не было.

Елена знала Пирогова давно, они дружили семьями. Евгений любил жизнь, ценил свободу, потому и жил в гражданском браке с молодой учительницей Верой, которая понимала и любила его без штампа ЗАГСа в паспорте. Детей у них не было. Женя вечно пропадал в больнице, оперировал самых тяжелых больных. Мало того, он их выхаживал, как нянька, и ставил на ноги!

«Значит, он тоже не мог возлюбить себя больше ближнего, — подумала Елена, — и вот его уже нет».

Женя с Верой часто заходили к Чистяковым вечером — поговорить «за жизнь», попить чайку, спеть под гитару...

Как не хватало Елене сейчас старого друга, как хотелось поговорить с ним, посоветоваться... Еще раз услышать любимый романс «Гори, гори, моя звезда...». Он так здорово исполнял его!

Она заплакала, ей стало плохо, но надо было терпеть. Елена видела, как с ней вместе страдает Валентин, ее муж — самый близкий, самый дорогой ее человек.

За окном бушевала непогода, ветка дерева

грохотала по стеклу, и ей вдруг показалось, что это смерть стучит в окно своим костлявым кулаком. В испуге Елена присела, обняла мужа.

— Валька, я умираю, не уходи от меня! — она крепко сжала его руку. Слезы катились по щекам. Валентин пытался успокоить ее, прижал мокрое, горячее лицо к своей груди, забрал градусник.

Температура была очень высокой, и он совсем растерялся: надо было что-то предпринимать, не откладывая до утра.

— Я немедленно вызываю «скорую помощь», — сказал он жене.

Елена слышала, как Валентин, позвонившись, торопливо и сбивчиво объяснял дежурной, как быстрее и лучше проехать к их дому.

— Запишите адрес и пришлите сразу машину, жене очень плохо, — кричал он в трубку, боясь, что связь может прерваться.

Диспетчер, видимо, что-то объясняла, и он возмутился:

— Так что же, у вас одна «неотложка» на весь район?

Валентин положил трубку и кратко сообщил жене:

— Машин две, но вторая тоже уехала. Дорожно-транспортное происшествие, есть пострадавшие. Придется ждать!

Елена Николаевна свернулась калачиком, прикрыла глаза. Она знала, что совсем недавно водители «скорой» бастовали, требовали повышения зарплаты за ненормированный труд: часто они работали сутками. Старые машины ломались, а новых не закупали. Дороги в городе

разбитые, подъезды не освещаются. Болели не только люди, болела страна, болела медицина, а число пациентов, которые нуждались в неотложной помощи, все увеличивалось!

«Стране тоже нужен хороший «уличный доктор», — подумала Елена и вспомнила свою жизнь на Севере, в Заполярье. Лет десять назад ей пришлось идти на вызов к больному в пургу в снегу по пояс: ни машина, ни лошадь пройти не могли, и она пошла с проводником. Даже в мыслях не посмела отказаться, не исполнить свой врачебный долг... Правда, потом она отлежала две недели с тяжелейшей ангиной и, наверно, тогда впервые поняла смысл крылатой романтической фразы «СВЕТЯ ДРУГИМ, СГОРАЮ...», известной ей со студенческих лет. Горящая свеча — жизнь! — эмблема медиков с давних времен.

— Как же долго нет «скорой», — пожаловалась Елена мужу, — так и умереть можно.

В этот момент раздался резкий звонок, слышались голоса в прихожей. В комнату входил врач — немолодой мужчина с военной выправкой. «Наверно, отставник», — решила она. Военные врачи, ушедшие в запас, часто оседали в службе «Скорой помощи», которой не хватало специалистов.

Доктор вымыл руки, прошел в комнату, присел около кровати.

— Когда вы заболели? Что беспокоит? Где болит? — стал он расспрашивать Елену. Затем сосчитал пульс и выслушал сердце, дотронулся слегка до живота.

— Ой, очень больно, не надо, доктор, — взмолилась Елена.

Несмотря на протест, доктор еще раз, более глубоко прощупал живот, и она опять вскрикнула.

— Похоже на острый аппендицит, надо ехать в больницу, — сказал он. — В направлении я напишу предварительный диагноз: «Острый живот», возможно, потребуется операция, но вы не беспокойтесь. Все будет хорошо, время еще не упущено.

Валентин помог жене собраться и поехал вместе с ней в больницу. В приемном покое постовая медсестра по телефону попыталась найти дежурного хирурга, — тот был в отделении реанимации. Узнав диагноз поступившей пациентки, распорядился положить ее в хирургическое отделение, сказал, что осмотрит больную в палате.

Тревожное чувство не покидало Елену Николаевну вплоть до того момента, пока она не очутилась в хирургическом отделении. «Ну что ж такого — вырежут аппендикс, зато снова буду здоровой, — успокаивала она себя, — главное, чтоб не ошиблись с диагнозом».

Интересна психология заболевшего врача: он полностью отдает себя в руки коллег, а они, к сожалению, приравнивают его к обычным больным, забывая, что по закону подлости заболевания у медиков протекают «не как у людей», а всегда с какими-то подвохами. К тому же больной врач нередко скромничает, не афиширует свою боль, боясь обидеть товарищей по цеху излишком жалоб и проявлением эмоций, на что не скупится обычный пациент. Елена будто сквозь сон слышала голоса врачей, которые осматривали ее.

— Без сомнения, здесь картина острого аппендицита: локальная боль, напряжение мышц живота. Надо оперировать! — сказал дежурный хирург.

— Но почему у нее высокая температура? — вопрошал другой врач. — Может быть, грипп присоединился? — размышлял он вслух.

— Нельзя исключить и острый холецистит — напряжение все-таки больше в правом подреберье, но в любом случае предстоит операция, подождем только анализов крови, — категорично произнес хирург.

Продолжения разговора Елена уже не слышала, она задремала, восполняя бессонную ночь. Так как диагноз оставался неясным, операцию отложили на утро.

Утро не принесло облегчения, Елене Николаевне стало еще хуже. Забежала Надя, сменившаяся с ночного дежурства.

— Мамочка, я обо всем рассказала Борису Михайловичу Двинскому, он обещал посмотреть тебя сегодня, — она постаралась успокоить мать, но ее лицо, испуганные глаза выражали скрытую тревогу.

Главного хирурга Двинского, недавно защитившего докторскую диссертацию, уважали и любили в больнице. Невысокого роста, подвижный, с улыбчивым лицом, в застегнутом на одну пуговицу халате (некогда!), он успевал утром обойти палаты не только сердечно-сосудистого отделения, которым заведовал, но заглянуть в реанимацию и в грудную хирургию, побеседовать с пациентом в коридоре, справиться о здоровье детей у медсестры отделения. Вот таким он был, главный хирург, делающий операции

на сердце: первоклассный специалист, добрый человек, готовый всегда разделить и горе, и радость с каждым, независимо от его положения и должности. «Не в деньгах счастье! — любил он говорить и добавлял: — Хотя, конечно, они никогда не бывают лишними».

Помня о просьбе дочери участкового терапевта Чистяковой, Борис Михайлович успел утром посмотреть ее историю болезни, анализы. Удивился, почему не сделана рентгеноскопия грудной клетки.

«А ведь хотели оперировать!» — с огорчением подумал он. Дежурному хирургу Двинский ничего не сказал, а пригласил его на обход.

Зайдя в палату, поздоровался с больными и подошел к кровати Чистяковой.

— Вы замечательно выглядите, Елена Николаевна! — приободрил он коллегу. — Слышали миф о Елене Прекрасной, из-за которой началась Троянская война? — спросил он вдруг у молодого хирурга, дежурившего ночью, улыбнулся и стал перкутировать и выслушивать грудь и спину больной. Постукивая пальцем по пальцу, он обращал внимание коллеги на очень «тупой» звук под лопаткой справа, здесь же отметил и резко ослабленное дыхание. И наконец Двинский стал пальпировать живот, отмечая болезненность в правой половине его. Хотя симптом Щеткина (напряжение мышц живота при воспалении брюшины) был положительным, Борис Михайлович уже не сомневался: у Елены Николаевны крупозное воспаление легких и для подтверждения диагноза необходимо только срочно сделать рентгеновские снимки легких.

— Операция вам не понадобится, — успокоил он Елену, а молодому хирургу посоветовал читать Гомера.

— Да, да, дружок, читайте его «Илиаду», особенно про троянского коня — это очень помогает в постановке диагноза! — с улыбкой заключил он. Затем о чем-то задумался и рассеянно добавил: — Я в молодости неплохо играл на скрипке, а выбрал медицину и, пожалуй, не жалею. Люблю музыку, — тихо произнес профессор.

Рентгеновские снимки подтвердили диагноз Двинского: у Елены было действительно крупозное воспаление легких.

— Но почему у больной «острый живот»? — недоумевал дежурный хирург.

— Вы молоды, и у вас еще не хватает опыта, но этот случай должен запомниться вам на всю жизнь! При долеговой пневмонии вовлекается в процесс плевра, а с нее воспаление передается на брюшину — это и дает напряжение мышц живота и уводит в сторону от правильного диагноза. Вот вам и Троянский конь! Под маской одного заболевания скрывалось другое, но мы вовремя разгадали маневр противника. Хорошо, что вы вчера не сделали ей операцию. Срочно переведите больную в реанимацию, — распорядился Борис Михайлович. — И вызовите пульмонолога! — чуть погодя, добавил он.

Сколько жизней унесла крупозная пневмония в прошлом веке, да и сегодня врачи, особенно молодые, распознают заболевание слишком поздно, и больные умирают. Ошибки врачей, вольные и невольные, уходят своими корнями в глубокую древность. Тогда врачу за допущен-

ную оплошность эксперты выносили приговор: отрубить руку, отрезать язык, выколоть глаза! И врач страшился наказания.

Позднее врачи стали принимать своеобразное обещание (не навреди!) — клятву Гиппократата, но это не спасало от ошибок. И нередко лекари сами наказывали себя, кончая жизнь самоубийством. Не об этом ли писал Антон Павлович Чехов в письме к другу: «У врачей бывают отвратительные дни и часы, не дай Бог никому этого...»

Начало кризиса

Елене Николаевне все время хотелось спать, было трудно дышать, не хватало воздуха. Она лежала без движения, безразличная ко всему окружающему. Капельница, как пуповина, связывала ее с жизнью, но даже в полудреме воспаленный мозг бодрствовал и видения сменяли друг друга — то были сны наяву! Можно забыть, что ты делал вчера, куда ездил год назад, но до мельчайших подробностей остаются в памяти детские годы. Говорят, перед смертью человек вспоминает самое дорогое и всегда — детство, какое бы оно ни было!

Лене исполнилось шесть лет, когда началась война. Жили они в небольшом районном городке в Белоруссии. Мать часто болела, и врачи посоветовали ей родить ребенка. Так, за три месяца до войны у Лены появилась сестра Ниночка. Отец работал шофером, водил автобус. Недалеко от города, в деревне, жили его старшие братья.

В ночь на 22 июня сорок первого года, как

рассказывала мама, городок спал и только в больнице, в роддоме, горел свет, который стал мишенью для немецкого летчика, и он сбросил бомбу на больницу. От здания остались руины. Взрывной волной вышибло стекла из окон ближайших домов, в одном из них жила семья Лены.

Перепуганная мать укрыла детей подушками, упрятала на полу за печкой. Назавтра отец получил повестку из военкомата, и в те два часа, которые ему дали на сборы, он решил отвезти жену и детей в деревню. Подогнал автобус, и они второпях побросали вещи совсем ненужные: гитару, веник, таз, кое-что из детской одежды.

Через две недели мать приехала на подводе за вещами, но брать уже было нечего: квартиру разграбили, все лучшее забрали. Уцелело лишь большое овальное зеркало на стене...

Елена Николаевна вдруг мысленно увидела свое отражение в этом зеркале: постаревшее серое лицо, запавшие глаза, в ушах бирюзовые сережки, которые изменили цвет и стали светло-голубыми. «Сережки помогают мне, бирюза забирает на себя болезнь», — подумала Елена.

Бред продолжался: будто наяву, она встала с койки и, как лунатик, отошла к окну, выпорхнула во двор и снова оказалась в стране детства.

Жили они бедно, помогали братья отца и соседи. Кто дал одеяло, кто телогрейку. Починили старую кровать, смастерили стол — так и стали жить на новом месте. Вскоре деревню заняли немцы. Лена рано повзрослела: в шесть лет она уже умела чистить картошку, кормила сестренку обратом. Оккупанты давали по пол-литра на грудных детей, а сливки пили офицеры и

солдаты. Ниночка все время была голодной. Сидя на лежанке, она сжимала маленькие кулачки и кричала:

— Дай, дай, дай!

Лена отдавала ей свой кусочек хлеба, делилась сахаром, если кто-то угощал ее. Немцы забирали у колхозников все: молоко, яйца, ловили кур, забивали поросят...

А ночью приходили партизаны, и люди сами отдавали последнее, все, что удалось припрятать. Когда наши войска освобождали Белоруссию, жители деревни рыли землянки и жили в них. Это было очень страшно, снаряды рвались прямо над головой.

Запомнился Лене день, когда они вышли из землянки и вдруг увидели красный флаг над сельсоветом, видимо, припрятанный кем-то из сельчан для этого события. Это был День Победы! По улицам вместе с детьми бежали на сходку босоногие бабы в белых ситцевых платочках. Спешили и Лена с мамой и кричали со всеми одно слово:

— Победа, победа!

Мама улыбалась и целовала дочь то в нос, то в ухо. Как все радовались, как были счастливы!

К ее кровати подошла дежурная медсестра, поправила подушку, сменила капельницу, ввела антибиотики. Впереди была длинная ночь. Елена Николаевна очнулась, попросила достать из холодильника облепиховый сок, который хорошо утолял жажду. Отпив несколько глотков из чашки, она кивком головы поблагодарила сестричку и закрыла глаза. Но спать ей не дали. Пришел врач и заставил подышать кислородом, потом измерил давление. Лицо его стало озабо-

ченным, видимо, все было не так просто. Ей снова ввели лекарство.

Елена не сопротивлялась, не реагировала на уколы — наступал кризис. Сможет ли организм справиться с врагами-невидимками: их много, и они так хорошо организованы! Главное, уже выиграло время, надев маску другого заболевания, запутали следы, вышли вперед. Силы Елены на исходе, но она борется: высокая температура, учащенное дыхание, частый пульс, сердце еле справляется... Выдержит ли? Правое легкое совсем не участвует в дыхании, его воздухоносная ткань пропиталась фибрином, стала плотной, как печень.

Врачи называют это серым опеченением.

Но поединок жизни и смерти идет в двадцатом веке. Давно открыты антибиотики, есть шанс на победу. Кроме того, у Елены в запасе родник с живой водой! В палате никого нет, но ей постоянно слышится речь, журчат родные знакомые голоса:

— Мамочка, съешь хоть что-нибудь, попей сока, — умоляет дочь.

— Я принес банку облепихи, — шепчет муж, прижимая к груди ее горячий лоб.

— Вам скоро станет лучше, — подбадривает профессор Двинский коллегу.

И Елена, умиротворенная, проваливается в дрему. Она видит, как из-под подушки выкатился, будто солнышко, большой оранжевый апельсин, подарок внука. Она следит глазами за ним, но он уже далеко, в опустевшем коридоре поликлиники, где сидит согнувшись на диване Саша Морозов, а на стуле лежит красивая забытая девочкой кукла!

Сны наяву, словно видения: в девочке Елена узнает почему-то себя, но только в руках у нее тощая тряпичная лялька, а вместо апельсина — мячик, скатанный из вылинявшей коровьей шерсти. Мяч мягкий и совсем не может прыгать, но как здорово играть им в лапту!

Картины сменяют друг друга: рядом с ней вдруг оказался Дениска, и она, бабушка Лена, учит его играть в «чижика» и «ножички». Вот она показывает мальчику, как сбивать «козу» — это ее любимая игра. Посредине широкой деревенской улицы ставится пустая консервная банка (коза), а около нее — пастух с палкой. Банку нужно сбить и успеть убежать, не став «меченым», потому что тогда ты становишься пастухом! В ее детстве каждый проявлял здесь невиданную ловкость, быстроту, хитрость. Игра возбуждала такой азарт, что бегали до позднего вечера!

Прошлое незаметно как бы перетекало в сегодняшний день: внук Дениска совсем не разделял восторга бабушки от этой глупой безропотной «козы» и предлагал научить ее компьютерным играм...

Елена наконец проснулась, попросила пить. Надюша напоила мать, та была так слаба, что не могла держать чашку в руках. Вся рубашка промокла от пота. Медсестра сменила Елене Николаевне белье, сделала укол, дала подышать кислородом...

Дом под звездной крышей

Кризис затягивался: температура то снижалась, то вновь повышалась, дыхание было ос-

лабленным. Жизнь Елены Николаевны висела на волоске, несмотря на усилия врачей, и она сама в бреду, в полусне, как утопающий за соломинку, цеплялась за далекие воспоминания детства, обретая на какое-то время ясное сознание, поражая незримого противника своим жизнелюбием, горячим желанием выбраться из бесконечной тьмы ночи.

... «Ученье свет, а неученье — тьма», — услышала она такой родной голос мамы, которая учила ее читать и писать на старых газетах, найденных на чердаке. Писала Лена между строк текста, а читала по слогам заголовки, набранные крупным шрифтом. Трудно было с письмом. Мама прописывала на страничке целые фразы: «Что посеешь, то пожнешь», «Голодной куме — хлеб на уме», и Лена писала каждую до конца страницы.

Однажды, когда у нее не получалась буква «ж», ей пришлось написать целый лист с очень смешной поговоркой: «Муж и жена — одна сатана». С маминой помощью освоила Лена и арифметику, и даже дроби!

Когда советские войска освободили Белоруссию, в деревне открыли начальную школу в избе из двух комнат. Совсем недавно в ней жила бедная, но счастливая семья, которую расстреляли немцы за связь с партизанами. Произошло это на глазах у всей деревни! Теперь стены школы напоминали ученикам о том, чего нельзя было забывать.

Лена пошла сразу во второй класс. Учились по два класса вместе: первый и третий, второй и четвертый. Один класс решал задачки, а другой — писал диктант или читал стихи. Учиться

ей нравилось, и начальную школу она закончила с похвальной грамотой. А вот в пятый класс Лене пришлось ходить в соседнюю деревню за семь километров. В сентябре еще было тепло, тропинка вилась по полю, через луг, вдоль небольшого болотца. Вода в нем была ржаво-коричневой, а на кочках можно было вдоволь покачаться! Ходили сначала с соседским мальчиком, но когда он заболел, Лена добиралась до школы одна. На зиму ей сняли угол у дальней родственницы.

Весной родители Лены решили переехать обратно в город, где жили до войны. Осенью они продали корову и купили лес для дома. Отец всю зиму, придя с работы и наскоро перекусив, обтесывал бревна. Заранее заготовили мох, доски и все отвезли в город на участок, выделенный под застройку. Это был год небывалого подъема, вся страна тогда строилась!

Лена хорошо помнит, как в одну из суббот пришли из деревни папины братья и за два выходных дня сложили сруб. Бревна выравнивали рубанком: пахло смолистой стружкой и вкусной едой. Мама долго припасала продукты на этот день: строителей нужно было хорошо покормить — это старый деревенский обычай. Возводили дом, который будет служить и детям, и внукам. Дом — не только стены, это уклад жизни с праздниками и буднями, с обычаями и традициями, с печальями и радостями.

«Дом вести — не лапти плести», — говорили старики. Но эти премудрости жизни откроются Елене позже. А пока она помогала взрослым — убирала стружку, лакомила конфетами-подушечками и была счастливее всех!..

В палате тускло светилась лампочка. На кушетке, сняв халат, спала Надя. Елена Николаевна дремала: картины детства оживали так ярко, будто и не было прожитых лет. Она наслаждалась тишиной и покоем, и память вновь перенесла ее в новый, недостроенный дом без крыши.

До холодов решили оборудовать одну половину его: вместо крыши натянули брезент на угол, где спали на сене. Еду готовили на примусе. Лето, к счастью, стояло сухое, ночи ясные. Лена брала свою охапку сена и шла в другой угол, где крышей служило звездное небо. Она любила смотреть на звезды. Одни из них были яркими, другие — более бледными. Иногда она видела белесоватую полосу — Млечный путь. Он напоминал Лене тропку во ржи с васильками и ромашками, а рогатая луна походила на любимую корову Милку, которую недавно продали. Дом без крыши сливался с мирозданием, и она находила в далеких небесах свою звездочку.

Заворочалась на кушетке Надя, что-то заговорила во сне, — и девочка Лена из далекого детства в одно мгновение стала Еленой Николаевной.

«Значит, в небесах есть моя звездочка, я жива, — обрадовалась Елена. — А где же звезда Жени Пирогова? Не могла же она погаснуть, скорее всего она дала начало другой, еще не открытой звезде...»

Елена Николаевна вспомнила такой знакомый голос Евгения, и в палате так явственно зазвучала мелодия романса:

Умру ли я — ты над могилою
Гори, гори, моя звезда!

Убаюканная призрачным голосом друга, участковый терапевт Чистякова крепко уснула. Бледное лицо ее было спокойным, как после трудной, но завершенной работы. Кризис миновал, и это вселяло надежду на скорое выздоровление.

Надя встала рано, она двое суток не отходила от матери. Елена проснулась позже. Увидев дочь, улыбнулась — и попросила зеркальце. Надя помогла ей умыться, покормила. Елена впервые за три долгих дня ощутила вкус пищи: омлет с колбасой был бесподобным, а ватрушка с творогом таяла во рту. Она сама держала в руке чашку с какао.

— Мне сегодня лучше, Надюша. Ты пораньше иди домой да присмотри за Дениской, я так скучаю без него.

— Хорошо, мамочка, поправляйся, мы завтра придем к тебе.

Борис Михайлович Двинский утренний обход, как всегда, начинал с реанимации. В сопровождении врачей-интернов и коллег дежурной службы он обходил палаты.

— Здравствуйте, Елена Прекрасная, — воскликнул профессор, увидев больную сидящей на кровати с зеркальцем в руках. — Да вы сегодня просто герой!

— Ну вы уж скажете, на мне лица-то нет, одни глаза, — с улыбкой сказала Елена.

— Э, нет, голубушка, лицо у вас на месте, и героиня вы настоящая: заболели на работе, но пост не покинули — раз, Сашу Морозова спасли — это два, и вижу по глазам — справились с коварным микробом! И кто же вы после этого? Молодчина! И не возражайте: на таких как вы мир держится!

— Спасибо, Борис Михайлович, за добрые слова, мне действительно лучше.

— Это вам, Чистякова, спасибо от пациентов ваших двух участков за хорошее самочувствие. Они тут покоя не давали дежурным врачам! Да, чуть не забыл, какой-то поклонник передал вам книгу Омара Хайяма, сказал, что вы обожаете стихи. А в реанимации вам больше делать нечего. Завтра вас переведут в терапевтическое отделение!

Довольно кашлянув, профессор Двинский подошел к следующей больной.

В палату забежала Надя, о чем-то спросила главного хирурга и поспешила к матери. Положила в тумбочку кулек с апельсинами.

— Что же ты домой не идешь, отдохни хорошенько, — сказала Елена.

— Все, все, ухажу, — дочь, улыбаясь, поманила рукой.

Помни о смерти!

Елена последний день находилась в реанимации. Еще совсем недавно она была между жизнью и смертью: проваливалась в сон, дремала, бредила, погружаясь в воспоминания, но жизнь вернулась, и, выздоравливая, Чистякова заново училась видеть, слышать, ходить... Ощущалась слабость в ногах, порой еще кружилась голова, но ее окружал реальный мир. Думала ли она о смерти раньше? Конечно, нет: дом, семья, беспокойная работа, вызовы к больным, два участка... Нет, некогда было ей думать о «том свете»!

А смерть — вот она, рядом. Отошла на шаг к соседней кровати, где на кардиомониторе по-

явился сигнал тревоги: вместо зубцов кардиограммы на экране идет прямая линия — сердце остановилось! Врачи сбежались к умирающей женщине, движения слаженны, каждый знает свое место: в их распоряжении только пять минут, обескровлен мозг! Ей уже делают непрямой массаж сердца, искусственное дыхание, дают кислород. Хирург берет шприц с лекарством и вводит его в сердечную мышцу, но сердце молчит... В руках кардиолога — дефибрилятор, он плотно прижимает его к груди больной, и разряд электрического тока слегка подбрасывает пациентку вверх. Удар передается и доктору, но он не реагирует. Его взгляд прикован к экрану монитора.

Сердце умирающей затрепетало, появились разрозненные, беспорядочные сокращения в виде отдельных зубцов. Они постепенно выровнялись, стали выше — и вот уже восстановился нормальный синусовый ритм! Лицо пациентки порозовело, холодные пальцы рук стали теплеть. А лицо кардиолога все еще бледное. Не зря говорят, что врач умирает и воскресает с каждым своим больным.

Напряжение спадает, но ненадолго: из операционной везут на каталке парня после тяжелой полостной операции. Он еще в глубоком наркозе, без сознания. Медсестра в поднятой руке держит капельницу, соединенную иглой с веной больного, его ни на минуту нельзя оставить без лекарства!

Парня перекладывают на кровать, подключают к аппаратам.

Анестезиолог осматривает пожилого мужчину, лежащего у окна, который после травмы десятые сутки не приходит в сознание.

Нет, не торопится смерть уходить из палаты, медлит, выжидает.

«Реанимация — приют умирающих, воскрешенных и не воскресших», — с грустью отмечает Елена Николаевна. Она смотрит на больного у окна, который угасает с каждым днем, и врачи, похоже, бессильны вернуть его к жизни. Но борьба продолжается...

Привыкнуть к смерти невозможно. Доктор Чистякова до сих пор помнит, как плакала в ординаторской в свой первый год работы в больнице. От запущенной болезни почек, от уремии, умирала ее пациентка, мать двоих малышей. Муж привез их проститься с мамой, но она была уже без сознания. Девочка молчала, а трехлетний мальчик улыбался, гладил ее руку и говорил отцу: «Мамочка спит, думает, что ночь наступила. Но она узнает, что мы приехали, и проснется!» Разве забудешь такое?

Сегодня, при нынешнем уровне медицины, эту женщину можно было бы спасти, пересадив ей донорскую почку, знает любой врач. Но такие операции стоят больших денег, и не каждому может помочь государство.

Да что там говорить, Елена сама чудом осталась в живых. Кризис миновал, но до выздоровления еще ой как далеко! Она чувствовала себя слабой и беспомощной, как младенец, недавно родившийся на свет.

В первые дни этой «второй» жизни она испытывала восторг от света тусклой электрической лампочки, от солнца в окне... Мелкие детали быта вставали крупным планом, будто видела их впервые. Голоса сестричек, родных и друзей были неповторимыми! Елена Николаевна

вдруг вспомнила: нечто подобное с ней уже было...

Это случилось давно, в отпуске, когда они всей семьей отдыхали у друзей. Память вернула Елену в то далекое уже лето: в лесу попевала черника, пошли расти грибы. Валентин уговорил ее поехать в лес за грибами вместе с дочкой. Наде было лет пять, наверно. В один из дней они все вместе отправились электричкой в дальний лес. Решили сойти на промежуточной станции и идти лесом до конечной, собирая грибы. По тропинке они незаметно углубились в чащу леса. Надя бежала впереди, рвала цветы, весело подпрыгивая и что-то напевая. Из-за деревьев вскоре раздался ликующий голос мужа:

— Все ко мне! — кричал он. — Посмотрите, какой красавец-боровик!

Надя побежала к отцу, а Елена подняла несколько сыроежек. Муж нашел еще два красно-головика...

Воспоминания оставались в памяти яркими, незабываемыми. Уходя всё дальше в лес, они потеряли тропинку. Через полянку виднелся перелесок. Направляясь к нему, они попали в крапиву, а когда выбрались из нее — уткнулись в болотце. Было сыро, пришлось прыгать по кочкам, и они вновь оказались в крапиве, которая была выше головы, а кругом простиралось настоящее болото — страшное, зыбкое.

Елена помнит, как умоляла Валентина вернуться назад. У Нади промокли туфли, они кружили по болоту уже больше часа и поняли, что заблудились. Оба тревожились за Надю. С собой была пачка печенья и лимонад, у мужа — спички. Везде между кочек проступала вода. «Здесь

даже костер нельзя развести. А если ночь застанет?» — мрачно размышляла Елена. Ох какие невеселые мысли теснились у нее в голове! Валентин же, напевая арию тореадора, подшучивал над женой, шел по воде, держа дочку на руках.

Выйдя на сухой бугорок, они решили передохнуть. Надя увидела бабочку и побежала за ней, но скоро раздался ее крик: Лена увидела почти рядом с дочерью черную извивающуюся змею! Она схватила девочку за руку и заплакала. Муж утешал ее, говорил: «Да и не змея это вовсе, а обыкновенный уж...» Он увлек жену в другую сторону, но там справа, выползали еще две змеи. Парализованная страхом, Лена еле передвигала ноги.

И в этот момент под слоем воды она увидела две колеи, след телеги. Это была старая дорога! Пошли по колее, друг за другом, но скоро радость сменилась страхом: вода доходила до колен. Надя хныкала на руках у отца, просилась домой, а Валентин шел упорно вперед, покрикивая на Елену, чтобы не отставала... Под ногами появилась твердая земля, и — о, чудо, две колеи побежали по суше! Все повалились на траву, радуясь сухому месту. Надя проголодалась и в один присест съела печенье, выпила лимонад. Немного отдохнув, двинулись к большой дороге. У пожилой женщины, которая встретила их вскоре с полной корзиной грибов, они спросили, как пройти к электричке. Женщина указала им тропку, а узнав, где заблудились горожане, изменилась в лице.

— Так это же змеиное болото, — тихо проговорила она. — Местные-то знают, не ходят туда. Ну и вы теперь будете знать...

У Елены и сейчас наворачиваются слезы на глаза от тех жутких минут, которые пришлось пережить. Они вышли тогда к конечной станции и скоро услышали стук колес приближающегося поезда. Валентин мечтал об ужине, а она не могла никак отойти от только что пережитого — вглядывалась в предметы, в лица прохожих, ей хотелось обнять и расцеловать каждого встречного!

Чувство второго рождения, похожее на то, давнее, необъяснимо огромное, понятное только тому, кто его пережил, пришло к Елене сегодня утром. Начиналась новая жизнь, как тогда, после «змеино-го болота». Ночь прибавила сил. Принесли завтрак, и она обрадовалась еде, ощутив забытое чувство голода. После осмотра пульмонолога Чистякову перевели из реанимации в отделение.

Боль своя, боль чужая...

Все познается в сравнении. Палата в терапевтическом отделении показалась домом родным: удобная кровать, тумбочка, настольная лампа, любимый фланелевый халат... Много ли надо больному человеку? Даже такая мелочь — халат, который у тебя отбирают в реанимации, имеет большое значение! Надев халат, ты можешь выйти в коридор, наведаться в буфет или в библиотеку. Соседка по палате доверительно сообщила Елене, что они даже в магазин бегают через дорогу. Конечно, она тоже сходит в магазин, как только наберется сил. Болезнь отступает, теперь нужно только терпение и время.

Неделя пролетела, как один день. Отцветали

сады, вдоль улиц полыхала сирень! К Елене ежедневно приходили муж и дочь, навещали коллеги и бывшие пациенты. Шурочка пекла ее любимые пирожки с яблоками. Вера, жена Пирогова, приносила фрукты и соки... Елена была счастлива!

В палате вместе с ней лежали три женщины. Одну из них звали Виктория, Вика. У нее был острый пиелонефрит, заболевание почек. Она уже поправлялась и собиралась домой. Дома ее ждала крохотная двухмесячная дочурка, которую ей ежедневно приносили кормить. Вика только и знала, что сцеживала молоко — боялась мастита.

В свободное время она вязала крючком красивые ажурные салфеточки, а затем дарила их врачам, сестричкам, нянечкам. Виктория надеялась победить свою болезнь насовсем — имя обязывало!

Напротив у стены лежала Мария, на вид ей было лет сорок. Черные волнистые волосы обрамляли бледное, с нездоровым румянцем на щеках лицо. Красавица Мария, Маша, была достойна кисти Рафаэля, но судьба не баловала ее. Еще в детстве перенесла она ревматизм, не раз лежала в больницах. Диагноз был малоутешительным: порок сердца. В молодости какое-то время Маша чувствовала себя неплохо, считала, что «переросла» недуг, и перестала думать о нем. Но сердечная недостаточность прогрессировала, развивалась исподволь. Мария вышла замуж, родила двоих детей, хотя врачи категорически запрещали рожать.

Елена Николаевна понимала Марию, ее жертвенность: она сама испытала радость рождения дочери, а позже — внука. «Какое это счастье — прижимать к себе, обнимать и целовать милые,

чумазые мордашки своих кровиночек», — думала она, прикрывая одеялом спящую Машу. Беременность и роды действительно плохо повлияли на ее здоровье, сердце не справлялось с нагрузкой, появились отеки на ногах.

Сыну Сережке исполнилось всего только двенадцать лет, Олеське, младшенькой, — шесть. За ними присматривала мама. Маша угасала с каждым днем и уже почти не вставала с кровати. Ей было трудно дышать даже лежа, и ее полусидя укладывали на подушки.

Елена больше других помогала Марии, они подружились. Вот и сейчас она уговаривала ее съесть дольку апельсина, потом заварила свежий чай с мятой... Мария мужественно переносила все тяготы болезни, благодарно принимала помощь женщин и только по ночам давала волю слезам: ей было жаль детей, маму и обидно за свою лихую судьбу.

Она работала фельдшером в большой деревне, муж безбожно пил. Два года назад, во время очередного запоя и драки, он утопил в реке колхозный трактор, но сам выплыл и теперь отсиживал срок. Дали ему семь лет: избитый им человек стал инвалидом.

Мария знала, что скоро умрет, днем лежала тихо, прикрыв веки. Мысленно она видела свой новый дом, который достраивали всем селом, и была так благодарна людям, что не оставили в беде. Она просила Бога, чтобы дал ей увидеть в последний раз маму и деток, они должны были вот-вот приехать из деревни.

Около двери стояла кровать Нины Васильевны — доброй пожилой женщины, страдающей приступами бронхиальной астмы. Она жила одна

в полуподвальной холодной комнате и вечно простужалась — вот и заработала астму впридачу к пенсии. «От такой болезни не так просто вылечиться», — говорила, точнее, жаловалась она соседкам.

Елена Николаевна с каждым днем становилась крепче и бодрее.

— Скорее бы домой, я так соскучилась без Дениски, без всех вас, — сетовала она мужу.

Валентину тоже было тоскливо без жены, однако уговаривал ее не торопиться с выпиской, он столько пережил за эти дни.

За Викой приехали мама и муж, она поправилась. Счастливая Виктория прощалась с женщинами, пожимала всем руки.

Ближе к вечеру в палату зашел дежурный врач, дольше всего задержался у постели Марии — поднял ей повыше подушку, попросил сестру добавить новое лекарство в капельницу, пожелал всем спокойной ночи.

А ночь оказалась тревожной и беспокойной. У Нины Васильевны начался приступ удушья. Она тяжело и учащенно дышала, сидя на кровати и упершись руками в спинку стула, стоящего рядом. Ей вводили в вену лекарства, снимающие спазм бронхов, сама — вдыхала аэрозоль, пила микстуру от кашля, но ничего не помогало. Одышка нарастала. После консилиума врачей Нину Васильевну увезли в реанимацию.

Тихо стонала Мария. Елена пыталась уснуть, но сон не шел. Мысли роились как пчелиный рой в поиске надежного пристанища. Только к утру она наконец уснула.

Ее разбудили незнакомые голоса, врачи стояли вокруг постели Маши — бедная женщина

умерла во сне. Уставшее, больное сердце просто остановилось. Медсестра пришла делать укол и увидела ее мертвой. Вскоре все разошлись, Марию накрыли простыней.

— А ведь сегодня должны приехать мать, дети, — вспомнила вдруг Елена Николаевна и расплакалась. Казалось, конца не будет слезам.

В палату заглянул Борис Михайлович Двинский. Увидев Елену плачущей, подошел к ней:

— О чем слезы льет наша красавица? — спросил весело профессор.

Он всегда шуткой, улыбкой старался поднять настроение больного, смягчить боль. Взглянув на кровать у окна, накрытую простыней, все понял. Замолчал, сел рядом.

— Утешать бесполезно, так как нет таких слов, которые сильнее слез! Слезы — спасение души, и все же, голубушка, я напому вам слова Герцена: «Мы не врачи — мы боль». Но боль не должна загонять нас в угол, повергать в уныние. Мы должны суметь подняться над болью, — сказал задумчиво Двинский и добавил: — Вот видите, целую речь произнес, хотя никогда не питал любви к речам.

Он говорил это уже не Елене, а скорее себе, главному хирургу области, который завтра вновь станет к операционному столу и будет латать чье-то больное сердце...

Борис Михайлович погладил Чистякову по голове, будто неразумное дитя, увидел на тумбочке томик стихов Омара Хайяма и проговорил:

— Вот у кого надо учиться жить!

Двинский открыл книгу и прочел первое попавшееся стихотворение:

Мы — источник веселья — и скорби рудник,
Мы — вместилище скверны — и чистый родник.
Человек — словно в зеркале мир, — многолик,
Он ничтожен — и он же велик.

— Читайте по одному стихотворению три раза в день и на ночь, — посоветовал он коллеге и вышел из палаты.

Елена прикрыла на миг глаза и увидела бледное улыбающееся лицо Марии, ее дом в центре деревни, а на крыльце — Олеську, как две капли воды похожую на мать.

«Вот кого надо беречь! Может, ее судьба будет счастливее. Кем она станет, когда вырастет? Я обязательно помогу им», — решила для себя Елена Николаевна.

Тихий стук в дверь заставил ее вздрогнуть, очнуться от грустных мыслей.

— Да, да, войдите! — сказала она и увидела Веру, жену Жени Пирогова. Она и раньше навещала Елену, но сегодня ее приход был особенно нужен. Она поднялась навстречу подруге. Они обнялись, да так и застыли в порыве радости встречи и острой печали — общего пережитого горя — смерти Евгения. Заметив, что Вера достает из сумки банку с медом, Елена взмолилась:

— Верочка, не надо, не выкладывай. Ты открой тумбочку и посмотри, что там творится! Меня ведь скоро выпишут домой.

Увидев расстроенное лицо Веры, она притихла. Стараясь загладить свою вину, взяла мед и предложила:

— В таком случае мы будем пить чай.

Вера оставалась грустной, растерянной. Вытащила из сумки две толстые общие тетради,

перевязанные тонкой резинкой. Протянула их Елене Николаевне.

— Леночка, это записки Жени, дневники. Я нашла тетради, разбирая его книги, и хочу отдать тебе. Ты лучше других понимала Женю. Сначала я никому не хотела их показывать, но думаю, тебе можно, — и она положила тетради на кровать.

— Как-то я спросила Женю, — продолжала Вера, — ни диссертацию ли он пишет? На что Пирогов засмеялся и сказал мне: мол, Верочка, каюсь в грехах за неимением времени ходить в церковь. И пояснил: помнишь, в Библии записано: «Вначале было Слово... и Слово было Бог». Вот я и разговариваю сначала с Богом, а потом с тобой — тем и живу! Знаешь, Лена, я помню все его слова, я не верю, что Жени нет. Он так не хотел умирать! — Вера склонила голову на плечо подруги и заплакала.

— Трудно поверить в смерть близких, наши любимые с нами, пока мы живы, — утешала подругу Елена, думая о Жене.

Вера ушла, и она осталась совсем одна в палате. Больничный распорядок строго выполнялся, и вскоре медсестра пригласила ее в процедурную на уколы. Потом Елена сходила на прогревание, сделала ингаляцию. После обеда забежала Надя с целым ворохом новостей:

— Андрей вернулся из командировки, его статью напечатали в областной газете, а у Дениски в детском саду — выпускной бал! Осенью он пойдет в первый класс, — взволнованно говорила дочь.

Жизнь продолжалась... За окном спешили прохожие, мчались трамваи, во дворах играли дети, над крышами домов парили голуби, а в больни-

це наступило время «тихого часа». Вспомнились доктору Чистяковой стихи одного пациента:

Тишина, безмолвие, покой —
В стороне от жизни городской...
Остывает недопитый чай,
Тихий час в больнице, тихий час!
Сколько их потеряно на сон?
В тишине слышнее каждый стон.

Елена Николаевна раскрыла первую тетрадь Жени, и время потекло вспять: она читала, плакала, смеялась, узнавая живого Женьку Пирогова.

Записки хирурга Пирогова Евгения Ивановича, или послание к господину Икс

«Спешу уведомить Вас, что я не сумасшедший и нахожусь в полном здравии. Уважаемый Господин Икс, мы с Вами знакомы давно: Вы — мой двойник, мое второе «Я», мой вечный оппонент! Вы скрываетесь под маской, но я узнаю Вас по голосу, вычисляю, как уравнение с неизвестным, заслышав Ваше дыхание за спиной. Мне часто хочется побыть одному, но Вы следуете за мной по пятам, наставляя на путь истинный, даже не подозревая, что пути у нас разные. Вы ворчите, что я не умею жить, не умею отдыхать, не умею любить с пользой, но зато я умею работать, и в этом Вы не можете меня упрекнуть!

Я хирург, и в работе подобен Мастеру: отсекаю все лишнее (аппендиксы, грыжи, зловредные опухоли). Я помогаю Творцу, исправляю его

ошибки, которые уродуют человеческое тело, не дают людям жить нормально. Это врожденные аномалии развития: «волчья пасть» и «заячья губа», шестой палец на стопе, третья грудь около пупка — да разве все упомнишь? Нередко я вступаю в поединок со смертью, вытаскиваю человека с «того света»... А Вы, уважаемый Господин, ругаете меня, что отдал одному из несчастных свою драгоценную кровь первой группы, резус-отрицательную (не было донорской, такое бывает!). Взываете к моему разуму, когда я не имею времени пообедать, когда остаюсь на ночь у постели тяжелого больного... Вы, мистер Икс, всегда хотите засунуть меня в прокрустово ложе, но я, к сожалению, весь нестандартный! У меня коротковатые для мужчины, нежные, почти женские руки (так говорят мои пациенты), но зато я имею крепкие, «слоновьи» ноги, иначе не выдержать пятнадцатичасовую стойку за операционным столом. Мой фаллос, и тот — сам себе на уме!

Я знаю, мой оппонент, Вы против свободной любви, талдычите мне, чтобы использовал свой детородный орган по назначению! Но что делать, если женщина, которую я люблю, не способна родить. Может, Вы когда-нибудь снизойдете до нас, грешных, до наших бед и печалей, и поймете, что святую заповедь «плодитесь и размножайтесь» можно исполнить только с любимой женщиной.

Да, я не застрахован от ошибок, и здесь Вы, Господин Икс, подглядывая и следя за мной, можете вдоволь покуражиться, но я и не скрываю их, — наоборот, с болью кричу, чтобы предостеречь идущего следом!

Но об этом я расскажу позже. Сегодня — хочу спать!

Вы, как всегда, правы: я почти не отдыхаю. По воскресеньям и праздникам — обычно дежурю, обеспечиваю себе приработок к прожиточному минимуму. Служу тем, которые по вечерам сидят в ресторанах и ночных клубах, объедаясь деликатесами, шашлыками, красной икрой, сдобренной Есенинским коктейлем (водка + пиво) в лошадиных дозах, теряя чувство меры и контроль над собой...

Привозят весельчака со слезами на глазах ночью! Его выворачивает на виду у всех, и я трачу свои часы сна, чтобы промыть ему желудок и удалить всю вкуснятину в таз!

Если б Вы знали, мой Господин, как дурно пахнет это «ассорти» — не перешибешь никаким дезодорантом! Спасенный бедняга доволен, улыбается, а я хмурюсь, — меня мучает недосып! Какое слово придумал, наверное, ни в одном словаре нет: не—до—сып!

Я и дома всегда начеку. Звонок! К телефону подходит Вера. «Ага, зовут в реанимацию, — отвечает она на мой вопросительный взгляд. — Собирайся, за тобой приедут». Сегодня мне проще: я дежурю. Только что поступил еще один отдыхающий. Его привезли прямо из гостей, оторвали от застолья. Бедняга подавился косточкой от цыпленка табака. Его глаза, полные ужаса, трудно забыть! Хотя — всё проходит... Провозился с ним остаток ночи: пришлось давать наркоз. Кость застряла в пищеводе прочно, небольшая, но острая! Как умудрился проглотить? Да что там, видел и похуже. Глодают люди все подряд: ручки от ложек, монеты, гвозди, игол-

ки... То ли по пьянке, то ли пожелав «отдать концы». Кто их разберет?

Но этот счастливчик явно хотел жить. С большим трудом достал зубчатыми щипцами, похожими на пасть крокодила, тонкую косточку. На вид ничего особенного, но поцарапала пищевод как злющая ведьма. Сделал назначения, ввел в желудок питательный зонд (трубку). Теперь голубчику придется пару дней пить не закусывая, но работой я доволен, еще и поспать немного смог.

Господин Икс, снимите наконец маску, не прячьтесь, я же знаю — Вы здесь и тоже недоспали, напоминаете мне о правах не только на труд, но и на отдых. Вы говорите, что «валят на того, кто везет»! Да пошли бы Вы к черту, я устал с Вами спорить. Каждому — свое. Живу по принципу: если не я, то кто же?»

Елена вникала в написанное, размышляла над каждой фразой, читала, забыв обо всем: пропустила ужин, не выпила лекарство... А повествование продолжалось на одной высокой ноте: откровения и искренности.

«Вы ошибаетесь, мой двойник-невидимка, у меня тоже бывают праздники, но Вы о них едва ли догадываетесь. Вам не понять моей радости от того только, что мой больной, которому я вчера сделал резекцию желудка, сам — помочился! Это равносильно Дню Парижской коммуны. А если у него самостоятельно стали отходить газы — это уже не иначе, как праздник войск артиллерии! Прости, друг, за черный юмор. Но я иногда отмечаю эти праздники, выпивая «фронтовые» сто граммов спирта.

Я вижу, как Вы скривились, мой антипод, Вы любите сухие красные вина, но они сейчас — подарок с неба и пьются лишь по большим праздникам, в которые я чаще всего нахожусь вне дома, на дежурстве, и — трезв! Не судите меня строго за мои маленькие слабости — за ними жизнь... Мой оперированный больной обязательно поправится! Он придет ко мне после выписки с бутылкой армянского коньяка, и мы выпьем в ординаторской после работы за его здоровье всем дружным коллективом, и это будет еще один праздник, не привязанный ни к дате, ни к листку календаря, в каком-нибудь «мартобре» между днем и ночью.

Знаю, Вы в это время, как сверчок за печкой, дрожите от страха, как бы чего не вышло! Вдруг главврач зайдет? Но он у нас Человек, к тому же хирург, поймет! А если и заглянет Борис Михайлович Двинский — обязательно присядет к столу, пригубит рюмочку, вспомнит молодость и скажет: «Божественный напиток!»

Вам, уважаемый, никогда не понять кое-чего, вот и атакуем мы друг друга, как заклятые враги, а ведь мы — братья по крови (не по духу!), и пора нам перейти на «ты». Порой так хочется «поплакать в жилетку», покаяться в грехах, хоть в церковь иди! Но лучше бы поговорить с Богом наедине, без посредников — вот и пишу дневники, и не мешай мне.

Я обещал рассказать об ошибках... Я не смог помочь своей родной бабуле, ей было за восемьдесят, а я не имел еще опыта. Она умерла от разлитого гнойного перитонита. Правильный диагноз ей поставил лишь патологоанатом — прободной гангренозный холецистит! Я не знал

тогда, что у старых людей дряблая брюшная стенка, как и брюшина, почти не реагирует на воспаление соседнего органа: у нее живот был совсем мягкий и анализ крови — почти нормальный, без увеличения лейкоцитов. Сопротивление организма инфекции у пожилых резко снижается, и все симптомы заболевания сглаживаются. Прости, бабуля, я любил тебя, но не успел еще стать хорошим врачом.

Умирающему ребенку с гемофилией я перелил кровь единственного донора с нужной группой крови, которого вызвали из дома, а он оказался носителем вируса гепатита. Боже, как это было больно, но ведь я все-таки спас малышу жизнь, и у меня не было времени сделать анализ крови.

Жизнь — благо, даже если не все в порядке со здоровьем. Ко мне сегодня приходил пациент. Десять лет назад он погибал от истощения, у него был резко сужен пищевод, и я сделал ему дырку в желудке, вывел ее наружу и поставил трубочку (гастростому), чтобы он мог кормить себя через эту дырку, минуя пищевод. Его отпустили на месяц домой, подкрепиться, чтобы потом сделать операцию — пластику пищевода. Но он испугался, что его будут опять резать, и не пришел. Десять лет он кормит себя через трубку, даже вливает в нее стакан водки по воскресеньям да в праздники и, несмотря на недуг, работает на грузовике!

Ну, что ты на это скажешь, брат мой? Ты бы смог так? Учись у него радоваться жизни и не брюзжать по пустякам».

Елена Николаевна потеряла счет времени...
Дежурный врач, делавший вечерний обход,

спросил о самочувствии, пожелал спокойной ночи. Пришла медсестра, сделала укол, оставила таблетку снотворного, напомнила, что скоро надо выключить свет.

— Хорошо, я еще немного почитаю, — задумавшись, ответила она, и открыла вторую тетрадь...

«Вот уже год как меня донимают боли в сердце, — писал Пирогов. — Спасает нитроглицерин, но от него жутко болит голова. Помогает глоток коньяка под язык, но возникают спазмы в желудке (палка о двух концах!), и все же я — счастливый человек! У меня есть любимая работа и любимая женщина. А что у тебя, Господин Икс, какие твои идеалы? Бег по утрам, работа от звонка до звонка, праздники по календарю и в конце — медаль «Ветеран труда»! На большее ты не тянешь. Тебя мучает постоянный страх: не изменила бы жена, хватило бы до получки и много всякого такого... Я довольствуюсь малым: любовь и работа, но за этим — весь мир!

Любезный Господин Икс, брат мой, не обижайся на мои подначки. Я знаю, ты всю жизнь хотел мне добра, но оно всегда «выходило боком». Таких как я не так много: мы неудобны, вносим сумбур в устоявшийся порядок. Но любой порядок изживает себя со временем. Только из хаоса, абсурда, инакомыслия зарождаются новые идеи, а с ними рождаются и новые герои! При жизни они редко бывают признаны, скорее, наоборот, гонимы! Только время отыскивает жемчужину в темном брюхе моллюска.

Гибнут сотни непризнанных гениев, чтобы воздать должное одному, совпавшему с эпохой. Знаю, человеку свойственно ошибаться, человечеству — не позволено! Возможно, и я стану

лишь почвой для нерожденного еще провидца, и это — большая честь. Я буду питать его сосуды, клеточки его мозга, отдавая свои мысли и опыт. Мой дух будет укреплять душу его. Я буду причастен к будущему — ничто не исчезает бесследно!

Сегодня я снова всю ночь промучился: сердечные приступы следовали один за другим, немели руки и ноги. Помогал только американский препарат, чудо-таблетки, но не надолго. Все время боялся разбудить Веру — она поздно легла, я ее очень люблю...

Мой Господин Икс, мой старший брат, ты советуешь мне лечь в кардиологию, чтобы обследоваться и подлечиться. Я подумаю над твоим предложением, ты же мне не враг. Но скорее всего я пойду к участковому терапевту Лене Чистяковой. Поплачусь, посоветуюсь, а потом возьму гитару, и мы с ней споем на два голоса «Гори, гори, моя звезда... Звезда любви волшебных дней. Ты будешь вечно незакатная в душе тоскующей моей!» — и, если мне не станет легче, я последую твоему совету, брат.

Я чувствую, жить мне осталось недолго и умрем мы вместе. Приготовься к этому! Поверь, мне жаль тебя, Господин Икс — ты погибнешь со мной ни за грош — такой правильный, безгрешный. Человек-невидимка (ведь о тебе знаю только я!). А вспоминать будут меня, жизнелюба и грешника. Про неудачи и промахи скорее всего умолчат. Кто-то скажет, дескать, Женька был «золотых дел мастером», умел шить как никто другой! На поминках принято хвалить или молчать, ты же знаешь.

Я виноват перед тобой в непослушании, прости. Снова болит сердце. Неужели ты прав, —

пора вызывать «скорую». Я так устал бороться с собой. Почему я был так нетерпим к тебе?

Господин Икс, ты — мое второе «Я», мой двойник, помоги мне, займи сил. Я не хочу умирать, я хочу жить...»

На этом записки обрывались, но Елена еще раз перечитала последнюю тетрадь.

«Боже мой, за что же ты казнишь себя? — запоздало спрашивала она друга. — Ты столько людей спас от неминуемой смерти, а себя не уберег. Вспоминаешь ошибки... Мы все не убергли тебя, милый Женя, Евгений Иванович Пирогов. Ты по-прежнему с нами, и душа твоя здесь, в этих тетрадках, явленная в слове».

Слезы текли по щекам, но Елена не замечала их, мысли путались, искали выхода.

«Да, хорошее быстро забывается, помнится плохое, и оно без конца терзает больную совесть. Чувствовать свою вину, не перекаладывать ее на плечи другого — это и есть высшая порядочность, — думала Елена, перелистывая тетради. — Я знаю, что делать — эти дневники должны стать книгой, и мне поможет в этом Андрей, Надин муж. Он журналист, и ему легче будет связаться с издательством. Думаю, Вера не будет против. Я верю, Женя, ты еще придешь к людям, как приходил не раз...»

Елена Николаевна закрыла тетради, встала, подошла к окну. Она не заметила, что давно наступила ночь. На темном небе светились и мерцали далекие звезды, и одна из них, самая близкая, робко заглядывала в окно палаты.

1987—2001 гг.

Портрет девушки
в розовом берете

Рассказы

Портрет девушки в розовом берете

Памяти М. А. Егоровой (Троицкой)

Судьба подарила мне встречу с картинами двух неизвестных московских художников. Одна из картин — «Портрет девушки в розовом берете» — доставила душе моей не только истинное наслаждение, но и нечто большее. Она помогла мне поверить в себя! Самое время начать рассказ: «А было все так...» Но, пожалуй, не стоит торопить события, наоборот, подойти к повествованию о главном издалека, не спеша разматывая клубок воспоминаний.

Поначалу мне хотелось бы вернуться в первые послевоенные годы, в глухую деревню. Никто не учил меня рисовать картины, понимать живопись, слушать музыку... Война украла детство. До картин ли было? И все же понимать красоту нас, босоногую ребятню, учила природа. Вспоминаю цветущие луга, речку с плакучими ивами, желтыми кувшинками, залитые солнцем лесные поляны с душистой земляникой... Не забыть и соловьиные трели в зарослях черемухи, и одинокий голос кукушки в лесу.

Позже, занимаясь в институте, готовясь стать врачом, я сама восполняла пробелы в своем образовании: посещала выставки художников, читала умные книги по искусству, но та, первая «книга жизни», была самой яркой! Весь мир познавался в сравнении с незабвенными ее страницами: златоглавые церквушки напоминали мне кроны цветущих лип, а готические шпили храмов — остроконечные вершины елей. Придя впервые в Третьяковскую галерею, я была потрясена картинами Шишкина — они пришли из моего детства! А вот перед полотном Куинджи «Лунная ночь на Днепре» растерялась: в нем было что-то загадочное, непонятное, космическое...

В Ленинграде я восторгалась белыми ночами и ажурными оградами Летнего сада, дворцами и старинными особняками. У каждого из них было свое лицо, своя история. Моя душа интуитивно тянулась к прекрасному, училась находить истинную красоту в обычном. Искусство помогало мне глубже видеть мир, лучше понимать людей. Оно давало силу и заряжало энергией, хотя делало душу и более ранимой, высвечивая какие-то иные грани жизни и бытия.

После окончания института я жила в районном городке, работала хирургом, но через полгода мне пришлось возглавить больницу. Не имея опыта, не зная жизни, билась я, как рыба об лед, заделывая прорехи то в одном, то в другом отделении. Над операционной текла крыша, в палатах со стен сыпалась штукатурка, не хватало врачей...

Своими бедами и радостями делилась иногда с подругой в надежде получить дельный совет.

Однажды, забежав к ней вечерком, я увидела на стене картину. Она показалась мне знакомой. Точно, я видела репродукцию с нее в одном из толстых журналов: пейзаж с горной речкой и солнечными бликами на волнах. Оригинал смотрелся совсем по-другому, чувствовался незаурядный талант мастера. Моя душа откликнулась на чувства и мысли художника, вместе с ним восторгалась своенравной речушкой в блеске солнечных лучей.

Я с удивлением спросила подругу:

— Как попала к тебе эта картина?

— В Москве у меня живет тетя, она дружила с художником и его семьей. Он и подарил ей картину, а она передала ее мне ко дню рождения. Он умер, к сожалению, от неизлечимой болезни. Вот поедешь в Москву, дам тебе адрес дочери этого гения. У них не квартира, а настоящий музей: у нее и мама художница, и сама она рисует. Вот там есть на что посмотреть! А теперь пошли к столу, будем пить чай, — закончила она свою речь.

Вскоре мне и впрямь выпал случай поехать в столицу на совещание. Собиралась я туда без особого желания, ибо уже не верила, что можно что-то изменить в нашем здравоохранении. В больнице из-за недостатка финансирования не хватало операционных наборов, вышел из строя рентгеновский аппарат, машины стояли на приколе — не было запчастей. Врачи работали круглосуточно, обеспечивая дежурства по больнице за себя и «за того парня», чтобы получить прибавку к зарплате... Кроме Москвы, нам вряд ли кто уже мог помочь.

В столице на совещании я пыталась в каждом

выступлении найти подсказку, как работать дальше, слушала и записывала всё в блокнот. О чем только не говорили! О планах на ближайшие десять лет, о разукрупнении врачебных участков, о создании кардиологических бригад на станциях «Скорой помощи»... А где взять врачей, кто даст машины? Ответов на самые острые вопросы мне так и не удалось получить.

После вечернего заседания, которое окончилось рано, я позвонила дочери художника. Оказывается, подруга уже сообщила ей о моем приезде и меня ждали. В метро купила гвоздики и пошла по указанному адресу. Поднялась на лифте на восьмой этаж и робко постучала в дверь (звонок почему-то не работал).

Дверь тут же распахнулась, и на пороге появился белый лохматый пес, похожий на медвежонка.

— Норд, ко мне, — позвала хозяйка.

Но собака тыкалась мне в бок теплой мордой. «Родственная душа», — подумала я, поглаживая пса.

Невысокая миловидная женщина протянула мне руку.

— Ирина, — назвалась она.

— А меня зовут Анна, — смущенно представилась я. — Извините за мое вторжение.

— Ну что вы, мы всегда рады гостям, проходите в зал.

Я разделась, и мы оказались в большой комнате, пес следовал за нами. Все стены зала были увешаны замечательными картинами!

— Не стесняйтесь, смотрите, это все работы отца. Вот здесь — ранние, а там, слева, — последние, — сказала Ирина и ушла на кухню.

Перед моими глазами проходила вся творческая жизнь художника — от светлых наивных акварелей до зрелых, мастерски написанных полотен: дорога к Храму, весенний Гурзуф, северная деревня... А вот еще — цветущие яблони, а на переднем плане засохшее черное дерево с зеленым побегом! Не себя ли видел он в этом умирающем дереве? (Художник знал, что смертельно болен). Этот зеленый побег — не символ ли бессмертия искусства?

Я забыла о времени, переходя от полотна к полотну, и вдруг остановилась: на картине сиял нежными жемчужными переливами света букет белых лилий. Поразила надпись: «Реквием». «Значит, он не боялся смерти, — подумала я. — Он рисовал жизнь!» Сильный широкий мазок, размытость контуров, недосказанность, тайна — мне нравилось все!

Вошла Ирина, пригласила к столу. Мы не спеша ужинали, разговаривали о картинах. Ирина рассказывала об отце, который умер два года назад, о матери.

— Маме скоро восемьдесят, она тоже художник, живет недалеко, в своей мастерской на Масловке среди картин и старых друзей ее и отца. Оторвать маму от этой среды просто невозможно, — пожаловалась Ирина. — Силой хотели перевезти ее сюда, да где там, вы не знаете мою маму! Вот приедете в следующий раз, и мы обязательно сходим к ней. Не пожалеете! — пообещала она. — А теперь идемте в комнату моего сына, я покажу вам мамины картины.

Мы вошли в комнату поменьше, но высокие потолки увеличивали пространство. Картины матери отличались от тех, ради которых я при-

ехала. Чувствовалась женская рука, более утонченный взгляд, они были хорошо выписаны, законченны, и моя мысль благодарно, но лениво следовала за художницей. Я улыбалась, но большого восторга не высказывала, ибо не могла кривить душой.

Мы вернулись в зал, допили чай, и я собралась откланяться, но, увидев, что Ирина что-то еще вытаскивает из-за дивана, бросилась помогать ей.

— Это наш запасник, — смеясь, сказала она.

Наконец нам удалось вытащить большую картину в тонкой белой раме. «Портрет девушки в розовом берете», — прочитала я надпись внизу. На полотне была изображена красивая юная барышня то ли в берете, то ли в капоре розового цвета на пышных волосах. Что-то знакомое мелькнуло во взгляде ее больших карих глаз...

— Это мой портрет. Мне здесь семнадцать! Мамина работа, — с грустью промолвила хозяйка.

Я переводила взгляд с портрета на Ирину и снова на портрет и не узнавала в этой маленькой сутулящейся женщине с седеющими волосами и мягкими чертами лица, смиренного и доброго, удивительную юную красавицу...

Девушка в розовом берете заворожила меня: гордая посадка головы, вздернутой носик, лукавый, чуть надменный взгляд, беспредельная вера в себя! В ней была запечатлена мудрость, не знающая жизненного опыта: она получила ее от всех своих предшественниц — королев и служанок, богинь и жриц, блудниц и монахинь. Ее взгляд говорил: «Я все могу! Только для меня — этот мир! Но я так щедро и дарю его вам сегодня и завтра, я — это вы!» Розовое пятно на пышных

локонах казалось нимбом, знаком причастности к лику святых.

Ирина стояла рядом со мной. «Как же изменило время эту юную девушку, хозяйку квартиры. А ведь она, наверно, была такой», — думала я.

Я смотрела на портрет и постепенно прозревала: в девушке я вдруг увидела себя... Нет, не Ирина — это я была такой! Сколько же прошло лет с той поры, как жестоко время: оно сломало мою гордость, сокрушило мое достоинство и веру в себя, посеяло страх перед «сильными мира сего»! Я смирилась со злом, не могу защитить слабого, боюсь сказать правду в глаза хаму... Как же я живу? — спрашивала я себя.

Вот такая встреча была дарована мне судьбой.

Эта картина дала мне больше, чем трехдневное совещание. Я теперь знала, что буду делать, мне захотелось домой. Даже Норд, видимо, почувствовав перемену во мне, забеспокоился, зарычал... От избытка чувств я ничего не могла сказать Ирине, только тихо промолвила:

— Как вы можете держать этот шедевр за диваном? Обещайте, что повесите картину вот здесь, на самом видном месте, и когда у вас что-то не будет получаться, смотрите на себя, юную, всемогущую, и вы обретете силу, уверяю вас! — Чувства переполняли меня. — Передайте привет маме и мой восторг перед ее творением! Дай Бог ей здоровья!

Мы любезно простились, и поздно вечером я уехала в свой тихий городок. Другими глазами я посмотрела на свою больницу. Я знала, куда мне идти, знала, что нужно не просить, а требовать, не защищаться, а обвинять, стучать в

дверь вновь и вновь, пока не откроют...

Откуда у меня брались силы? Я дошла до первого секретаря райкома, и он помог «выбить» две машины для станции «Скорой помощи». Мне удалось наконец заключить договор со строителями, и больнице выделили бригаду для ремонта здания. Закупили инструменты, открыли детскую кухню. Куда девались мое смирение и безысходность? Моя вера в справедливость передавалась другим, я распрямилась и почувствовала себя на своем месте, знала, что теперь не уступлю, пока силы не оставят меня.

Через три года, во время отпуска, я снова оказалась в Москве, позвонила Ирине. К счастью, она была дома. С волнением ехала я в маленькую картинную галерею — квартиру замечательных художников.

Она не изменилась — я узнавала полюбившиеся картины, но мой взгляд искал «Девушку в розовом берете», ту самую, которая помогла мне обрести себя. Я осмелилась спросить хозяйку, в каком запаснике она спрятала свой портрет на сей раз. Ирина виновато улыбнулась:

— После вашего отъезда я повесила картину на самом видном месте, как вы хотели. Но повисела она недолго, ее купила одна коллекционерка. Нужны были деньги, она хорошо заплатила. Вот так... — она замолчала.

— Понимаю, — ответила я, но ничего не понимала. Чувство какой-то огромной потери опечалило мою душу. Несчастье было и в том, что я была бессильна что-либо изменить.

— Да, я сегодня собираюсь к маме, хотите пойти со мной? Она знает о вашем приезде, — сочувственно глядя на меня, проговорила Ирина.

— Конечно, с большим удовольствием, — обрадовалась я предстоящей встрече.

Мы поехали в тихий зеленый уголок старой Москвы, на Масловку, где в доме с высокими потолками, широкими лестницами, в маленькой мастерской жила художница, мама Ирины. Мы поднялись на третий этаж, постучали в одну из многих одинаковых комнат.

— Да, да. Входите, пожалуйста, — послышался звонкий голос за дверью.

Мы вошли. Навстречу мне поднялась очень старая, сухонькая женщина. На некогда красивом лице молодо светились живые карие глаза. Чуткие, трепетные руки перебирали край скатерти. Упрямые складки у рта выдавали сильный характер. Ирина ушла на кухню, а мы с Музой Александровной (так звали маму) мирно беседовали за старым круглым столом. Рядом стояла ее кровать с двумя подушками и ветхим тканым покрывалом.

Картины, висевшие в нескольких уровнях на стенах, словно увеличивали маленькую комнату. Я подарила ей книгу стихов Анны Ахматовой, зная от Ирины, что она любит поэзию, пишет сама. Глаза художницы загорелись.

— Большое спасибо. А знаете, какая я была в молодости? — весело воскликнула она. — Я чуть не сбежала в Аргентину! — Довольная собой, она засмеялась и продолжила: — Представляете, мне очень нравилось аргентинское танго, я была без ума от него! Подбила подружку, собрали сухарей, сахару и — в путь! Нас, правда, сняли с поезда в Ростове, пожурили, припугнули, а потом выписали хлебные карточки и отправили в Грузию. Там нас оформили секретарями в продотдел...

В разговоре о поэзии Муза Александровна говорит о своей вечной любви к Лермонтову и вдруг роняет:

— Не люблю Пушкина. Зачем он оклеветал Сальери? Ведь это только легенда, что Сальери отравил Моцарта, а он версию выдал как факт! Нет, я никогда не прощу ему эту клевету! — Она смешно сердится...

— Скажите, пожалуйста, вы прожили такую интересную жизнь... Кто был вашим кумиром? — спрашиваю я свою удивительную собеседницу.

— Мой кумир? — переспрашивает она и тут же отвечает: — Христос и Дон-Кихот. На них держится мир... — И она молодо отбрасывает, отряхивает рукой со лба седой локон.

Время изменило ее внешность, но не тронуло душу: ей было около восьмидесяти, но я не ощущала ее возраста. Я мельком взглянула на это оживленное беседой, прекрасное лицо. Где же я видела ее? Почему мне так знакомы эти живые карие глаза? Да, она рисовала дочь, а видела себя?! Господи, ну конечно, это же она юная особа в розовом берете, над которой не властны ни время, ни старость, ни даже смерть, ибо не плоть, а дух правит бал на мимолетном празднике Жизни!

Из песни слова не выкинешь

«Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех...» — с детства запомнилась Тае песня про неведомую страну, о которой пела ее молодая мама в первые послевоенные годы. Может, тогда и родилась детская мечта: разыскать эту хо-

рошую страну. Мечта росла вместе с Таей, и песня не старела — ее пели по радио в концертах по заявкам. Еще в школе она узнала, что слова песни написал Михаил Васильевич Исаковский, поэт со Смоленщины. В глухомани, в Чистополе, куда эвакуировали писателей в годы войны, он писал стихи. Его не взяли на фронт по болезни, но душой он был с теми, кто сражался на передовой, с теми, кто умирал в боях за смоленские, рязанские поля и леса. Страдая от голода, полуслепой — поэт сражался! В 1944 году его родной город был освобожден, и сердце поэта рвалось вперед, за Дунай, на Балканы...

В памяти народной жила Шипка, кровью скрепившая дружбу русских и болгар. И уже в 1945 году наши солдаты, прошагавшие от Волги до Дуная, пели новую песню на стихи Михаила Исаковского:

Где ж вы, где ж вы, очи карие?
Где ж ты, мой родимый край?
Впереди — страна Болгария,
Позади — река Дунай...

Русские солдаты братались с болгарскими воинами на свободных улицах Софии.

«Как быстро летят годы», — думает Таисия Михайловна, собирая дочь на прогулку. Ее собственное детство давно прошло. У Таи своя семья: любящий муж и непоседа дочь. Теперь Тая много знала о Болгарии и каждый год собиралась поехать туда по туристической путевке. Об этом давно были в курсе небольшой поселок и больница, где она работала детским врачом. Но поездка каждый раз откладывалась: то Юлька была маленькой, то муж поступал в университет на заочный... Короче — не получалось. Да и

муж не хотел отпускать ее так далеко. «Таисья (он всегда так называл жену, когда сердился), мечта должна оставаться мечтой — в этом вся прелесть!»

Шестилетняя дочь Юлька думала иначе. Она, как и мама, собиралась в свою «Бегонию», но за нее папа был спокоен: далеко не убежит.

«Надо действовать!» — решила наконец Тая и отнесла в профком заявление на путевку. Через месяц ее вызвал председатель комитета и попросил заполнить анкету. Почти все ответы Таи оказались однозначными: «нет, нет, не была, не владею, не состояла, не имею» — сплошная несостоятельность! «Ничего, все впереди: побываю, овладею». Тая была настроена оптимистически.

И они наступили — этот день, этот час. Шумный Одесский порт приветствовал туристов, приглашал, ждал! У причала застыл белый красавец теплоход с таинственным названием «Абрау-Дюрсо».

Строгий, неулыбчивый пограничник — капитан в зеленой фуражке, одним взглядом потушил пламя восторга Таи. Он попросил всех заполнить декларации.

«Сухарь, зеленый зацветший сухарь», — возмущалась она про себя, указывая в бумаге свои «фамильные драгоценности», которых всего-то и было обручальное колечко. Наконец пограничник улыбнулся туристам: «Счастливого пути!»

Убрали трап, полоска воды между кораблем и берегом стала медленно растекаться все шире и шире, а земное притяжение еще кричало, махало косынками, плакало, смеялось... Кто-то уже пел:

Хороша страна Болгария,
А Россия — лучше всех!

Вечером на палубе туристы встретились с болгарскими студентами-филологами. Они возвращались в Варну из Новосибирска, где проходили практику в школах, закрепляя свои познания в русском языке. Кареглазая Искра тут же принялась обучать всех желающих говорить по-болгарски. И туристы, как первоклашки, скандировали хором: «Здра-вей-те, дра-ги дру-га-ри!» Многие слова были понятны без перевода — ведь у нас общие корни, одна азбука, созданная еще Кириллом и Мефодием.

Болгария не ошеломила Таисию, она, как добрый друг, показала ей рабочий Бургас и золотые пески Варны, Слынчев Бряг и Долину роз, скалистые излучины Янтры, знаменитую Шипку, красавицу Софию... Тая решила вести дневник, чтобы дома, перечитав его, еще раз пережить эти счастливые дни. Но записи были короткие и, конечно, не могли передать всех впечатлений от знакомства с Болгарией.

12 июля.

Н е с е б р — древний крошечный городок, со всех сторон окруженный морем. Лишь узкая полоса соединяет его с берегом. В городке множество церквей — их, как говорят жители, больше сорока, они построены в разные эпохи. Легенда гласит, что в Несебр ссылали знатных, но в чем-то провинившихся людей, которые во искупление своих грехов воздвигали церкви. Нет худа без добра!

14 июля.

П о м о р и е — родина популярной зубной пасты «Поморин», но мало кто у нас знает, что

здесь жил известный поэт Пейо Яворов, болгарский Есенин. Его именем названы скалы у моря, создан домик-музей Пейо Яворова. Яворские дни поэзии собирают множество друзей из разных стран. Кто знает, может, к нам обращается поэт сегодня:

Но верю я в добро, томлюсь я по добру,
Приди и убедись, что теплоту и нежность
Хранит моя душа на ледяном ветру...

Таисия очень тосковала по дому. Ей хотелось немедленно поделиться и своей тоской, и впечатлениями, и тогда она откладывала дневник и писала письма родным и друзьям.

Из письма Таи к мужу:

«...Прошла неделя, а кажется — вечность! Живем у моря в курортном городке Слычнев Бряг, что значит Солнечный Берег. Деревьев мало, но отели тянутся к солнцу, обгоняя этажами друг друга. Тепло и сухо, сорок три градуса в тени. Песок — как раскаленная сковородка, а море — теплое и ласковое, как Юлькины ладошки. Много иностранцев, всюду звучит чужая речь. Хочется домой, и еще хочется молодой вареной картошки с укропом и малосоленными огурцами.

Болгарская кухня очень интересная: они в мясные супы добавляют простоквашу (подкисляют!), а нам это не совсем нравится. Выручает Тодор, Тоша — наш официант. Он подкармливает нас бужениной. Но зато мясо тушеное с болгарским перцем — прелесть. И роскошные помидоры ешь — не хочу!

Вечером к ужину подают сухое вино, негромко играет музыка: Кальман, Штраус, Дворжак... Что еще надо?! Оказывается, надо, чтобы ря-

дом были ты и Юлька, моя мама, наш маленький поселок и наша большая Родина — вот как много нужно для полного счастья.

Завтра мы поедем по стране. «Пусть будет все как надо», — любит говорить наш кормилец Тодор, и я тебе говорю то же самое. Крепенько целую тебя и Юлю. Твоя Таисья».

18 июля.

Сегодня мы побывали на Шипке. Ох и высоко вершина генерала Столетова, уроженца города Владимира, и не всем она по душе. Группа туристов из ФРГ не пожелала подняться к Храму воинской доблести русских и болгар. Вспомнилась картина Верещагина из Русского музея. На белом коне перед строем победителей вдали скачет бесстрашный Скобелев, а на переднем плане лежат не убранные еще трупы воинов. Лицо войны! Хотелось, чтобы не забывали его туристы всех стран!

20 июля.

П л о в д и в — красивый, зеленый город. Здесь воздвигнут памятник русскому парню Алеше. Сколько погибло их, наших мальчиков безусых, только вступающих в жизнь, при взятии города. Лучи прожекторов вознесли его над городом, над земным шаром, чтобы все видели, «хотят ли русские войны...» Днем и вечером здесь всегда многолюдно, много цветов у подножия памятника. К Алеше приходят молодожены, дети, старики, матери... У него большая семья: все мы — жители планеты.

22 июля.

В Болгарии есть уникальное место — Долина роз, со столицей в городе К а з а н л ы к.

В эмблеме этого города — цветок розы! Как чудесно жить под знаком цветка!

24 июля.

Настоящие габровцы считают, что Земля вертится только благодаря энергии смеха, которую они поставляют ежедневно и ежечасно, рассказывая свои бесчисленные анекдоты и байки...

26 июля.

Последние два дня мы проводим в С о ф и и. Наш гид, студентка Снежана, очень старается передать нам свою любовь к городу, в котором родилась и выросла. Мы посетили храм Александра Невского, побывали у мавзолея Георгия Димитрова, видели новые жилые кварталы, каштаны на Русском бульваре... Жители Софии были так добры к нам, охотно вступали в разговор, и мы понимали их без переводчика...

Счастливая, немного уставшая от впечатлений, уезжала Тая на родину. На вокзал пришли друзья Снежаны — студенты. Все вместе танцевали «хоро» прямо на перроне. Пели песни. У Снежаны был сильный грудной голос. Она запела хорошо знакомую нам с детства песню. Но почему другие слова, не те, которые были всегда на слуху?

Хороша страна Болгария,
Хороша и — лучше всех!

Снежана смотрела на туристов и лукаво улыбалась. Тая подошла к ней, обняла за плечи.

— Ты молодец: своя Родина всегда лучше всех, — тихо сказала она, — но из песни слова не выкинешь, так говорила моя мама.

— Пусть поэт нас простит, мы очень любим его стихи, он поймет, — ласково отвечала болгарка.

Объявили посадку. Поезд «Москва — София» отправлялся в обратный путь. Мерно постукивали колеса, покачивался вагон, и вскоре город остался позади — замелькали поля и виноградники... А Тая слышалось, будто колеса выстукивают: из пес-ни сло-ва не вы-ки-нешь, не вы-ки-нешь, не вы-ки-нешь...

«Как странно, — думала Тая, — утеряно одно слово из песни, всего одно — какой пустяк. А без него и песни нет!»

Случай в Трачевке

Шли первые послевоенные годы. В школе еще писали в тетрадках, сшитых из обоев и довоенных газет. Чай пили с сахаринном, и хлеб пекли из отрубей, но люди жадно тянулись к знаниям, к песням и стихам — радовались миру. По вечерам на завалинке у школы собиралась молодежь. «На позицию девушка провожала бойца...» — затягивали высокие девичьи голоса. И застревал комок в горле, и сжимались сердца у матерей, сидевших поодаль. Но вот уже веселее и громче разлетались слова: «И кто его знает, чего он моргает, чего он моргает?..»

В призрачном свете луны туманно вырисовывалась деревня, блестела полоска реки за огородами, и голоса девушек сливались в слаженный хор. Таня очень любила слушать, как они поют, и, конечно, тайком мечтала быстрее вырасти: одиннадцать лет ее не устраивали. Она была из городских — шустрая, говорливая, смелая. Короткие косички с тряпичными бантика-

ми торчали в стороны, как маленькие крылышки, казалось, что егоза вот-вот куда-нибудь улетит.

Война забросила Таню с мамой из райцентра в совхоз, куда в сорок пятом, с осколком в груди, вернулся с фронта отец. Так и остались они жить на новом месте. В поселке была только начальная школа, и в пятый класс дочь пришлось отвезти к тетке в соседнюю деревню, где Таня очень быстро освоилась.

Учителя семилетней школы к октябрьским праздникам решили подготовить спектакль «Случай в Грачевке». В этой пьесе были две детские роли — Пети и Даши. На роль Пети взяли Генку, красивого черноглазого мальчика с крапинками рыжих веснушек, которые как бы подсвечивали его глаза, и они меняли свой цвет: из черных становились то темно-серыми, то синими. Роль Даши по негласному конкурсу досталась Тане.

Учительница аккуратно переписала слова реплики Даши и вручила листок будущей артистке. Роль ее начиналась словами: «Приехали!» Кричали они их вместе с Петей-Генкой, вбегая в дом, запыхавшись. А дальше нужно было махать руками, возбужденно доказывая Пете, что это она, Даша, первая заметила свадебный поезд в конце улицы. Петя бежал с этой же новостью и не хотел уступать первенство какой-то девчонке.

Тане не терпелось прорепетировать свою роль сейчас же, но где? Она вышла во двор, огляделась. На повалившемся плетне сидели соседские мальчишки. Из сарая доносилось такое знакомое, протяжное: «Му-у-у»... Корова Милка

звала ее к себе. В сарае было душно, пахло сеном. В малюсенькое окошко заглядывало неяркое осеннее солнце. Таня прочитала слова роли сначала тихо, потом громче. Представив на месте Милки Петю, она горячо стала доказывать ей свою правоту. Пришлось даже попрыгать, чтобы слова произносить «запыхавшись», как того требовал автор...

Первую репетицию в школе назначили в воскресенье на шесть часов вечера. На улице давно стемнело, а на теткиных часах было только половина пятого. Не доверяя им, Таня побежала в школу. Все классы оказались уже закрыты: она пришла слишком поздно. Не попала Таня и на вторую репетицию — виной тому опять стали часы, у которых был свой отсчет времени. Они то пускались в галоп как кони, заведявшие кнут, то еле передвигались и скрипели, как сани по песку.

За Таней в школу заходили подружки, а тетку на работу зазывал по утрам бригадир своим громовым голосом. Время свиданий для тетки было далеким прошлым, а для Тани — недалеким будущим. Так и висели на стене часы для красы, но они сделали свое черное дело прежде, чем Таня сыграла свою первую роль на сцене.

На большой перемене учительница объявила детям, что вечером в колхозном клубе будет спектакль.

— Таня, ты уж сегодня не подведи всех, приходи вовремя! — попросила она ученицу.

— Я приду, обязательно приду, и роль я выучила! — чуть не плача сказала Таня.

Она должна была сегодня выступать на сцене, не побывав ни на одной репетиции. Но ведь

она может, может сыграть Дашу, — даже Милка, ее немой партнер, одобрительно мычала, глядя на ее тренировки. А однажды утром, когда тетка будила ее, Таня неожиданно спросонья выкрикнула: «Приехали! Праздник!»

Для сельчан спектакль в клубе действительно был праздником. Девочка надела новое ситцевое платье, повертелась перед осколком зеркала, вмазанного в русскую печь, набросила пальтишко, из которого давно выросла, и хотела идти. Во дворе кто-то сигналил: это был Генка с велосипедом. Лицо его пылало румянцем, а веснушки потухли, как искорки от костра, и глаза были черными, приказывающими! Таня обрадовалась, что он за ней зашел, но не выдала себя, чисто по-женски проворковала:

— Ну вот еще, тебя тут не хватало!

На велосипед она не села. Так и дошли они до клуба: Таня, велосипед и Генка.

Все было готово для спектакля, ждали только детей. Маленький зал был переполнен, сидели даже на подоконниках. Как светлячки, мигали керосиновые лампы.

Открылся занавес. Учителя волновались, ожидая выхода, а Таня с Генкой так увлеклись происходящим на сцене, что не заметили, как настал их черед. Детей подтолкнули легонько из-за кулис, они выбежали на сцену и вразной закричали: «Приехали! Приехали!» — и замерли. Первой опомнилась Таня-Даша: она смело вышла на середину сцены и стала махать руками и бантиками-крылышками, доказывая растерявшемуся Генке, что она первой увидела «молодых». А он забыл все слова и удивленно смотрел на Таню своими серо-черными глазами с длин-

ными, как у девчонки, ресницами. В зале дружно захлопали, а вошедшие «жених» и «невеста» оттеснили Генку за кулисы.

Таня решила остаться на сцене — ей совсем не хотелось уходить! Но стоять на одном месте было неловко, к тому же ее собственные руки, которыми она недавно махала, показались ей лишними. Бескрылой птицей смотрела она на «жениха», учителя географии. С бумажной розой в нагрудном кармане, он важно прогуливался по сцене, заложив руки за спину. Таня последовала его примеру. Зрители весело засмеялись и зааплодировали, и Таня поклонилась им. Вдруг появилась «сватья», школьная сторожиха (да простит ее автор пьесы за самовольный выход), взяла дебютантку за руку и, ласково приговаривая: «А мы тебя, Дашенька, ищем, с ног сбились!», увела Таню со сцены.

За кулисами тихо смеялись учителя. А директор школы в туго затянутой ремнем гимнастёрке, на которой темнели следы от погон, погладил ее по голове и сказал:

— Переиграла малость, дочка, но ничего — молодец, не растерялась!

Тане показалось, что это отец приласкал ее. «Кого же я переиграла? — думала Таня. — Конечно, Генку, кого же еще?»

Не стала Таня артисткой, сам Господь послал школьную сторожиху, чтобы она увела ее со сцены: судьба писала для нее другой сценарий... Но то детское любопытство к жизни (а что будет дальше?) и страсть к действию (не стоять сложа руки!) навсегда останутся в ней, когда придется играть и принимать решения на сцене жизни, и нередко тоже без репетиций!

Параскева

— Отныне, вы, Люся — Людмила Ивановна, врач, коллега, — говорил ей старый профессор на выпускном вечере. — И еще, дружок, не забывайте заповеди Гиппократовы. Помните, как удивительно хорошо и просто сказал он: «...В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости», короче — не навреди! — закончил учитель.

Полгода уже работает Людмила Ивановна в районной больнице, но не изменила студенческим привычкам. Только косу стала заплетать посвободнее да укладывать повыше на макушке, чтобы казаться старше. Больные, несмотря на ее молодость, с уважением называют Людмилу «наша докторша». А Петрова из пятой палаты и вовсе величает ее непривычно — Ивановна.

Петрова из пятой палаты... Ох и далась она ей! Людмила Ивановна дежурила по больнице. Поздно вечером «скорая» привезла пожилую женщину с гипертоническим кризом. Белее полотна лежала она на каталке, не кричала, не стонала, лежала с закрытыми глазами, и только слабо вздымавшаяся грудь говорила, что она еще жива. Людмила Ивановна знала, что стоило Петровой открыть глаза, как сразу все начинало мелькать, плыть по кругу, и она, — в который уже раз! — теряла сознание, проваливалась в бездну, в безмолвие. Заботливые руки медсестры вновь возвращали ей слух, и она начинала реагировать на слова врача, и снова — бездна.

Только к утру женщине стало легче. Звали Петрову Пасковьей Фоминичной. Родилась она

незадолго до революции, в первую пятницу после Рождества. В особой книге, «святцах», пятница значилась по-гречески Параскева, то есть предпраздничная, перед субботой, святая... Так и нарекли ее Прасковьей в честь святой Параскевы. Но имя ей не нравилось, и она еще в девках назвала себя Полиной.

Тетя Поля — звали ее теперь в палате, где лежали женщины помоложе да девочка Надя, у которой болели ноги. У Полины катился с горы шестьдесят пятый годок, а выглядела она и того старше: волосы пересыпаны серебром, лицо избороздили глубокие морщины. Родила она трех дочерей, но жили они далеко, своими семьями. Нелегко было вырастить их одной, без мужа. Проводила хозяина на фронт в сорок первом, а встретить не довелось — погиб.

Докторша Людмила Ивановна напоминала ей младшенькую, последыша — вот и оттаяла тетя Поля около нее, вот и давление уже целую неделю не повышается. Скоро домой. Наказала соседке, чтобы искала в городе духи для докторши.

— Получше только выбирай, да не скупись, коли приглянутся какие. Свои-то дочки далеко, а она — и своих роднее, — рассуждала Полина.

Постаралась соседка, не подвела, — одним словом, угодила. Духи стоили недорого, но сделаны были с любовью, и название у них было сказочное — «Золушка». Тетя Поля с любопытством разглядывала фигурный бутылек, рядом с которым блестела «золотая» туфелька.

— И надо же придумать красоту такую, — удивлялись женщины в палате. Только школьница Надя, лежавшая у стены, сказала:

— У Золушки была хрустальная туфелька, а не золотая.

Но никто не обратил внимания на реплику девочки.

Тетя Поля ходила радостная и немного грустная: сегодня она будет дома. Людмила Ивановна выписала ей рецепт на лекарство, рассказала, что можно кушать и чего нельзя...

— Ну, Ивановна, спасибо тебе за все. Поживу еще маленько, может, и внучат от младшенькой дождусь! Но и ты не обессудь, возьми на память, — и она протянула докторше коробочку с духами.

Людмила Ивановна неловко попятилась назад.

— Что вы, Полина Фоминична, нет, нет, нельзя. Я и так буду помнить вас, вы у меня особенная, «трудная». Будьте здоровы! — И она выбежала из палаты.

Полина так и осталась стоять с протянутой рукой. Непрошенные слезы катились по щекам.

— Да неужто нельзя? — проговорила она, обводя взглядом палату.

— Нельзя, — сказала девочка-подросток. — Это взятка, — добавила она, словно пригвоздив Полину к позорному столбу.

— Какая ж это взятка, если при всех благодарность моя материнская. Роднее своих-то она мне стала...

А рядом, в ординаторской, пожилая медсестра, которая много повидала на своем веку, отчитывала молодую докторшу:

— Нельзя обижать человека, если он к тебе с душой пришел. Машину вы, что ли, купите за эти духи, Людмила Ивановна? Можно подумать, каждый день вам дают подарки. Небось, первый

раз за полгода? Обидели Полину, чего там... — закончила медсестра свое нравоучение и вышла.

Люся осталась одна. Будто издалека послышался ей знакомый голос профессора:

— Не навреди! — предостерегал он коллегу.

Полина сидела на кровати. Женщины рядом тихо подсели к ней.

— Посидели на дорожку, милые мои, пора и домой, — сказала Полина-Параскева и неторопливо встала. Постояла молча, потом взяла коробочку с духами и поставила на Надину тумбочку.

— Бери, может, сгодятся когда... Приходи в гости, как выпишешься, — и Полина Фоминична направилась к двери.

Надя вдруг увидела в старой женщине свою бабушку, которая почему-то всегда плачет, когда встречается и когда провожает ее на каникулах. Девочка соскочила с кровати, больные ноги подкосились, но она удержалась, не упала, догнала тетю Полину, обняла руками за шею, прижалась к теплой груди.

— Спасибо, тетя Поля, я обязательно приду к вам! — проговорила сквозь слезы.

— Приходи, приходи, — приглашала растроганная женщина. Она ласково глядела на Надю и, казалось, что-то вспоминала... — Не Полина я, а Прасковья, Параскева Фоминична, вот так, Надюшка. Слушайся докторшу, — наказала она и медленно пошла из палаты.

Женщины проводили ее до автобусной остановки, а Надя помахала рукой из окна: у нее был строгий постельный режим.

Услышать друг друга...

Людмила Ивановна закончила обход больных, записала дневники, сделала назначения. Субботний день в больнице ничем не отличался от других дней недели. За окном хмурилось небо с плывущими серыми клочковатыми облаками. В открытую форточку врвался шум моря и пряные запахи цветущих садов.

На столе отдельной стопкой лежали истории болезни тех, кто был выписан накануне, и среди них сверху Зойкина — Быстровой Зои Васильевны, 19 лет, учащейся техникума связи... Выписана с улучшением — временная ремиссия.

Людмила Ивановна перелистала пухлую историю, задумалась. Зоя хотела работать на телефонной станции, мечтала соединять людей самых отдаленных городов и поселков, а может, и стран. Как важно бывает услышать друг друга сейчас, сию минуту: откликнуться на боль, разделить радость... Болезнь спутала планы девочки. Выписана с улучшением... Сколько за этой фразой тревог, бессонных ночей, надежд! Тяжелая, неизлечимая болезнь отступила. Надолго ли?

Людмила Ивановна сегодня нарядная: в сером костюме, белой гипюровой кофточке, пышные русые волосы аккуратно уложены... Ее Зойка выходит замуж. Да, да, замуж за Сашу, стройного, красивого парня, который работает токарем на заводе и имеет первый разряд по боксу! Разве могла она им отказать? Конечно, нет, с радостью приняла приглашение.

Два длинных месяца, которые пролежала Зоя в ее палате, подружили их, точнее, породнили.

Она приносила ей книги, покупала мед и лимоны, только бы свершилось чудо. Родители Зои жили далеко на Урале, у них были еще дети — братья и сестра Зои. Понятно, что приехать им было трудно с Урала, но письма приходили часто. Письма, в которых сквозила материнская боль и переживания за судьбу старшей дочери.

У дворца бракосочетания Людмила Иванова увидела много машин, украшенных лентами и первыми весенними цветами. Толпилась нарядная молодежь. Люди старшего поколения держались степенно, но их глаза говорили, что и они не прочь вспомнить молодость! Вот выпорхнула из черной «Волги» девушка в белом кружевном платье с воздушной фатой. Женихи — в черных костюмах, белоснежных рубашках с черными «бабочками» напоминали чопорных королевских пингвинов.

«Где же наша невеста?» — Людмила искала Зою глазами. Она прошла в вестибюль, осмотрелась и вдруг увидела Зою — тоненькую, в длинном белом платье, белых перчатках до локтя, с веночком на льняных локонах. Саша бережно поддерживал ее под локоток. Возле них суетился фотограф, махал рукой и громко кричал:

— Внимание! Веселее, веселее... Раз, два — и на всю жизнь!

Зоя увидела Людмилу Ивановну, подбежала, уткнулась в грудь, обняла.

— Спасибо вам за все! Я такая счастливая, — тихо прошептала она.

Подошел Саша, их окружили друзья. Сашина мама пожала доктору руку. Она приходила к Зое в палату, где они и познакомились.

— Мы так переживали, думали, вы не при-

дете, у вас ведь столько работы, — взволнованно говорила она.

Но вот зазвучал марш Мендельсона, распахнулись двери зала — молодых приглашали для регистрации брака. Людмила Ивановна шла по ковру и вспоминала первую встречу с Зоей, ее сбивчивый рассказ о себе, о болезни-липучке, о родителях, о братьях-сестрах, которые у нее мал-мала меньше...

В Зеленодольск, небольшой городок на берегу Балтийского моря, Зоя приехала не случайно. У подруги здесь жила тетя, они гостили у нее прошлым летом. Девочке понравился город, заорожило море. После десятого класса, уговорив родителей, она опять приехала в Зеленодольск, успешно сдала экзамены и поступила в техникум связи. Ей дали общежитие, появились друзья. Зойку считали душой группы.

Рядом с техникумом было море: огромное, зеленовато-серое, оно сливалось с небом. Лохматые волны набегали друг на друга и с разбега обрушивались на берег, оставляя на песке кружево белой пены... Невысокие домики с красными черепичными крышами будто выходили из воды и застывали неподалеку у кряжистых сосен и невысоких дюн.

Все свободное время Зоя проводила на берегу, но накупаться вдоволь так и не успела: студентов отправили на уборку картофеля. Когда через месяц они вернулись в город, море уже было другим: холодным, ворчливым и злым, не подпускало и близко к себе! А Зойке хотелось искупаться. Не долго думая, она сбросила куртку, платье и — бросилась в воду. Холодом обожгло тело, но она поплыла — то взлетая на гре-

бень волны, то падая вниз и снова качаясь на волнах. На берегу кричали девчонки. Вдруг Зоя ощутила судорожную боль в ногах, испугалась и повернула назад.

Замерзшая, дрожащая (зуб на зуб не попадал!), с трудом выбралась на песок. На нее накинули чье-то пальто, подружки растерли покрывшуюся пупырышками кожу рук и ног, помогли одеться, и они побежали в общежитие.

Начались занятия в техникуме, и Зоя радовалась, что даже насморка не схватила после ледяной купели. Беда пришла позже, спустя несколько месяцев. Девушка заболела ангиной. Лечилась сама: по совету подруг пила горячее молоко с содой, укутывала на ночь шею платком, но ничего не помогало. На шее появились «шарики» — лимфоузлы, которые не исчезали. С каждым днем ей становилось хуже, болела голова, а как-то на лекции Зойка упала в обморок. Подруги привели ее в поликлинику на прием к Людмиле Ивановне, где они и познакомились. Осмотрев больную и сделав анализы крови, доктор увидела признаки тяжелого заболевания и направила девушку в больницу, в свою палату, чтобы поставить окончательный диагноз. Не хотелось верить анализам!

В зале звучала музыка, и Людмила Ивановна вспомнила, что она на свадьбе: Зоя и Саша расписывались в книге новобрачных. Их поздравляла пожилая женщина с депутатским значком. Она что-то говорила о молодой семье, о союзе любящих, напомнила молодоженам о чувстве юмора, которое украшает семейную жизнь. Людмила Ивановна с тревогой смотрела на порозовевшее от волнения лицо Зои, а мысли вновь потекли вспять...

Тогда, в первые дни знакомства с этой больной девушкой, у нее еще теплилась надежда на ошибку в анализах крови, сделанных в поликлинике. Она связалась с Московским институтом и попросила прислать консультанта. Повторили анализы крови, сделали стерильную пункцию для анализа костного мозга, Зою осмотрел врач столичной клиники, и ей поставили точный диагноз — острый лейкоз (белокровие), причем самая тяжелая форма его.

Лечили ее новейшими средствами — переливали плазму, вводили витамины. Узнав, что нужна кровь, пришла вся Зоина группа. Подруги из техникума связи приносили яблоки, а нянечки подкармливали девушку пирожками. И Зоя вскоре повеселела, окрепла, стала вставать с кровати, и ее любимый Саша приходил почти каждый день.

А события в зале шли своим чередом.

— Теперь вы — муж и жена! Поздравьте друг друга и обменяйтесь кольцами.

Саша поцеловал невесту, надел на палец тонкое колечко. Подошла Сашина мама, обняла Зою, смахнула украдкой слезу. Людмиле Ивановне на миг показалось, что все это происходит во сне, но свадьба была наяву...

Два долгих месяца боролись они все вместе за жизнь Зои, и она неожиданно, будто в благодарность им, пошла на поправку. В коридоре раздавался ее смех, она стала первой помощницей дежурных сестер: нарезала марлевые салфетки, раздавала вместе с ними лекарства.

Однажды на дежурстве Людмила Ивановна пригласила Зою в ординаторскую, заварила чай, и за разговором Зоя неожиданно поведала ей

свою сердечную тайну: они с Сашей еще до болезни подали заявление в ЗАГС, и через месяц у них должна быть свадьба. Эта новость, помнится, ошеломила Людмилу Ивановну.

— Какая свадьба? Вы должны забрать заявление! Тебе пока нельзя выходить замуж, тем более, рожать детей, — горячилась доктор. Она пыталась объяснить Зое всю тяжесть ее заболевания. Но Зоя ни о чем таком и слушать не хотела.

— Я совсем здорова, мне давно пора выпиваться, — говорила она, — и я без Саши не могу... — она расплакалась. Людмила Ивановна, утешая ее, тоже не смогла сдержать слез, забыв, что она врач.

А дела у Зои шли хорошо вопреки всем прогнозам. Анализы крови стали нормальными! «А вдруг это тот единственный больной из тысячи, который должен выжить», — думала Людмила Ивановна. Но сомнения не оставляли ее.

Разговор с Сашей был еще труднее: он понимал тревогу и сомнения доктора, но в себе не сомневался.

— Я люблю Зою, — твердил он. — И буду с ней, что бы ни случилось. Поверьте мне. Нам вдвоем будет легче!

Ну что на это скажешь?

Мысли опережали друг друга, путались. Людмила Ивановна услышала звуки вальса. Саша приглашал Зою на танец, и они плавно закружились по залу, красивые и счастливые. Ей вспомнился разговор с мамой Саши. Мама была фармацевтом, работала в аптеке и все, конечно, понимала, но ни разу не воспротивилась их союзу.

— Он же любит Зою, — говорила она о сыне. — А судьба уж сколько им отпустит. Пусть порадуются!

Видно, так подсказывало ей сердце.

После свадьбы Зоя переехала из общежития к Саше. Чувствовала она себя хорошо. Саше дали отпуск, и они вдвоем съездили на ее родину, на Урал. Как она радовалась предстоящей встрече с родителями, как выбирала вместе с мужем подарки малышам! Зоя собиралась рассказать им про море и когда-нибудь на лето забрать к себе.

Через месяц они вернулись домой. Саша вышел на работу, Зоя взяла академический отпуск. Жили они дружно, весело, ссорились по пустякам, мирились, мечтали... Забегали подруги, или они с Сашей шли в общежитие, пели под гитару студенческие песни, спорили о смысле жизни, о любви. А с каким усердием готовила молодая хозяйка любимые Сашины пельмени, стирала рубашки, с какой радостью встречала после работы. Они любили гулять у моря.

Через год на тонкой Зоиной шее опять выскочили «шарики» лимфоузлов. Появились они и в других местах и быстро увеличивались, несмотря на прием лекарств — это нарастало белокровие: падал гемоглобин, поднялась температура. Зоя буквально сгорала!

Болезнь не пощадила ее, но искорка Зоиной жизни соединила ранее незнакомых людей, породнила их... В руках Людмилы Ивановны свадебная фотография, и чудится ей, что эта нежная, красивая девочка жива, как жива на земле любовь. Ведь только она, любовь, помогает нам услышать друг друга...

Знай наших!

Аромат свежесваренного кофе заполнил кухню и невидимо растекался по небольшой уютной квартире. За плотно прикрытой дверью ванной комнаты гудела электробритва. Василий (Васек!) чувствовал себя хозяином утра: жена и сын еще спят, скоро заговорит радио, а пока можно побыть наедине с собой, подумать, помечтать. Третий год Васек копил деньги на голубого «Москвича». Сейчас он представлял, как садится за руль и едет по Крещатику, встречает знакомых ребят — Жорку, Гарика на своем драндулете. Размечтавшись, он совсем забыл, что пора на работу.

Смена начиналась в семь, но надо еще осмотреть машину, может, и дозаправиться, если сменщик не успел вчера. Вставал Василий рано, успевал все сделать и на линию выезжал в полной «боевой готовности», как говорил когда-то старшина, голос которого Василий слышит до сих пор. «Знай наших!» — любил сказать тот при случае, вкладывая в эти слова и чувство собственного достоинства, и гордость за их воинское братство. Не думалось и не мечталось в те годы о собственной машине. Была тревожная служба на границе, старенький газик-вездеход, друзья-товарищи. «Где-то они сейчас, разлетелись по всей стране», — вздохнул бывший сержант.

Отслужив срочную, Василий подался в таксопарк. Машину он любил и скоро прикипел к новой работе. А еще он очень любил свой город Киев. Знал его с детства и не переставал удивляться красоте утренних улиц, радоваться радужным огням вечерних проспектов. Особенно

любил весну, когда зацветают каштаны. А какая красота зимой, когда те же каштаны стоят под снегом?! Да, Киев красив во все времена года.

Незаметно летит время, и его, Васька, уже кое-кто из молодых ребят величает Василием Филипповичем. В свои тридцать пять он один из лучших водителей таксопарка, шофер первого класса и весь в работе. Только вот друзей растерял: в праздники вкалывает за двоих и после смены иногда прихватывает часок-другой — копит деньги на машину.

Свой карман стал западнёй, из которой не так просто выбраться. Василий научился ловчить, хитрить, а иногда и просто обманывать. Но у начальства он был на хорошем счету: всегда перевыполнял план, получал премии. Многие знали, какой ценой добывалось это первенство, но молчали, не хотели портить с ним отношений.

Васек любил работать на вокзалах — набирал «деревенщиков» под завязку, катал их с ветерком и брал с каждого сполна! Не отказывался и от «чаевых». Все денежные излишки аккуратно относил на сберегательную книжку. Скупость делала его злым, хотя по природе он таким не был.

«Не видать мне в этом квартале премии», — размышлял на стоянке Василий. Недавно попал он в небольшую аварию, но отделался легко: помял только крыло. Торопился, хотел сделать два рейса в аэропорт и при обгоне «поцеловался» с частником. Виновным в аварии признали шофера-любителя, но таксист знал свою вину, хотя и не показывал вида, искусно играя роль потерпевшего. Знакомый жестянщик за три часа выправил крыло и взял недорого. Значит, обо-

шлось — могут еще и материально поощрить. Надо бы к бригадиру подкатить...

На следующий день Василий работал во вторую смену. В обед заехал в таксопарк и узнал приятную новость: ему дали-таки квартальную премию (как ловко он сработал, а ведь мог пролететь!). Василий сбегал в бухгалтерию и получил деньги. «На книжку положу завтра», — решил он.

Работалось, как никогда, удачно, но радости почему-то не было. Подвез отпускника из Мурманска, — тот расплатился щедро, по-купечески. Потом доставил делегатов на симпозиум — они и в машине бурно осуждали свои проблемы. И Василию снова стало не по себе — появился вроде как комплекс какой-то. Как давно он мог с таким же вот азартом говорить о проблемах, не связанных с деньгами!

Расплачивался за всех молодой парень, видимо, подающий надежды в науке.

— Держи! — высокомерно произнес он. — Сдачи не надо! — И побежал догонять своих.

— Молокосос, мог бы и поделикатнее, — проворчал таксист.

Голубая мечта все больше чернила душу: Василий раздражался по пустякам, был недоволен собою. Он сделал еще один рейс в пригород и направился на вокзал, к вечерним поездам. На стоянке еще издали увидел большую очередь — значит, только что пришел поезд из Кишинева...

Ася возвращалась домой из Молдавии через Киев. Поезд на Ригу, где ждали ее муж и дочь, уходил только завтра. Надо было искать место в гостинице. Ее попутчица, соседка по купе киев-

лянка Оксана, и слушать не хотела про гостиницу. Она категорически заявила, что никуда не отпустит Асю, а увезет к себе. Живет она не очень далеко от вокзала, но ради такого случая они не будут трястись на трамвае, а за рубль доедут с комфортом на такси.

И Ася согласилась. День сегодня был особенный: ей исполнилось тридцать лет.

С трудом выбрались они с Оксаной на площадь и пристроились в конец длинной очереди. Двигалась она быстро, но сумерки сгущались, и теплый летний вечер опускался на город.

— Вот и наша машина! Здравствуйте! — зашебетала Оксана, приветствуя шофера. Мрачный вид его слегка огорчил молодых женщин. Таксист не спеша открыл багажник, поставил чемоданы, взглянул на пассажиров, веселых и беззаботных, и вдруг сам оттаял — тепло улыбнулся, спросил, куда ехать.

Женщины забрались на заднее сидение.

— Меня зовут Оксана, подругу — Ася, а вас — Василий Филиппович, я уже прочитала на табличке, так? Вот и познакомились, — не ожидая ответа, быстро заговорила Оксана.

Она стала объяснять шоферу, как лучше проехать на их тихую, ничем не знаменитую улочку самым-самым коротким путем. Попутно она сообщила, что с Асей познакомилась в поезде, что Ася объездила всю страну, а в Киеве ни разу не была и завтра в час дня уедет в свою Ригу...

— Неужели никогда не были в нашем знаменитом городе? — полуобернувшись, спросил таксист.

— Знаете, как-то не пришлось, — будто извиняясь, ответила Ася.

До Василия дошел смысл сказанного: не была в Киеве ни разу — такой красоты не видела! Завтра уедет в Ригу и, может, никогда больше не увидит Киев. Он помолчал, будто собираясь с мыслями, посмотрел на женщин, потом вдруг решительно заявил:

— Раз такое дело, мы поедем самым-самым длинным путем, согласны?

Оксана заволновалась — у нее остался на все про все один рубль, и она стала объяснять водителю, что они едут из отпуска, а не с Севера после заработков. Но Василий перебил ее:

— Покажем, Оксана, твоей гостье наш столичный град Киев! Вы не волнуйтесь, барышни, расходы беру на себя. Я только сегодня премию получил. Думаю, на бензин хватит!

И они поехали по городу самой красивой дорогой. Радужными огнями светился Крещатик, главная улица города. Вечерний Киев был озвучен музыкой, смехом, шумом проносающихся машин...

— А почему такое чудное название улицы — Крещатик? — спросила Ася.

Не оборачиваясь, Василий рассказывал: на том месте, где они сейчас едут, когда-то среди дремучих диких лесов лежала долина, вдоль и поперек изрезанная оврагами. За это и назвали ее Крещатой, отсюда пошло название поселения — Крещатик. Теперь это только одна улица большого города. Показал он Асе и Владимирскую горку, откуда хорошо был виден Днепр. Они ехали дальше, останавливались, выходили из машины, любовались красотой города, слушали музыку, говорили...

Василий то знакомил Асю с Тарасом Шевченко, то мимоходом сообщал:

— Вот здесь бродил Пушкин, когда гостил у генерала Раевского. А вот церковь, в которой венчался Михаил Булгаков.

По мостовой строем шли солдаты, и Василию пришлось остановиться. Ему вдруг почудилось, что и он шагает с ними, рядом старшина и Васек невольно равняется на него...

Голос Оксаны и смех Аси вернули его к действительности.

— Так вот «откуда есть пошла русская земля», — воскликнула Ася.

А когда они ехали по новому мосту через Днепр, она уже читала вслух другие строки:

— Чуден Днепр при тихой погоде...

В воде отражались звезды и огни фонарей, блестела лунная дорожка. Асе казалось, что все это ей снится — так прекрасен был вечер. Но исходили красота, свет, тепло от доброго человека, что стоял рядом, боясь спугнуть ее восторг, ликование души или, может быть, нечто большее — родство душ...

— Вот мы и приехали, — сказал неожиданно таксист, улыбаясь.

Оксана узнала свою тихую улицу, свой дом.

— Спасибо вам огромное! — наперебой благодарили Василия женщины.

Оксана пригласила его в дом попить чайку.

— Поздно уже, пора в парк, — сказал шофер, поглядывая на притихшую Асю.

— Спасибо за подарок, у меня ведь сегодня день рождения. Вы подарили мне прекрасный город! Такое не забывается, приезжайте к нам! — И Ася поспешно стала записывать свой адрес.

— Привет Риге! — Василий помахал рукой и захлопнул дверь машины.

«Знай наших!» — услышал он откуда-то издалёка голос старшины и вспомнил его лицо — открытое, строгое, с черными буравчиками глаз, которые видели насквозь. Душа Васька ликовала — он тоже был счастлив, как никогда! «Знай наших!» — мысленно повторил он любимые слова старшины и нажал на газ.

Легкая жизнь

Марина проснулась от знакомой мелодии будильника: «Не слышны в саду даже шорохи...» — настойчиво звучала одна и та же музыкальная фраза. Просыпаться не хотелось, счастливая улыбка освещала ее лицо. Муж носил ее на руках, преданно заглядывал в глаза, целовал прядку рыжих волос. Она переживала за свой вес, который так и не удалось сбросить после рождения Сережки, вырывалась из сильных рук мужа.

— Я ведь тяжелая, Генка, отпусти, — просила, умоляла. Но муж смеялся и шептал на ухо: — Зато жизнь у нас легкая, слышишь?

Она щурилась от яркого света и все сильнее прижималась к мужу. «Не слышны в саду даже шорохи»... — пел будильник, и Марина открыла наконец глаза. «Надо же присниться такому», — подумала она. Наступило утро.

В комнате стоял густой запах перегара. Генка спал в кресле — не раздевшись, свесив голову на плечо, вытянув ноги, похрапывая на все лады. Марина вскочила с тахты, распахнула окно, брезгливо отодвинула ботинок, валявшийся рядом с креслом. Господи, да когда же это все

кончится! До каких пор ребенок будет дышать винными парами?

Вчера Генка опять пришел пьяным, с синяками на лице. Из кармана брюк торчала недопитая бутылка. Марина выхватила ее, вылила водку в раковину на кухне и расплакалась. Мужа не трогали ее слезы, он уже к ним привык.

— Приручить меня хочешь, стерва, на цепь посадить! — кричал он. — Не выйдет, не старайся! Все жалишь, жалишь мою больную душу, змея подколодная!

— А есть она у тебя, душа-то? — сквозь слезы причитала Марина, выплескивая в слова всю боль, накопившуюся за пять лет замужества. Но Генка уже не слышал ее, он спал, устроившись в кресле. Сын забился в угол между шкафом и тумбочкой и пошмыгивал носом...

Из открытого окна хлынул свежий чистый воздух.

— Сережка, вставай, опоздаем в детский сад, — тормошила сына Марина.

Мальчик нехотя поднялся, обхватил ее за шею теплыми ручонками, чмокнул губами где-то около уха. Она помогла ему одеться, умыла, причесала. Глянула на себя в зеркало: под глазами синие круги, отросли темные корни волос под рыжеватой, цвета спелой ржи копной высокой прически. «Надо подкрасить», — подумала Марина и вздохнула: «Для кого?» Посмотрела в сторону мужа. «Теперь сутки будет спать, до следующей вахты. Уж скорее бы в море ушел...»

Детский сад был рядом. Проводив сына до дверей, Марина побежала на троллейбус и успела вскочить на подножку отходящего транс-

порта. В «час пик» все спешат, толкаются, но ей повезло — заняла место у окна. Нелепая улыбка тронула уголки ее губ, засветилась в зеленоватых глазах: она вновь окунулась в предутренний сладкий сон...

Познакомились они с Генкой на свадьбе у ее подруги. Он тогда только вернулся из рейса, из южных широт (ходил в море третьим механиком на рыболовном судне). Загорелый, с густым черным чубом, белозубый! Вокруг него толпились девушки, но Генка подошел к ней, Марине. Подруга представила ее своему гостю.

— А разве мы уже не знакомы? — с театральной поклоном произнес Геннадий. — Я вас знаю ровно двадцать пять лет и три месяца — это значит столько, сколько живу на белом свете. Я видел вас «бегущей по волнам», летящей в облаках и не знал, что вы — рядом!

Марина вздрогнула: ее остановка, чуть не проехала. Вот размечталась! Она вышла из троллейбуса, вспомнила спящего в кресле мужа, и безысходная тоска нахлынула вдруг с такой силой, что она увидела каждый «черный» день крупным планом. Они, эти дни, как частокол встали перед ней, отгородили от мира, и не было даже маленькой лазейки среди острых кольев.

Марина отрешенно, забыв обо всем на свете, опустив голову, переходила улицу. Блеснул, убегая вдаль, стальной рельс... «Змея подколотная!» — послышался злой Генкин голос. Она подняла голову и в трех шагах увидела перед собой «краснсе чудовище», трамвай, и застывшие от ужаса глаза девочки-водителя, которая изо всех сил жала на тормоза.

Трамвай остановился. Из окна на нее смотрели незнакомые люди, но она их не видела. Медленно обогнула вагон: перешла улицу, механически свернула в переулок, увидела здание поликлиники, в которой работала участковым врачом. У кабинета сидели больные, ожидая приема. «Как странно. Они ждут меня, значит, я жива, я кому-то еще нужна».

Марина надела халат, присела к столу. Вошла медсестра Света, глянула на доктора и ахнула:

— Марина Григорьевна, что с вами, вы не больны?

— Да, Светлана, мне нездоровится, но надо работать, приглашайте больного. — Ей не хотелось ни о чем рассказывать.

В кабинет вошел молодой худощавый мужчина с серым лицом, ввалившимися щеками, блестящими карими глазами, в которых затаилось страдание.

— Доктор, язва меня вконец замучила: что ни съешь, все ей, проклятой, не нравится! — пожаловался он.

— В больницу вам надо! Что же вы не пришли на профилактику, мы ведь вызывали вас? — спросила Марина Григорьевна пациента.

— План горел, надо было вкалывать в две смены, виноват. А может, не надо в больницу, я ее таблетками заглушу?! — он с надеждой смотрел на доктора, которая о чем-то думала.

«...Заглушить боль... Все теперь грамотные, всё знают, всё понимают. Заглушить боль — и сразу станет хорошо. Надо ли искать виновных? Надо ли заглядывать в себя, бить в колокол, звать на помощь! Он пришел ко мне, а может, ему нужно было идти к директору завода? Или, наконец,

поговорить с женой, которой вечно не хватает денег, сколько бы он ни вкалывал...»

— Вам надо серьезно лечиться, пока не поздно, — настойчиво повторила Марина и выписала направление в больницу.

На больного Марина затратила вдвое больше времени, чем ей было отпущено по норме. «Кто установил такую норму — пятнадцать минут на больного? — каждый раз недоумевала Марина. — А заведующая еще любит повторять крылатую фразу: «Если больному не стало легче от разговора с врачом, значит, вы не врач!» Будто и не знает о нормативах! Она, конечно, по существу права, только где взять время для разговора? Талоны раздают утром, и всех больных нужно принять».

В дверь робко постучали. Заглянула сухощавая живая старушка в светлом ситцевом платочке.

— Можно, доченька? Я на минутку всего. Спасибо, родимые, ноги-то мои как подлечили, я и палку выбросила. Вот щавеля свеженького принесла, насобирала около озера. Витамины в нем, говорят. Кушайте на здоровье! — И выпорхнула из кабинета.

Марина хотела поблагодарить, но появился комок в горле, перехватило дыхание. Она смотрела на сочные зеленые листья щавеля, мокрые от росы, и жизнь наполняла ее сердце мимолетной радостью... «Выбросила палку... — вот она, вера в медицину!»

Прием подходил к концу, она опять не уложилась в свое время. «Зато жизнь у нас легкая!» — услышала Марина, как во сне, голос мужа.

Марина вышла из поликлиники, на углу купила два пирожка, еще горячих, наспех пере-

кусила и побежала к троллейбусу. Оглянулась по сторонам — почудилось, что на нее опять мчится трамвай, вспомнились глаза девочки-водителя, полные ужаса. Она была на волоске от смерти, вернулась «оттуда»... Хорошо, что этот ужас уже в прошлом, а сейчас у нее десять вызовов, которые надо обслужить. И что ждет дома?

Опять тоскливо заняло сердце. Марина не раз спрашивала себя: почему у нее не сложилась жизнь, почему Генка пьет, когда приходит с моря? Он любит свободу, друзей, веселье. А она? Какую роль играет она в его жизни? Надзирателя? Все время пытается оставить его дома, «посадить на цепь», как он говорит. Заинтересовать, подковать на всякий случай, чтобы не скользил, не падал. А ему — все в тягость. Он, наверное, хочет видеть ее действительно «бегущей по волнам», летящей в облаках... А она уже давно не летает, устало идет по земле со своей ни с кем не разделенной ношей, с бременем чужих страданий — и никак не разорвать этот круг!

По дороге домой Марина зашла в магазин, купила молоко, хлеб. Зашла в детский сад.

— А Сережку забрал папа, — сказала молоденькая нянечка и добавила: — Вы не волнуйтесь, он сегодня не очень пьяный, я поэтому и отдала мальчика.

Марина открыла своим ключом дверь, вошла в дом. Сережка сидел верхом на спине у Генки, который возил его, стоя на четвереньках, по ковру, изображая лошадку. Сын громко смеялся, падая на ковер. Они не заметили ее прихода.

Марина сбросила плащ и прошла на кухню, включила радио. «Не слышны в саду даже

шорохи»... — пели молодые девичьи голоса. Это передавали концерт по заявкам, а ей почудилась мелодия будильника, которая оборвала ее счастливый утренний сон, сотканный из невыразимой любви и печали.

Для чего являются нам сны? Зачем смотрим мы это кино про себя? А может, сон — это волшебный ключ к завтрашнему дню? Марина рассеянно соединяла обрывки мыслей: сон, любовь, печаль, ключ... Но как же часто мы теряем ключи и безнадежно стучим и ломимся в закрытую дверь! А ключ где-то рядом, нужно только поискать, не торопиться, припомнить... Да не покинет нас надежда!

Место в плацкартном вагоне

За неделю в Москве Сергей Петрович совсем измотался. Командировка подошла к концу, тянуло домой. Шел второй год «перестройки», но перемен к лучшему в городе он не заметил: грязные улицы, старые разрушающиеся дома, хмурые озабоченные лица москвичей. Торговые палатки с изысканными экзотическими фруктами погоды не делали. Столица неласково провожала своего гостя.

Трудно было определить время года. Под ногами хлюпало грязно-серое снежное месиво, с неба сочилась холодная липкая изморозь, но в воздухе уже чувствовалось дыхание весны, слышался звон капли! Сергей расстегнул свою шубейку из искусственного меха, сдвинул на затылок пыжиковую шапку. Зимняя одежда уже явно тяготила — куда удобнее было бы в кур-

тке, но, как говорила мать, «пар костей не ломит».

Каждый день в Москве был насыщен до предела, и хотя не удалось выполнить всю программу, несколько ценных бумаг лежали в его дорожном портфеле. Ничтожный итог множества встреч и визитов в различные инстанции...

Сергей Петрович, в свои тридцать пять, возглавлял конструкторское бюро завода в одном из городов на юге России. Теперь, решив хоть отчасти проблемы своего предприятия, хотелось быстрее вернуться домой. Он любил тепло и очень плохо переносил холодный московский климат. Со вчерашнего вечера его познабливало, болело горло.

Превозмогая слабость и недомогание, Сергей поехал на вокзал, честно отстоял в очереди за билетом и был рад, что досталось ему хоть и боковое место в плацкартном вагоне, но — ниже! Конечно, купейное было бы гораздо лучше, но билетов купейных в кассе уже не было. Он прошел в зал ожидания, присел на скамейку.

Поезд отходил поздно ночью, на перроне было холодно и ветрено. Посадка задерживалась, и Сергею Петровичу хотелось только одного: попасть быстрее в вагон, укутаться с головой в одеяло, заснуть. Наконец объявили посадку. Вышла проводница — молодая, очень полная женщина, в узкой короткой юбке и просторной спортивной куртке.

«А ведь ей положено быть в форменной одежде, — механически отметил Сергей. — Небрежность, неряшливость костюма — вроде мелочь, но из мелочей складывается нечто большее, образ жизни», — подумал он. И, будто подтвер-

ждая размышления наблюдательного пассажира, проводница не стала проверять билеты — считая, видимо, эту процедуру излишней в столь поздний час.

Пассажиры, толкая друг друга, хлынули в проем узкой двери. При тусклом свете вагонных лампочек трудно было найти свое законное место. Люди шумели, ссорились, и вагон напоминал Сергею кухню в студенческом общежитии, где каждый стремился занять место у плиты, — он даже ощутил полузабытое чувство голода.

Поезд тронулся, и Сергей Петрович не спеша разделся, задвинул портфель под сиденье, огляделся вокруг. Его соседи напротив забрасывали на верхнюю полку бесчисленные узлы, коробки, пакеты и никак не могли уgomониться. Справа на нижней полке женщина средних лет, торопливо накрутив волосы на бигуди и повязав голову косынкой, устраивалась на ночлег.

Освободившись от вещей и подмокшей зимней одежды, люди подобтели, заулыбались, стали знакомиться. Кто-то, проголодавшись, жевал всухомятку припасенный бутерброд, кто-то просил принести воды, рядом хныкал засыпающий ребенок... Проводница, усевшись на свободное место в центре вагона, собирала билеты и деньги за постель. Потихоньку вагон затих: тусклый свет, перестук колес, мерное покачивание поезда навевали сладкий сон — великое благо для уставших людей.

За окном мелькали полустанки, ночные фонари освещали лица спящих пассажиров. С верхних полок свешивались зеленые, не первой свежести байковые одеяла. На столиках стояли

пакеты с кефиром, лимонад. Поезд то останавливался, то снова набирал ход. Попутчик Сергея Петровича с нижней полки напротив вышел ночью на глухой станции и растворился во мраке спящего селенья. Его место занял новый пассажир, молодой парень. Стараясь не шуметь и никого не беспокоить, он лег отдыхать. А поезд мчался дальше, сквозь ночь, навстречу новому утру.

Первыми проснулись дети — зашлепали в тапочках по вагону, заговорили, хотя мамы и папы не торопились вставать: ведь ехать еще целый день. Мальчик в шерстяном вязаном костюмчике, русоволосый, с широко открытыми серыми глазами (на вид ему было годика три-четыре), остановился около Сергея. Он разглядывал его большие наручные часы, потом забавно приложил ухо к циферблату и с любопытством прислушался. Сергей Петрович улыбнулся, притянул малыша к себе и ласково спросил:

— Тебя как зовут?

— Дима Петров, а тебя как? — нисколько не смущаясь, ответил мальчик.

— А меня Сергей Иванов, будем дружить! — И он пожал теплую розовую ладошку Димы.

Какой мужчина не мечтает о сыне? Сергей Петрович не был исключением, он тоже хотел сына! Женился он поздно. Разуверившись в любви, решил выполнить общественную повинность — продолжить род человеческий. Но даже это его благое намерение не оправдалось — ребенок родился мертвым. Ему было жалко жену и себя, но где-то теплилась еще надежда на счастливый поворот в судьбе.

Каждый раз, уезжая в командировку, Сергей Петрович смутно надеялся, что удастся разорвать привычный круг бытия: пробиться в столичный НИИ, доказать выгоду своих новых разработок, внедрить их в производство, но ничего не выходило — нужны были связи, знакомства... Перестраивались чиновники, а не производство. А еще хотелось Сергею встретить свою мечту — женщину, которая когда-то грезилась, снилась, но так и не встретилась ему. Пусть не навсегда, только бы увидеть, узнать, что она есть, существует на этой земле!

Вагон, временное пристанище надежд и разочарований, радостей и печалей, со всеми его обитателями от мала до велика встречал утро нового дня. А весна мчалась вслед за поездом. За окнами мелькали на пригорках остатки снега, среди темного елового леса светились белые стволы берез. Домишки под серыми шиферными крышами напоминали книги в старинных переплетах, а рядом с ними, под навесами, желтели, как янтарные соты, напиленные на зиму дрова. Вдоль полотна валялись старые шпалы и ржавые куски рельсов как вещественные доказательства все той же небрежности, неряшливости дорожных служб. Но в огромных весенних лужах отражались белые чистые облака.

Сергей встал, размялся, взял полотенце и направился в туалет, — воды в умывальнике не было. «Вот оно, разгильдяйство, где вылезает», — подумал он. Удрученный, вернулся на свое место и стал смотреть в окно, где в поселковых лужах (проезжали деревеньку) плескались гуси и утки. Пассажиры требовали чай, но вода в бойлере только закипала.

Раздражение людей накапливалось, они справедливо возмущались порядками в поезде, а заодно и в стране, ох и досталось проводнице! И только молодая пара, сидевшая напротив Сергея, у окна, казалось, ничего не замечала вокруг. Симпатичный русоволосый мужчина в белом пуловере нежно смотрел на свою подругу. Шелковая сиреневая кофточка очень шла к ее волнистым льняным локонам и каким-то фиалковым глазам. Сергей невольно засмотрелся на них, точнее, на женщину, отметив и маленький носик, и удивительного цвета глаза случайной попутчицы.

На их столике стояло баночное пиво, пепси-кола, лежали дорогие конфеты. «Видно, вернулся парень из-за границы или с морей...» — подумал Сергей и по-хорошему позавидовал их любви, их встрече. Они улыбались, понимая друг друга без слов... Мужчина брал в свои большие ладони нежные пальчики женщины и долго их не отпускал. И ей это нравилось.

На верхних полках еще спали. Боковое место позволяло Сергею видеть почти весь вагон. Справа на нижней полке спала женщина в бигудях, косынка лежала рядом. К ней подошла проводница, и она, услышав ее голос, тут же открыла глаза.

— Вы что же взяли два одеяла, как вам не стыдно? Видите, мужчина под одной простыней спит, совсем замерз! А вы аж два одеяла натянули на себя! — раздраженно запримечала проводница.

Пассажирка оправдывалась, объясняя, что вечером место рядом было не занято. Проснувшийся парень подтвердил ее слова.

— Я сел поздно ночью, — уточнил он.

— Вот-вот, — обрадовалась проводница. — И вы, конечно, постеснялись снять с попутчицы второе одеяло. Она ведь ваше взяла!

И все они с чувством и толком принялись выяснять отношения, приглашая пассажиров в свидетели.

Сергей Петрович отвернулся к окну, попытался читать книгу, но скоро его привлекли голоса небольшой компании, играющей в карты. Верховодил в ней веселый мужичок в серой заячьей шапке: одно ухо ее было поднято, другое, с тесемочкой, отвернуто книзу. В вагоне было тепло, но, видно, шапка была для него символом власти. Выглядел он лет на пятьдесят и приезжал в Москву, как рассказывал соседям, за семенами. Его очень ждали в совхозе под Симферополем — посевная не за горами!

Рядом с ним сидел его сын, очень похожий на отца. Младший во всем подражал старшему и все время хотел понравиться девушкам-близнецам в пестрых одинаковых кофточках. Девушки учились в столичном техникуме и ехали на каникулы к родителям. Обе держали себя раскованно, громко разговаривали и весело смеялись. Мужичок считал себя докой в картах и все время поучал играющих:

— Ты козырную придержи, не толкай, она есть не просит! Ходи с парной, мелочь выбрасывай! Козырный туз — генерал, понимай смысл, смотри в корень!

Его то и дело перебивал сын, явно перенимая отцовские интонации:

— Семерка пикей, давай бей! Мой ход, ой,

не везет! Нету пары, — горланил парень, лукаво поглядывая на девушек-близняшек.

Сергей Петрович никак не мог вникнуть в смысл прочитанного, хотя и переворачивал страницы лежащей перед ним книги.

Недалеко от него мама кормила маленького Диму Петрова.

— Димулечка-хитрулечка, куда же ты спрятал яблочко? — спрашивала она сына.

— А ты угадай, — отвечал малыш. — Я его заколдовал!

Яблоко оказалось под подушкой, но Дима тут же сообразил:

— А я его расколдовал, — весело сообщил он.

Мама восхищалась сыночком, обнимала и целовала его. Сергей замирал от нежности к чужому мальчику. Как бы он хотел погладить по головке собственного сына! Рядом раздался знакомый голос женщины, спавшей под двумя одеялами. Она никак не хотела признавать свою вину и, обращаясь к парню, убеждала его:

— Вы плохо обо мне думаете! Я не так воспитана, чтобы могла посягнуть на чужое: ведь ваше одеяло в тот момент было ничейным!

Сергей Петрович вздохнул. Он сожалел, что не писатель, — такой материал для юморески пропадает! — и в который раз перечитал открытую страницу.

Проводница разносила чай. Чаепитие примирило на время беспокойную соседку и ночного пассажира. Сергей тоже взял два стакана, достал бутерброды и, спросив разрешения, подсел за столик к влюбленной парочке.

Очень скоро он понял, что здесь третий лишний. Молодым людям было абсолютно все рав-

но, кто сидит рядом. Они никого не замечали вокруг, только улыбались и молча смотрели друг на друга. Сергей Петрович, глядя на них, слышал, как они переговаривались без слов: «Милая, я так тосковал без тебя, считал дни и часы до нашей встречи... Как я хочу поцеловать твои глаза, твои руки! Но кругом люди, что они подумают о нас?» — мысленно говорил парень.

«Любимый, мне безразлично, что о нас подумают. Нас только двое в этом вагоне, в этом мире... Ну целуй же, быстрее», — умоляли ее глаза.

Их взгляды, молчаливое объяснение, обнаженность чувств волновали Сергея, тревожили сердце. Он поспешно выпил чай, извинился и вышел покурить. Ему вдруг до боли захотелось увидеть свою жену, обнять и приласкать ее — такого с ним давно не было. Он попал в биополе влюбленных, и ему приоткрылась какая-то тайна. «Ребенок должен родиться от любви — пришло вдруг запоздалое прозрение. — Но еще не все потеряно», — утешил он себя.

Сергей Петрович вернулся на свое место и в раздумье опять открыл книгу. Голос проводницы раздался прямо над ухом:

— Платите за чай! Кто брал печенье, признавайтесь... Сдачу, сдачу возьмите!

— Выслушайте меня, — взмолилась, увидев проводницу, соседка Сергея. — Я же не знала, что у вас нет запасных одеял...

— Господи, да прости ты ее, грешную! Прямо кающаяся Магдалина! — рассмеялась неожиданно хозяйка вагона. — Успокойтесь, женщина, я вас давно простила, совесть-то при вас — это главное!

— А я тебя заколдовал, — сообщил Сергею его новый друг Дима, с любопытством заглядывая в открытую книгу.

Напротив раздавались голоса и смех «картежников».

— Бей по-крупному! — советовал сыну папаша. — Козырный туз — генерал, понимай смысл! Меньше думай, чего думаешь? Умнее не станешь! Все вот умными хотят быть, а дуракам-то легче живется! Ха-ха-ха... — смеялся мужичок, довольный собой.

«Хи-хи-хи...», — вторили ему девушки-близнецы.

Сергей решительно захлопнул книгу — какое чтение? Вокруг него сопела, вздыхала, смеялась и кричала жизнь с настоящими героями и неподдельными чувствами, и заправлял в ней мужик в заячьей шапке — землепашец, сеятель (не картежник!), кормилец столичных НИИ и главков. И почудилось вдруг Сергею Петровичу, что исконная Россия была здесь, в плацкартном вагоне: не безгрешная, но совестливая; без светских манер, но щедрая на доброту и бойкое слово; неприглядная внешне, но с чистой душой ребенка.

Поезд мчался по необъятным просторам родины, все дальше от зимы, все ближе к весне, и верилось Сергею, что семена новой жизни прорастут на этой благодатной земле! А вот на счет одеяла соседа, что никто не станет его тянуть на себя, — он все же сомневался. Не просто устроен человек!

— Я тебя расколдовал, вставай, будем играть, — тормошил его за плечо Дима.

— Спасибо, малыш, за дружбу. Ты обязательно-

но станешь волшебником! — ласково сказал Сергей Петрович.

Мальчик подошел ближе и снова приложил ухо к его часам. Прислушался и радостно улыбнулся.

— Тик-так, тик-так, — мурлыкал он, вторя загадочной блестящей игрушке, которую почему-то называют часами.

А часы Сергея отсчитывали новое время, время Димы Петрова.

Главный выигрыш

В школе заканчивалась четвертая четверть. Татьяна Денисовна собиралась в отпуск. Она примеряла перед зеркалом летние платья, спешно укорачивала юбки... Одним словом — собирала чемодан. Дочь Ира давала дельные советы, в чем-то помогала, и Татьяна была благодарна ей. «Последний счастливый отпуск был так давно», — с грустью подумала она. Раньше они ездили отдыхать с мужем, но вот уже пять лет, как его не стало.

Всю любовь свою отдавала она теперь дочери, ученикам и, конечно, русской литературе, которую преподавала в старших классах. Скоро экзамены, а ей предложили курсовку в Ессентуки. Татьяна Денисовна отказывалась: как бросить ребят в такое время! — но молодая учительница, с которой она дружила, предложила вести пока ее классы, и Татьяна согласилась.

Из кухни проникал в комнату запах свежих пирожков, над которыми колдовала Ира: тихая, домашняя, она выглядела подростком в

свои двадцать два года. Ирина задумалась, она не знала, как начать разговор с матерью, и наконец решилась.

— Мама, мне Андрей сделал предложение, — негромко произнесла она.

— Вот и хорошо, я рада. А что ты ответила ему? — с любопытством спросила Татьяна.

— Сказала, что этот номер не пройдет, спектакль отменяется! — вызывающе ответила дочь.

Татьяна растерялась. Она давно ждала этого объяснения — и вдруг такое!

— Глупая ты, Ирочка, такого парня теряешь. Любит ведь он тебя! Гляди, потом локти кусать будешь. У подруг уже дети растут, а ты все прыгаешь, как стрекоза. — Татьяна перевела дух. — Чем же он не хорош? Солидный, умный, не курит, армию отслужил, без пяти минут прокурор! Тебе только такой и нужен! Вспомни, дочь, что у нас в стране «на десять девчонок по статистике девять ребят». Это как раз для тебя песенка!

— Мама, ну что ты завелась: не курит, без пяти минут... Скучно мне с ним, тоскливо, — Ира сделала плачущее лицо, захныкала и обняла мать.

— Двадцать два — не семнадцать, а тебе все бы веселиться, петь, танцевать. Каждому овощу — свое время! — Татьяна пыталась хоть как-то повлиять на ход событий, но дочь не сдавалась.

— Мамочка, когда я с Андреем, я старше тебя становлюсь! — Иринины прозрачные глаза наполнились уже настоящей, неподдельной грустью. — Как бы тебе объяснить это? У Андрея его будущая жизнь вся, как в тетрадке, по клеточкам расчерчена, размечена по годам, по дням...

В двадцать пять жениться, в двадцать семь закончить институт, к тридцати скопить на кооператив! Представляешь, он три года летом работал в стройотряде и деньги не тратил, а завел сберкнижку. Нашего будущего сына он уже определил в английскую школу, в спортивный класс, а дочь — в музыкальную! Правда, Андрей пока еще не решил, куда определить внуков... — Ирина от души расхохоталась. — Нет, нет и нет! Пусть он свою программу-максимум выполняет с другой.

Татьяна в раздумье опустила руки. Ответ Ирины просто огорошил ее.

— Вот обрадовала, дочка, перед отпуском. А я-то думала, что у вас все хорошо. Ты уже на третьем курсе института, а такая несерьезная...

Татьяна вздохнула. Как быстро летит время. Прошло уже пять лет, как муж умер, только-только стала возвращаться к нормальной жизни, удивляться мелочам, смеяться... Вот на курорт одна собралась, а тут такой сюрприз — дочь решила судьбу свою поломать...

— Ах, Ира-Ирочка, не понять мне тебя. Ну что плохого в том, что Андрей строит планы? Скучно — весело! Разве в этом дело? Мы тоже с твоим папой строили планы, хотя нет — мы мечтали! Это, пожалуй, не одно и то же, но сейчас ведь и время другое. Романтики потихоньку вымирают, как мамонты, — она вздохнула и посмотрела на дочь.

— Не горюй, мама! Слоны-то живут до сих пор, а они — те же мамонты, пусть помельче. Так что не все потеряно! — закончила свою речь Ирина.

Разговор с дочерью перед отъездом не принес облегчения, наоборот, было тревожно ос-

тавлять ее одну. Однако в поезде все домашние заботы отошли на второй план. Татьяна познакомилась с молодой женщиной. Она тоже ехала в Эссентуки. В ярком шелковом платье, с красной бархатной ленточкой на пышных черных кудрях, озорная и говорливая, соседка по купе была полной ее противоположностью. Может, поэтому и потянулась к ней Татьяна, чтобы как-то побороть свою природную застенчивость.

Попутчицу звали Валерией, но она назвалась Лерой. Работала Лера инженером на заводе, любила читать книги, и женщины быстро разговорились, а затем и подружились. У нее была курсовка в тот же санаторий, куда ехала отдыхать Татьяна.

У Леры дома остались муж и дочь. Год назад она перенесла тяжелую операцию и рассказывала новой подруге, как к ней через день, а то и чаще вызывали «скорую», как измучили ее приступы острой боли и как трудно было поставить диагноз... После операции она будто родилась заново...

У каждой из них было свое пережитое горе, может, поэтому и объединило их какое-то обостренное восприятие жизни, жажда радости.

Поселили женщин в маленькой, но уютной комнатке летнего домика без особых удобств, зато почти в центре города. Рядом раскинулся старинный парк, источники с минеральной водой, театр, магазины. Но лечила не только «живая» вода: на улицах цвела сирень, щебетали птицы, пахло молодой листвой. Из распахнутых окон неслась знакомая мелодия: «Лаванда, горная лаванда-а-а...». В парке играл духовой оркестр, на площадках звучала танцевальная музыка.

После лечебных процедур женщины вместе ездили на экскурсии, ходили в кино, отбивались от поклонников. «Какой красивый девушка, приходи в гости, Ашот любит гостей!» — копировала Лера недавний разговор с одним из кавказцев, и обе хохотали до слез, забыв о болезнях.

От Иры пришло наконец письмо, и Татьяна Денисовна успокоилась: дочь сообщала домашние новости, писала о зачетах, о защите курсовой работы и о новом друге Юре, с которым недавно познакомилась. Ира писала, что «Юра закончил летное училище, но совсем не приспособлен к жизни на земле. Умеет летать, но не знает, где продается картошка! А еще мы починили наш утюг». Татьяна не придавала значения новому увлечению дочери.

Время отдыха незаметно таяло, как мартовский снег, и подруги все чаще вспоминали о доме. Сегодня в столовой они узнали, что недалеко от города есть ипподром и завтра — открытие сезона. Татьяне очень хотелось побывать на скачках. Она помнила описание конных состязаний в романе Льва Толстого (падение с лошади Вронского, страх Анны!), в рассказах Куприна (памяти рысака Холстомера), но видеть самой не довелось ни разу. И вдруг — такая возможность! Леру долго уговаривать не пришлось, она согласилась сразу. В воскресенье они отправились на ипподром.

На трибунах было многолюдно. По радио транслировали эстрадные мелодии. Жокеи в ярких камзолах выводили лошадей для разминки. Женщины купили программку соревнований и стали изучать имена и породы лошадей, правила игры.

— Татьяна, смотри, в пятом заезде объявлен главный выигрыш в честь Дня Победы! — воскликнула Лера. — Вот кому-то повезет, — добавила она с завистью.

Слева от них сидели молодые парни, рядом с Татьяной — пожилой горец. Он был заправским знатоком лошадей и не скупился на советы.

В первом заезде подруги выбрали гнедую кобылу с красивым именем Габриэль. Дали старт, и кони рванулись вперед, набирая скорость... Вскоре они выстроились под углом по косой линии, похожей на крыло летящей птицы. Вдруг линия разорвалась: рыжая лошадь, будто пламя, рванулась к финишу! На трибунах закричали болельщики, их голоса сливались в один мощный гул. Рыжая пришла первой!

Сосед Татьяны ликовал:

— Ай да, красавица, молодец, Зарница, не подвела, победила! — повторял горец с восторгом.

— А как вы угадали ее? — с видом школьницы спросила Лера.

— Смотри, какие у нее тонкие ноги, острые уши, широкие ноздри, одним словом, красавица! — с искренним ликованием пропел, а не проговорил он свою речь в честь победительницы.

В следующем заезде женщинам опять не повезло. Выиграли соседи слева: парни на радостях обнимались, целовались, подбрасывали вверх кепки! Татьяна приуныла, но горец подбадривал соседок, поучал, советовал ставить на лошадей Терского конезавода, выбирать тренеров и жокеев международного класса, объяснял тонкости искусства скачек.

Женщины вошли во вкус игры, невезение придавало чувствам неопиcуемый азарт — так хотелось выиграть! И вдруг объявили заезд в честь Дня Победы. Лера стремглав бросилась к тотализатору. Все рассчитав, она купила билеты на шесть лошадей, на весь заезд! Татьяна только ахнула, но тут же одобрила поступок подруги, растратившей последнюю их денежную заначку. И, как ни странно, перестала вдруг волноваться — ведь все равно они теперь выиграют, какая бы лошадь ни победила! И еще: у них на все про все осталось-таки пять рублей на двоих и целая банка варенья, а билеты на обратный путь уже куплены.

Главный выигрыш оказался мизерным — рубль с копейками: очень многие в этот раз угадали лошадь, пришедшую первой.

— Пиррова победа! — сказала Лера, и они покинули соревнования.

Татьяна Денисовна дала телеграмму Ире, что завтра она выезжает домой. На душе было тоскливо — не хотелось расставаться с Лерой, которая улетала днем позже...

И вот день отъезда. Подруги обменялись адресами, Лера проводила Татьяну на вокзал.

— Пиши! — кричала Лера вслед уходящему поезду. — Пей чай с вареньем!..

Татьяна махала рукой, улыбалась и вытирала слезы. Она постелила постель, переоделась, села у окна... Ей вспомнились скачки: снова слышались крики, ликующие возгласы на трибунах, замелькали летящие лошади, вспыхнуло табло... Ей хотелось понять себя: азарт ли вывел ее из равновесия или расчет, голый расчет? Почему она поддержала далеко не безрассуд-

ный поступок Леры? Будущий выигрыш затмил глаза! Они опустились до арифметики, до чисел, предав лучшие чувства, которые привели их на ипподром.

А для низкой жизни были числа,
как домашний подъяремный скот.
Потому что все оттенки смысла
умное число передает...

Татьяна вспомнила эти недавно прочитанные стихи Николая Гумилева и задумалась: «Да, мы нарушили правила игры — захотели в один миг обогатиться и проиграли, — с грустью отметила она. — А не совершил ли и Андрей ту же ошибку, рассчитывая по годам свою будущую жизнь с Ирой? Пусть бы и так, но ему не надо было посвящать ее в расчеты. Любовь боится чисел, у нее свои измерения — вот он и получил отставку! Хотя, может, еще все наладится, какие их годы!» — размышляла Татьяна.

Поезд подходил к городу. Перрон заполнили встречающие. «Где же Ирка? — искала глазами среди встречающих Татьяна свою дочь и не находила. — Может, не получила телеграмму или что-то случилось?» — недоумевала она. Тревога заполнила сердце матери. Татьяна Денисовна еще немного постояла на перроне и торопливо зашагала к автобусу.

Вот она и дома. На звонок никто не откликнулся. Своим ключом открыла дверь, вошла в прихожую. На столике у зеркала лежал лист бумаги, исписанный размашистым Иркиным почерком: «Милая, любимая мамочка, я вышла замуж за Юру, — я тебе писала о нем. Он летчик, но такой бестолковый, что без меня он

просто пропадет. Мы любим друг друга, нас зарегистрировали за три дня, так как у Юры заканчивался отпуск. Сегодня мы улетаем в Мурманск, я все тебе потом напишу подробно. Ты не волнуйся, в институте я оставила заявление о переводе на заочное отделение. Не сердись, я люблю тебя, мамочка! Передавай привет Андрею!

Целую и обнимаю. Твоя Ира».

Татьяна Денисовна опустила на стул. «Ирка вышла замуж... без свадьбы, за три дня! Улетела в Мурманск. Ну вот — каждому овощу свое время. Решила все сама — это я виновата, торопила зачем-то, а теперь осталась одна...» — Татьяна заплакала. Она вспомнила мужа: его уже нет, а жизнь и без него бежит, продолжается и так крута на поворотах!

Она снова взяла записку дочери: «...он летчик. Мы любим друг друга... Я вышла замуж. Не сердись, я люблю тебя», — читала, вытирая слезы, Татьяна. На сердце становилось все светлее и радостнее. «Милая моя девочка, ты — мой главный выигрыш, и ему нет цены! Ты встретила любовь, благословляю тебя, и пусть твоя судьба будет счастливее моей, а Юрка твой живет долго-долго!»

В дверь позвонили, и Татьяна бросилась открывать.

— Вам телеграмма. Распишитесь, пожалуйста. Это был почтальон.

Она нетерпеливо развернула листок, прочитала, обрадовалась — весточка была от Иры. И показалось Татьяне Денисовне, что до Мурманска подать рукой!

Инопланетянка

Ее звали Аэлита. Вряд ли молодые тогда родители серьезно задумывались, выбирая дочери имя. Скорее всего они следовали моде на необычные имена. И все же, наверное, понимали, что редкое имя выделит их дочь из круга сверстниц.

— Смотрите, какая у нас дочурка — Аэлита, а не какая-нибудь Нинка или Галка, — говорил счастливый отец своим друзьям.

Как и все дети, Аэлита росла быстро. Ходила в садик, потом стала учиться. Прозвище «инопланетянка» закрепилось за ней со школы. Может, из-за имени, а может, она и впрямь чем-то отличалась: была тихая, застенчивая, но, если видела несправедливость, отстаивала свою правоту с такой смелостью, что друзья не узнавали ее.

Училась она хорошо, но в отличницах не ходила: часто на уроках бывала рассеянной. Вместо того чтобы слушать объяснение учителей, Аэлита рисовала фантастические пейзажи, причудливые растения, луноходы, похожие на стрекозу и сороконожку одновременно... Учитель рисования однажды и назвал ее инопланетянкой и напроорочил судьбу художника, а их классный руководитель, ботаничка, была уверена, что Аэлита станет экологом.

Оба сильно заблуждались: девушка тайком писала стихи, посвящая их однокласснику Сергею, читала книги про любовь и не собиралась становиться ни художником, ни экологом, тем более — улетать на другие планеты. На пятом курсе института Сергей, школьный друг, будущий инженер, сделал ей предложение — «инопланетянка» Аэлита в ту пору заканчивала филфак.

Они поженились, и сейчас у них подрастали двое сыновей: Мишка семи лет и десятилетний Гриша, и заботы ее мало чем отличались от забот сверстниц.

По субботам с утра Аэлита всегда ездила на рынок, брала основные продукты на неделю: мясо, овощи, домашнюю сметану... Остальное, по мелочам, прикупала в магазине по мере необходимости, возвращаясь с работы. В субботу она варила большую кастрюлю борща — сразу на два дня, освобождая себе воскресенье для отдыха. Они ходили всей семьей в зоопарк, где дети играли с козлятами в загоне, катались на пони, кормили обезьян и медведей конфетами, несмотря на запрещающие таблички. Летом ездили на море и в лес, зимой — катались на лыжах, ходили в кино. Все они любили фантастические фильмы, но больше всего на свете Аэлита ценила мир своей семьи.

Взяв большую сумку для продуктов и сетку для овощей, она заспешила к автобусу, который останавливался недалеко от дома. У подъезда Аэлита покормила бездомную собаку заранее приготовленным завтраком, помирила дерущихся малышей в песочнице (и куда только смотрят мамы?!), по дороге купила газету в киоске и опоздала на автобус. Он только-только отошел! Пришлось ехать трамваем.

Поднявшись в вагон, она стала пробираться в глубь салона, немного расслабилась, но вдруг почувствовала затылком чье-то горячее дахание. Аэлита подалась вперед — от стоящего рядом мужчины разило винным перегаром. Мальчик, худенький школьник лет двенадцати, встал и уступил ей место у окна.

К нему подошла кондуктор.

— Бери билет, не то сейчас высажу на остановке, — угрожающе проговорила она.

Паренек молчал, опустив голову.

— А может, у него нет денег? — вступилась пожилая женщина за безбилетника.

Аэлита молча купила билет «зайцу», и он благодарно улыбнулся ей.

Она вышла на остановке у рынка и первым делом направилась в мясной отдел. В одних рядах торговали свининой, в других — говядиной и телятиной, по соседству — птицей и кроликами. На прилавках лежали свиные головы, красноватые куски мякоти, суповые наборы из ребер, тушки кроликов, гусей, кур... Продавцы чем-то походили друг на друга: хмурые, невыспавшиеся лица, одинаковые передники. На этих мясных рядах Аэлита всегда чувствовала какую-то невольную вину свою за убитых животных, но умом понимала: детям нужны белки, да и муж не мыслил себе обеда без котлет или отбивной! Сама она больше любила овощи и фрукты.

Переходя от одного ряда к другому, она приценивалась, торговалась (до покупки еще целая неделя!), просила показать то один, то другой кусок мяса. Наконец ее взгляд остановился на нежирном сочном куске карбоната с ребрышками. И продавщица попалась приветливая, улыбчивая, не в пример хмурым мужикам! Она взвесила мясо и положила сбоку на прилавок. Аэлита протянула ей триста рублей, у хозяйки не оказалось денег на сдачу, и она повернулась к соседке, попросила поменять сотню — в ответ та что-то спросила, и завязался разговор. Аэлита заслушалась, взяла сдачу и направилась

в овощной отдел, а мясо так и осталось лежать на прилавке. Нагрузив сумку и сетку всякой всячиной, она побежала к автобусу, смешно наклоняясь то в одну, то в другую сторону, как иноходец.

Аэлита работала корректором в издательстве. Она любила вглядываться в каждое словечко, осязать его не только глазом, но и умом, и сердцем, всегда искала его исток. Работа и хобби у Аэлиты совпадали. Споткнувшись на каком-то слове, не находя его у себя в памяти, она рылась во всех словарях, пока не узнавала всю его родословную. Так было со словом «иноходь». Она когда-то очень удивилась, открыв, что наряду с аллюром, галопом есть еще, оказывается, и иноходь — способ бега, при котором лошадь одновременно выносит сначала обе правые, затем обе левые ноги, переваливаясь на ходу с боку на бок.

Потрясло ее когда-то и слово «супруг» — по словарю это человек, который идет по жизни с тобой в одной упряжке. Вроде бы просто, буднично, но как точно! Без любви-то упряжка не потянет!

Приехав домой и увидев мужа, раньше времени вернувшегося с работы, Аэлита попросила его разгрузить сумки, а сама прилегла на диван и включила телевизор. Шла ее любимая передача: «Кто хочет стать миллионером?» с обаятельным Максимом Галкиным. Миллион Аэлиту не прельщал (у нее был свой взгляд на ценности!), а вот несколько тысяч хоть бы и в родной валюте не помешали бы. Ей нравилась интеллектуальная игра — познавательная, веселая, эмоциональная, и она старалась привлекать к ней своих мальчишек и мужа.

Просьба жены отвлекла Сергея от «железок» — он мастерила скороварку, очередное техническое чудо, но тут же бросился к сумкам, механически переложил продукты куда следует и возвратился к своему изобретению. Мишка и Гришка вертелись рядом, перенимая опыт мужской профессии и одновременно слушая Галкина.

Ближе к вечеру Аэлита решила разделать мясо — обрезать ребрышки, сварить бульон, нарезать отбивные. Открыла морозилку, обыскала все полочки в холодильнике, — карбоната нигде не было! Вспомнила улыбающуюся продавщицу, кошелек, сдачу и — пакет с мясом, который остался лежать на прилавке!..

Чуть не плача, она обо всем рассказала мужу. К ее удивлению, Сергей вместо утешения стал ругать ее, обзывать «инопланетянкой» и даже «вороной» — ему было ну очень жаль «сыра»!

— Опять о чем-то мечтала, небось, о Париже, ну-ка вспомни! — обидно донимал супруг.

— Да, конечно, мечтала быть парижанкой — ей продукты доставляют на дом! А у тебя вечно нет времени помочь жене, даже в субботу!

Они чуть не поругались.

— Я же не виноват, что сегодня наш отдел работал, — уже спокойно сказал Сергей, зная характер «инопланетянки».

— Я завтра поеду на рынок и найду продавщицу, — заявила Аэлита.

— Ищи ветра в поле, — саркастически улыбнулся муж. — Так она тебя и признает. Да ее завтра скорее всего и вообще не будет! Они там постоянно меняются.

Слова Сергея заронили в душе сомнение. «И правда! Как ее теперь найти? Я и ряд-то плохо

помню — вроде третий, а может, и второй... Нет, все равно поеду», — решила про себя Аэлита.

Она плохо спала ночью, проснулась рано. Одеда ту же куртку, что вчера — чтобы узнали, и поехала на базар. Сергей молча встал следом. Он был уверен, что жена напрасно потеряет время. У него были свои мысли на этот счет.

Аэлита вспомнила, что продавщица была моложавой, в белом переднике, а когда улыбалась — вверху блеснул золотой зуб. Верная примета!

На базаре, как и вчера, шла бойкая торговля: прилавки ломились от свежатины, покупатели торговались, выбирали лучшие куски...

Аэлита отыскивала третий ряд и, не доходя до конца, увидела вдруг ту же улыбчивую продавщицу. Рядом с ней стоял пожилой мужчина и давал какие-то наставления. Когда он отошел, Аэлита робко протиснулась к прилавку:

— Простите, пожалуйста, я забыла вчера у вас мясо, карбонат, такой нежирный, с ребрышками, — заговорила она.

Продавщица взглянула на горе-покупательницу, узнала ее и улыбнулась еще приветливей, блеснул золотой зуб... Аэлита обрадовалась, что все так удачно складывается.

Продавщица тем временем нашла в холодильнике злополучный карбонат и положила его на весы. Потом сосчитала на калькуляторе стоимость и протянула Аэлите мясо и десять рублей сдачи.

— Малость усохся кусок за ночь, стал легче, — объяснила она.

— Что вы, не надо сдачи, — запротестовала Аэлита. — Спасибо вам огромное, я ведь боялась, что вы не узнаете меня.

А про себя подумала: «Как стыдно будет Сережке, что усомнился в честности этой милой продавщицы».

— Ой, извиняйте, я тоже виноватая, заговорила с соседкой. Когда увидела, что вас нет, бросилась вдогонку, да было уже поздно, — говорила, смущенно улыбаясь и поблескивая золотым зубом, женщина.

«Да не зуб, а душа у нее золотая — вот кто настоящая инопланетянка! В такое-то время она даже и не подумала, что можно утаить кусок мяса, еще и сдачу дала да извинилась!» — радовалась Аэлита.

С легким сердцем шла она домой, прикупив еще ребятам яблочко. Кто-то легонько тронул ее за плечо. Подняв голову, Аэлита увидела Нинку, однокурсницу — в одной группе учились. Как давно они не виделись! Нинка располнела, похорошела (а в институте была такая пигалица!). Аэлита знала, что Нина не так давно вышла замуж и у нее, кажется, родились двойняшки: мальчик и девочка.

— Аэлитка, как хорошо, что я тебя встретила! Знаешь, моим близнецам завтра три года, представляешь! Ты не могла бы мне на пару дней занять хоть немного денег — нам два месяца уже не дают зарплату, а так хотелось бы купить кусочек мяса. — Нина зарумянилась еще больше. — Я отдам очень скоро, ты не волнуйся!

— Ниночка, я так рада тебя видеть! Помнишь, как мы в институте на последние деньги покупали пирожные, а потом голодали до стипендии или напрашивались в гости к кому-нибудь из местных девчонок. Денег у меня сейчас тоже кот

наплакал, а вот кусок мяса я тебе могу запросто дать!..

Обрадовавшись, что вовремя сообразила, как помочь подруге, Аэлита быстро достала из сумки карбонат и протянула его Нинке.

Та смахнула слезу и нерешительно взяла мясо, расцеловала Аэлиту и проводила ее до остановки.

В утреннем автобусе нашлось свободное место, и даже два: целое сиденье. Аэлита удобно расположилась, напряжение спало, ее потянуло в сон, и она неожиданно задремала... Ей привиделось, что вся семья сидит вокруг стола и она половником разливает красный наваристый борщ. Каждому в тарелку кладет по ребрышку и полной ложке сметаны. От тарелок поднимается легкий пар. Мишка и Гришка рвутся в бой, но Сергей охлаждает их пыл:

— Не смей, пока мама не сядет за стол! Ах, Аэлита, что бы мы делали без тебя!

Она блаженно улыбалась.

— Девушка, вы не проспите свою остановку? — кондуктор трясла ее за плечо.

Ничего не соображая, Аэлита глянула в окно, увидела свою родную пятиэтажку и выскочила из автобуса. Ей не хотелось просыпаться, но чувство голода окончательно вернуло ее в реальный мир. Время близилось к обеду.

«Ну что ж! Напеку своей семейке блинов, перебьются! Кстати, Лев Толстой на склоне лет стал вегетарианцем, над этим стоит подумать», — размышляла Аэлита, подходя к дому.

Она уверенно переступила порог квартиры. Сергей вышел из кухни, и она встретила его вопросительный взгляд.

— Ну как, помогли особые приметы? — улыбнулся муж.

— Ты не представляешь, Сережа, она первая меня узнала и даже извинилась. Но вот мясо я отдала Нинке, оно ей сегодня больше нужно, чем нам. Помнишь, мы с ней в одной группе учились... Так вот, сегодня у ее двойняшек день рождения.

— Ладно уж, не подлизывайся, я же знал, что беру в жены инопланетянку, — сказал муж. Мишка и Гришка вертелись рядом, лукаво улыбались и стойко молчали.

Аэлита вошла на кухню и замерла: на столе стояла кастрюля с красным дымящимся борщом...

Счастье, со-участье, со-чувствие...

Валентине Сергеевне недавно исполнилось сорок два года, но выглядела она моложе своих лет: не располнела, стройная, всегда со вкусом одетая. Она невольно привлекала внимание мужчин, совершенно не стремясь их обольщать. Никто не верил, что у нее взрослый сын Саша — студент политехникума. Она очень любила его, отдавая сыну и тепло души, и нерастраченную женскую нежность. По сути это и помешало ей устроить свою личную жизнь после развода с мужем.

Валентина Сергеевна, педагог по специальности, более десяти лет работала в школьной библиотеке и считалась «своей» в коллективе. Ей нравилось возиться с ребятами, устраивать ли-

тературные вечера, викторины. Она много читала, любила Блока, Тургенева, знала наизусть многие стихи Есенина, и все больше понимала, что настоящая литература — это жизнь без прикрас, где каждый человек в единственном экземпляре.

Был у нее в школе хороший друг — учитель математики Олег Григорьевич Лебедев, вдовец. Дружба с ним готова была перерасти в большое чувство, но ее глупая ссора с сыном, юношеская ревность Сашки разрушили призрачный воздушный замок. Олега вскоре забрали из школы, назначив инспектором горно. Встречи их стали реже, а потом и вовсе прекратились по просьбе Валентины. Воспоминание отозвалось в сердце светлой грустью.

Она сегодня задержалась на работе и домой возвращалась позже обычного. Знакомый двор встретил ее звонкими детскими голосами, смехом...

— Тетя Валя, а меня уже забрали из детского сада. Посмотрите, какой дом я построила из песка! — хвасталась соседская девочка Маша, огораживая строение в песочнице зелеными веточками.

Случайный прохожий разрушит ее песочный дворец, но в душе Маши будет жить образ дома, и она снова возведет его, лучше прежнего, и заселит друзьями... У Валентины тоже был свой первый дом. Он разрушен, но она все еще помнит, где стояла маленькая Сашина кроватка, где висела полка с книгами, и везде, везде жила любовь: к сыну, к мужу, ко всему миру!

Валентина Сергеевна вошла в подъезд, устало поднялась по лестнице на пятый этаж, по-

звонила, но никто не ответил. Саши не было дома, хотя занятия давно закончились. Она не знала, где бывает сын по вечерам, с кем дружит. Виктор, школьный друг его, что-то давно не заходил. «А может, у Саши есть девушка, он такой замкнутый в последнее время...» — с тревогой подумала Валентина и стала не спеша раздеваться: сняла шляпку, плащ, прошла в комнату. Выпив стакан томатного сока, удобно устроилась на диване.

Мысли о сыне постепенно вытеснились школьными делами и заботами. Кругом только и говорили о «перестройке», но ощущалась она больше на словах. А сегодня Валентина Сергеевна на деле убедилась, что ее голос тоже что-то значит. Они сегодня выбирали директора школы: впервые его не назначали «сверху», а выбирали большинством голосов из своих коллег, причем представителей выдвигали тоже «низы»!

Кандидатов было два. Первой назвали учительницу истории («историчку») — женщину общительную, с добрым мягким характером. Ее любили ученики за веселый нрав и бескомпромиссность. Вторым был завуч соседней школы, недавно награжденный орденом «Знак Почета». Приехали и гости: представители горкома, печати, и совсем неожиданно появился Олег Григорьевич (по слухам, его прочили на место заведующего горно).

Валентину Сергеевну избрали в президиум. За столом она оказалась рядом с Лебедевым, Лебедем, «водоплавающим», как звали его учителя когда-то... Но как далеки они были друг от друга сейчас: товарищи по работе — и только.

Во время обсуждения кандидатур мнения разделились. Большинство предпочли отдать голоса «историчке». На ее возражения дружно кричали:

— Поможем! Выручим!

Затем выступил завуч (чужак!) — розовощекий, спокойный, уверенный в себе, начинающий полнеть и лысеть. Он заверял всех, что оправдает доверие. Валентине почему-то стало жаль его: уж очень положительный, очень спокойный. «А как же Блок? «И вечный бой, покой нам только снится!» — Валентина Сергеевна сомневалась в его заверениях. И тут она вспомнила, как неожиданно для себя встала из-за стола. Ее словно подняло какой-то волной. Почему она должна молчать? Пусть послушают и ее мнение...

— Дорогие коллеги, среди нас Олег Григорьевич Лебедев... Кто лучше его знает работу учителей? Ушел он из школы не по своей воле, но времена изменились. Давайте спросим у него, не хотел бы он вернуться. Я предлагаю включить Олега Григорьевича третьим кандидатом на пост директора школы!

Вокруг заговорили, зашумели, спрашивали согласие (ведь его прочили на более высокую должность!). А Олег, не раздумывая долго, согласился участвовать в выборах.

Его избрали единогласно! Валентина первой поздравила старого друга, и он задержал ее руку чуть дольше, чем полагалось. А может, ей это просто показалось, но сердце до сих пор замирает от счастья...

Валентина Сергеевна ждала Сашу к ужину, но пришлось ужинать в одиночестве. Убрав и

вымыв посуду, она включила телевизор. Диктор вещал о возросшей преступности среди подростков, о грабежах и насилии, наркомании... «Где же Саша?» — мысли о сыне не давали покоя. В этом году он заканчивал техникум, осенью должен идти в армию... «Что же с ним творится? На прошлой неделе подрался, попал в милицию. Отпустили на первый раз под мое честное слово. А сегодня его опять нет дома».

Валентина терялась в догадках. Смотрела на экран телевизора, а думала о своем, наболевшем.

Саша рос трудным ребенком, безотцовщиной. Валентина разошлась с мужем, когда сыну было три года. Муж, ее единственный, любимый, изменил ей с другой женщиной, когда Валя с сыном были в отпуске. Сашу нужно было вывезти на лето в Подмосковье, а мужа, старшего лейтенанта, не отпустили: предстояли учения. Жили они тогда в небольшом поселке, точнее, в военном городке в Архангельской области. Работы для педагога не было, и Валентина стала заведовать клубом. Привела в порядок библиотеку, устраивала диспуты и встречи с читателями.

Узнав о случившемся, она решила уехать. Сославшись на болезнь тетки, уволилась с работы, собрала чемодан и подалась в город к родственнице. Развод они оформили позже. Муж клялся, что «ничего такого не было», что ей наговорили чушь, но каким-то женским чутьем Валентина почувствовала ложь в его словах. В ней что-то сломалось, перегорело, и относиться к нему по-прежнему она уже не могла.

Годы изменили ее отношение к жизни, к поступкам людей, их слабостям, но навсегда

осталась непримиримость ко лжи! Если бы муж тогда честно признался во всем, попросил прощения, может быть, у Саши сегодня был бы отец...

Давняя боль притупилась, но не исчезла совсем. Периодически у Валентины Сергеевны появлялись поклонники, но она боялась близости, сомневаясь в искренности их чувств. Сможет ли кто-то назвать сыном чужого ребенка и стать ему настоящим отцом, другом, заступником?

А Саша совсем отбился от рук: пропускает занятия, грубит, стал выпивать, дважды не ночевал дома... Однажды она увидела сына с девушкой. На вид она казалась гораздо старше его, в розовых брюках «кlesh», белой разлетающей, с сумкой через плечо. Валентина перешла на другую сторону улицы, чтобы не испугать Сашу. А потом ругала себя: надо было, наоборот, подойти, познакомиться, поговорить. Позже она спросила у Витьки, есть ли девушка у Саши.

— Да, он дружит со Светой, медсестрой из поликлиники, — спокойно ответил Виктор.

Громкий стук в дверь отвлек Валентину Сергеевну от тревожных мыслей о сыне. «Маша, — подумала, улыбаясь, она. — До звонка не дотянется и стучит кулачком».

Девочка часто по-соседски приходила в гости, и сейчас это, конечно, она давала знать о себе! Валентина распахнула дверь.

— Тетя Валя, я такая счастливая, — сообщила малышка, входя в комнату.

— Да знаешь ли ты, что такое счастье, Машенька? — засмеялась Валентина Сергеевна.

— Конечно, знаю! Это когда очень, очень весело, — ответила девочка и продолжала гово-

рять: — Мне папа купил маленькую гармошку, и мы во дворе играли в «артистов»! А хочешь, я и тебе дам поиграть на гармошке? — с готовностью предложила она.

Валентина хотела приласкать Машу, погладить по головке, но та вырывалась из рук, убежала от нее и весело смеялась.

— А можно я поиграю в Сашиной комнате, — заискивающе попросила девочка.

— Конечно, Маша, иди, поиграй, а я тебе приготовлю что-нибудь вкусненькое, хорошо? — предложила она гостье и пошла на кухню.

Разговор с Машей о счастье ввергнул ее в пучину воспоминаний. В памяти возник далекий северный поселок, библиотека, где она проводила диспут с читателями на тему: «Что такое счастье?». Было тогда воскресенье, солнечный майский день. Снег почти сошел, но земля еще не оттаяла, и люди, истосковавшись по теплу, радовались поводу собраться вместе. Каждому хотелось поговорить о сокровенном, и Валентина не мешала, слушала, давала возможность поспорить...

Инициативу захватил, вспомнила она, Сергей, шофер леспромхоза. Его грузовик поджидал хозяина у забора. Валентина соглашалась с ним: да, счастье надо, как и мотор, заводить как можно чаще, но в жизни все сложнее, гораздо сложнее. Выражая свои чувства, она тогда прочла вслух стихи Николая Асеева:

Счастье — это соучастье
В добрых человеческих делах,
В жарком вздохе разделенной страсти,
В жарком хлебе, собранном в полях.

Валентина была уверена, лучше не скажешь о состоянии счастья, и очень удивилась, когда ей возразил немолодой мужчина с глубоким шрамом через всю щеку.

— Простите, а если я прикован к постели и не могу «соучаствовать в жарких делах», значит, я не имею права на счастье? Нет, дочка, счастье в другом. Главное, чтобы люди тянулись к тебе, чтобы ты был нужен им! — сказал он и присел на скамейку.

В его словах Валентине приоткрылась еще одна грань состояния счастья. Она верила этому человеку и почувствовала его правоту. Бывший военнослужащий, он преподавал военное дело в школе, его любили ученики, уважали учителя.

За ним выступила молодая чернобровая женщина, мать «двойняшек» — Вити и Оксаны, которые учились в шестом классе. Она говорила быстро, мешая русские и украинские слова, смущаясь и краснея:

— А я так понимаю, счастье — это чтобы мои дети выросли не бандитами, не ворами, а людям пользу приносили!

Молодежь заговорила, зашумела — ей хотелось романтики, любви, простора!

— Кто видел фильм «Баллада о солдате»? — вскочила с места худенькая, с короткой стрижкой девчушка. — Так вот, Алеша вроде ничего особенного не делает: помогает девушке выбраться из пекла войны, выносит детей из горящего поезда, уговаривает инвалида поверить в себя! Для меня быть рядом с таким человеком — счастье!

— А что я говорила? — обрадовалась мать близнецов. — Чтобы дети мои были похожи на Алешу!

Но тут распахнулась дверь, вбежала испуганная Оксанка и выкрикнула отчаянно:

— Мама, Витька наш разбился, упал с лестницы на стройке!

Валентина уже не помнила, кто первым добежал до строящегося здания — в клубе никого не осталось. Витька сидел у стены, вытянув ноги, бледный. Мать, обливаясь слезами, бросилась к сыну. Валя с девочками пытались успокоить ее, а военрук спешно осмотрел мальчика.

— Видимо, перелом ноги, — сказал он.

Нашел тонкую доску и сделал из нее шину. Сергей на грузовике привез фельдшера, и Витьку забрали в больницу, где диагноз военрука подтвердился. На сломанную ногу наложили гипс...

Так и не выяснили они тогда, что же это такое — счастье. Зато в беде оказались вместе!

Валентина сбивала молочный коктейль Маше, а мысли ее были там, далеко-далеко...

— Тетя Валя, посмотрите, какую картину я нарисовала! — зазвенел в тишине Машин голосок, вернув Валентину Сергеевну из дня вчерашнего в сегодняшний вечер.

— Сейчас, Машенька, подожди! — попросила она. Но Маша ждать не умела, она несла свою картину на кухню, а в другой руке держала медицинский шприц.

— Тетя Валя, у Саши шприц, как у меня в «больничке», я куклам уколы делаю.

Валентина побледнела. Она трясущейся рукой протянула девочке чашку с коктейлем и тихо спросила:

— Где ты взяла его?

— В Сашином столе, — испуганно ответила Маша, заметив, как растерялась тетя Валя. —

Я искала карандаш, а он не находился, я стол открыла и там нашла карандаш и шприц! А коктейль — это мороженое с пенкой, да? — малышка тщательно вылизывала чашку.

— Машенька, я очень устала, иди домой, завтра придешь, ладно? — стараясь успокоиться, чуть слышно проговорила Валентина.

Страшная догадка обожгла ее сердце: ночевки у друзей, грубость, замкнутость, шприц... — она связала все в один узел. Ее сын — наркоман! Острая боль в сердце, возникшая внезапно, не давала вздохнуть, закружилась голова, потемнело в глазах, а дальше всё куда-то исчезло. Дверь маленькая Маша оставила открытой, и ее мама, случайно увидев это, зашла в квартиру и обнаружила соседку лежащей в глубоком обмороке, привела ее в чувство, вызвала «неотложку».

Дискотека закончилась поздно. Проводив Свету домой, Саша, напевая любимую мелодию, шел по ночному городу. Во дворе дома, у своего подъезда, он увидел машину «скорой помощи». Одним махом взбежал на пятый этаж, позвонил. Ему открыла дверь женщина в белом халате.

— Что с мамой? — спросил он, входя в комнату. И тут увидел мать, лежащую на диване, подошел, опустился на колени, взял ее холодную руку в свою и стал согревать дыханием.

По щеке Валентины скатилась слеза, волна нежности и любви к сыну сжала горло, и она легонько погладила его короткие жесткие волосы.

— Три дня полный покой, с постели не вставать, потом повторим кардиограмму. Сердечный приступ был продолжительным, но не нужно волноваться, мы сделали все необходимое, — сказала доктор.

— Я побуду с мамой! — заверил Саша. — И лекарство дам.

Он сел на стул рядом с диваном, где лежала мать, и неотрывно смотрел на милое бледное лицо.

Валентина Сергеевна не отпускала руку сына, а ее мысли, как пчелиный рой, свивались в живой, звенящий, жужжащий клубок, сверлили мозг. Она прикрыла глаза. Саша встал и тихо ушел в свою комнату. Было слышно, как он выдвигает ящики стола, что-то ищет.

«Надо было положить шприц на прежнее место, — подумала Валентина. — Только бы он не заметил! Я немного окрепну, тогда и поговорим начистоту».

— Мама, ты не брала шприц? — обеспокоенно спросил сын. — Я для Виктора взял у Светы — он свой разбил, когда делал укол. У него же сахарный диабет! Пока лежал в больнице, ему медсестры вводили инсулин, а теперь дома он колется сам. Не повезло ему!

Валентине показалось, что она ослышалась. Знала же, знала, что друг Саши чем-то болен... Господи, как она могла подумать такое о сыне?

— Сашок, у нас Маша играла, она рисовала у тебя в комнате. Посмотри, может, на окне где-нибудь.

— Нашел! — услышала она радостный голос Саши. — Мама, я отнесу шприц Витьке, ему утром надо будет делать укол. Я мигом, ладно?

Саша помчался к другу.

Валентина плакала и улыбалась и снова плакала... Беда отступила, ее сын оказался лучше, чем она о нем подумала. Может, только сейчас

поняла она ту чернобровую женщину, мать близнецов, которая не знала высоких слов о счастье, а просто хотела «чтобы дети выросли достойными людьми».

Валентина Сергеевна, успокоившись, быстро поправлялась. Ее навещали учителя, прибегали старшеклассницы, заходили Маша с мамой. А сегодня пришел Олег Григорьевич, новый директор школы. Он принес ей цветы — чудные белые розы...

Валентина вспомнила, как он вошел, протянул ей цветы, затем, смутившись, поискал глазами вазу, прошел на кухню, наполнил вазу водой и опустил в нее тонкие стебли.

Она перебирала в памяти детали встречи и вновь услышала его голос: «Здравствуй, Валюша. Я рад, что ты поправляешься!» Он улыбался, рассказывал про школу и учеников, про день самоуправления, а сам все время смотрел на нее. Валентину тронула его забота, и особенно — внимание к Саше. Она до единого слова помнит весь разговор с Лебедевым.

«Но я тебе еще не сказал главного! — весело сообщил Олег. — Ты помнишь мою школьную кличку — «водоплавающий!» Так вот, в июле мы с товарищем собираемся в поход на плоту по реке. Я хочу просить тебя отпустить со мной Сашу. Я с ним уже говорил, он согласен, но боится оставить тебя одну — ты же еще не совсем здорова. Поход закалит его, в армии пригодится! А я постараюсь стать ему другом. Как, ты согласна?»

Валентина Сергеевна тогда благодарно улыбнулась ему и кивнула головой в знак согласия. Она вспомнила, как он порывисто обнял и молча прижался лицом к ее щеке.

«Бывают минуты, — подумала она, — когда слова не нужны, когда молчание — понятнее слов!»

Случайный разговор

«Не будем говорить о любви...»

К. Паустовский

Случилось это давно, но память часто возвращает меня в тот день, в тот поезд, в то купе. С интересными попутчиками довелось мне ехать однажды из Ленинграда. Я окончила институт и гостила у подруги: побывали мы с ней в театрах, в Петродворце. Перед отъездом мне вздумалось еще побродить по Невскому, и я чуть не опоздала к поезду. Мои соседи, два морских офицера, уже сидели в купе, коротали время за разговором. Я не стала мешать им и, сославшись на усталость, забралась на верхнюю полку, хотя они очень искренне предлагали мне место внизу.

Город остался позади, тянулись дачные поселки. Поезд набирал скорость, и скоро за окном замелькали белоствольные березки, от которых рябило в глазах, потом стеной встали густые еловые заросли, сгущались сумерки. Я попыталась уснуть, но один из офицеров, как я поняла из разговора, его звали Алексеем, рассказывал историю своей жизни. Станным и чудесным образом она тесно переплеталась с судьбой героя одного из рассказов Паустовского. Дорога всегда располагает к откровению, особенно после стакана доброго вина, и Алексей так ярко, подро-

но описывал события, будто все происходило только вчера. Я невольно заслушалась.

— Паустовский перевернул всю мою жизнь! — неоднократно повторял Алексей. Рассказ его лишь изредка прерывался репликой или вопросом второго офицера. Алексей вспоминал последний год учебы в военно-морском училище в Ленинграде, рассказывал, как бегали они курсантами на танцы к девчонкам текстильного института, но чаще все же в Герценовский, где и познакомился он с Эммой, коренной ленинградкой с шикарной квартирой.

Они дружили, собирались пожениться. Эмма тоже заканчивала свой пединститут. Ее отец преподавал в училище, в котором учился Алексей, и даже был начальником курса. Папаша уже подготовил неплохое место для будущего зятя на одном из кораблей Ленинградской морской базы.

Эмма торопила со свадьбой, а он все медлил, тянул, откладывал, не отдавая отчета своим поступкам. Алексей привык к Эмме, потакал ее капризам, а вот любил ли — не мог ответить себе. Он рано потерял родителей, воспитывала его тетка, и поэтому обделен был он материнской лаской и нежностью. А в доме Эммы он еще острее почему-то чувствовал свое сиротство, несмотря на доброе вроде бы расположение к нему ее родителей.

Однажды Алексей поздно задержался в читальном зале библиотеки и по просьбе заведующей помог ей разобрать новые книги. Раскрыв одну из них, пробежал взглядом несколько строк и прочел случайно попавшуюся фразу: «Не будем говорить о любви...» Он попросил почитать эту книгу, взглянув на имя автора,

заворожившего его одной строчкой! Это был Константин Паустовский и его рассказ «Ручьи, где плещется форель». Ничего подобного он раньше не читал.

Целую неделю Алексей не расставался с книгой и чувствовал себя, по меньшей мере, Колумбом, открывшим неизвестную доселе страну, в которой ему захотелось остаться навсегда! По несколько раз перечитывал он «Разливы рек», «Корзину с еловыми шишками», «Снег» и другие повести и рассказы. Хотелось быть героем каждого из них — это был его мир.

Я слушала разговор, а по сути удивительно искренний монолог Алексея, забыв о сне.

До глубины души тронул офицера рассказ «Ручьи, где плещется форель». Ему была близка судьба наполеоновского маршала, уставшего от войны. Бесстрашному герою Господь послал короткую, как вспышка молнии, любовь недоступной красавицы Марии Черни, и Алексей, читая книгу, проживал чужую жизнь, как собственную...

Ему казалось, что это его мчали лошади по земле, скованной морозным серебром, навстречу счастью — через горные незамерзающие ручьи, в которых плескалась и резвилась, пугая быстроногих скакунов, веселая рыба форель. Это он, Алексей, пьянел от блестящих, горячих глаз Марии, целовал ее тонкую белую руку и умолял, просил:

— Позвольте мне погреться у вашего огня.

Это ему заламывали руки жандармы, выполняя указ императора об аресте!

Два дня, проведенные с красавицей, гладившей своей нежной ручкой шрам от сабли на его

щеке... Два дня мирной жизни, наполненной ласками и любовью, осветили весь пройденный путь маршала и внесли смятение в душу советского морского офицера.

Алексей не понимал, что с ним происходило: он стал рассеянным, задумчивым, все реже стал бывать у Эммы. Мучили сомнения: тот ли путь он избрал, любит ли его своенравная Эмма, что даст ему служба в Ленинграде? Но вскоре все разрешилось само собой.

На распределении председатель комиссии спросил, где он желает служить, и Алексей без колебаний ответил: «На Тихоокеанском флоте». Его просьбу удовлетворили, и Алексей получил назначение на Камчатку. Свадьба с Эммой так и не состоялась, ибо из Ленинграда его подруга уезжать не собиралась.

«Что же будет дальше», — с любопытством думала я, переживая за судьбу Эммы из чисто женской солидарности.

Новая жизнь Алексея начиналась с нуля. Все было непросто, но молодость шутя справляется со многими проблемами. Приближался отпуск, и Алексея потянуло на родину, в районный городок, к тетке, вырастившей его...

Как она ему обрадовалась! Форма морского офицера, белая фуражка, кортик выделяли Алексея среди горожан, вызывая особый интерес девушек. Он побывал в школе, навестил друзей и подруг, сходил на старую танцплощадку в парке, где обычно летом встречались студенты и курсанты, приехавшие домой на каникулы, с городской молодежью. Время бежало быстро: пора было подумать об отъезде к месту службы.

Зайдя как-то к одному из школьных друзей, он присел к столу, на котором стопкой лежали любительские фотографии. Друг вышел во двор и попросил его «поскучать». От нечего делать он стал перебирать снимки в надежде увидеть кого-то из одноклассников.

На одной из фотографий его взгляд выделил среди знакомых ребят фигурку миловидной девушки в летнем открытом платье. Короткие волнистые волосы, отрешенно-мечтательный взгляд, по-детски припухлые губы и чуть заметная улыбка (как у Джоконды!) заворожили Алексея. Он вдруг решил, что должен найти эту девушку с загадочной улыбкой.

— Вижу, ты зря время не терял! Невесту выбрал, небось? — спросил вошедший в комнату друг, увидев его с фотографией в руке.

— Выбрал, — улыбаясь, ответил Алексей. — А ты не сообщишь ее адресок?

— Ну ты даешь, это по-нашему! — рассмеялся друг.

Алексей не шутил. Нашел по адресу бревенчатый дом на окраине города и, преодолев робость, постучал в калитку. Из дома вышла невысокая стройная девушка в летнем сарафане — та самая, с фотографии! И, ничего не спрашивая, пригласила его войти. Он вошел в дом. Они познакомились.

Ее звали Марией! Магия имени, удивленные глаза девушки, ее загадочная улыбка привлекали Алексея все больше...

Он рассказывал другу-попутчику, что до сих пор помнит ту скамейку в саду и аромат цветов — все было неповторимо! Маша угощала моряка сливами и грушами, а он поведал, как

увидел ее на фотографии у школьного друга, как искал улицу и дом.

Вечером они встретились в городском парке и пошли на танцплощадку. Играл духовой оркестр, он кружил Марию в вальсе, невольно прижимая к себе ее гибкое молодое тело, и ему хотелось, чтобы танец длился вечно: верилось в чудо, в сказочный сон! Алексей проводил Марию до дома, набросил ей на плечи свою тужурку (чтоб не замерзла!), надел на пышные локоны белую морскую фуражку. Они долго сидели на лавочке у дома, тесно прижавшись друг к другу. Он впервые поцеловал ее... Уходить не хотелось, и все же Алексей тогда ушел, договорившись о встрече.

Назавтра весь день шел дождь, к вечеру разразилась гроза. У Марии в доме погас свет. Она зажгла свечу, присела у окна и загадала: если Алексей придет — значит, навсегда. И он пришел и — остался до утра. Лунный свет струился через окно, освещая их лица. Он не находил слов, чтобы выразить свои чувства, и тогда решил рассказать девушке о необыкновенной любви наполеоновского маршала, о красавице Марии Черни, о замечательном писателе Паустовском... Алексей читал ей наизусть любимившиеся строки: «Не будем говорить о любви, потому что мы до сих пор не знаем, что это такое. Может быть, это густой снег, падающий всю ночь, или зимние ручьи, где плещется форель... Кто знает? Может быть, это обнаженная рука на жестком эполете... или мужские слезы о том, чего никогда не ожидало сердце: о нежности, о ласке, несвязном шепоте среди лесных ночей...»

Я притаилась на верхней полке и старалась не пропустить ни одного слова из этой удивительной истории.

У Алексея оставалось еще два дня отпуска, и он, пожалуй, мог повторить судьбу маршала, не явившись к месту службы. Но Мария уже любила его больше жизни! Она согласилась разделить с ним все тяготы и все радости судьбы вдали от дома — у «черта на куличках»... К месту назначения они прибыли вместе. А свадьбу справили через месяц (с первой полочки Алексея) на краю земли, на Камчатке, где грозно дышал Авачинский вулкан и покачивалась, и вздрагивала под ногами дорога, будто палуба корабля! Это были подземные толчки на беспокойном, окруженном морями материке, где предстояло служить Алексею, морскому офицеру Российского флота. Но он был доволен выбором пути!

Я так и не уснула, пока не дослушала до конца рассказ Алексея о странностях его жизни и его счастливой нечаянной любви.

— Короче, Паустовский перевернул всю мою жизнь, подарил мне свой мир, вмешался в мою судьбу, но я ни о чем не жалею, — закончил он свое повествование.

Как ни странно, но этот случайный разговор в вагоне поезда изменил и мой только начинавшийся жизненный путь. Приехав домой, я разыскала в библиотеке все книги Паустовского и прочла их. Я так же, как Алексей, влюбилась в его героев и по-другому взглянула на мир. Писатель разбудил поэтическую струнку в моей душе, которая таилась до этого часа где-то на самом доньшке. Его книги помогли мне выжить, выстоять в самые

тяжкие годы моей жизни, заставили поверить в себя, поверить в любовь...

Книги Паустовского обрели постоянную прописку в моем доме.

«Не будем говорить о любви...», но пусть она всегда пребывает в нас и в радости, и в печали.

Почему у цветов нет отчества?

— Бабушка, почему небо сегодня нерадостное, фиолетовое какое-то? — спрашивает внушка.

— А с чего бы ему радоваться, — говорит бабушка. — Это летом оно веселое, а осенью-то всегда грустное.

Старый и малый, бабушка и внушка медленно идут по аллее парка, который очень красив в своем осеннем убранстве.

Анна Ивановна совсем не заметила, как выросли дети, затем сами собой появились внуки Митя и Боря и совсем неожиданно — внушка Катя. Она просто нарушила график планирования семьи и появилась на свет вне плана. Этому больше всех радовалась она, бабушка, а потом оказались довольны и все остальные члены семьи.

— Чем раньше, тем лучше, — сказал папа. — Глядишь, и правнуков дождемся!

А мама вообще души не чаяла в дочке.

Бабушка любила внуков — водила их в зоопарк, на аттракционы, читала сказки, иногда сама их придумывала: веселые и грустные... Но больше всего ей нравилось беседовать с детьми, отвечать на их вопросы, узнавать, о чем они думают, мечтают. Как хотелось оградить внуков от ошибок, научить, направить их на путь ис-

тинный, но ребята все равно набивали свои «шишки» на лбу, и коленки были в синяках и ссадинах. Внуки быстро росли, были подвижными и любознательными, всему удивлялись: почему клен стоит на одной ноге, почему деревья не летают, кто дал цветам такие красивые имена — лилия, ромашка, роза?

— Бабушка, а почему у цветов только имена и нет отчества? — спрашивает вдруг Катя.

Анна Ивановна задумывается на миг и начинает объяснять, что цветы опыляют шмели и пчелы, дождь и ветер, и никто не знает, кто чей папа... Бабушка знает гораздо больше: у людей тоже рождаются детки — «Ромашки» и «Василечки», у которых иногда нет отчества, и забирают их из роддома не папы, а бабушки. Мало ли чего она знает — внукам пока рано об этом говорить, пусть подрастают.

Из-за облаков выглянуло тихое, неяркое солнце, и в парке сразу стало теплей и уютней. В руках у внучки букет желтых кленовых листьев, а у бабушки в памяти — букет чудесных строк об увядающей природе: «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора...», «Отговорила роща золотая березовым веселым языком...»

«У каждого — своя осень, — думает бабушка, — но как часто она, эта печальная пора, приходит раньше срока, а иногда и в пору буйного цветения и забирает с собой, как случилось с Есениным».

А внучка размышляет о своем. Она примеряет кленовый лист на ладошку и говорит:

— У листа пять пальчиков. Значит, у дерева тоже есть ладошки, как у людей, да?

Катя радуется своему открытию, и они с бабушкой идут дальше. Анна Ивановна вспоминает свое детство: как она, маленькая глупенькая девочка, искала в траве упавшую с неба звездочку, как ловила бабочек панамкой. Она была такой же, как Катя сейчас.

Им так уютно и хорошо вдвоем: идут себе, разговаривают, как равные.

Бабушка считает, что вся жизнь состоит из трех частей или периодов. Первый — это детство-отрочество, когда мы все Колумбы, первооткрыватели и первопроходцы. Это годы сплошного удивления, восхищения миром и собой, и мы не далеки от истины! Юность — прекрасная пора еще больших заблуждений: она стирает последние «белые пятна» на карте нашей души, но, слава Богу, эти годы пролетают быстро.

К сорока годам ум обретает зрелость: нам кажется, что все открытое нужно открывать заново и не один раз... В это время мы — Эйнштейны, роняем по случаю: «Все в мире относительно...» Сомневаясь, мы все-таки ищем! Жажда жизни бросает нас с одной тропы на другую, с Северного полюса — в пустыню... Мы еще часто следуем девизу Сани Григорьева из «Двух капитанов»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» Но зрелость незримо, незаметно переходит в старость, когда однажды замечаешь: ни с кем и ни с чем уже не хочется бороться, тем более — «искать». Невольно начинаешь задумываться над тем, что видишь, слышишь, осязаешь, и понимаешь, что мир, как и прежде — загадка! Удивляешься прожитой жизни и возвращаешься на круги своя.

— Бабушка, а правда, что дорожки бывают разные: песочные, камешковые, ручейковые и даже железные для поездов и трамваев?

— Правда, Катюша, а ты бы какую выбрала для себя? — бабушка лукаво смотрит на внучку и думает о своей «камешковой» дороге.

Она, эта дорога, тянулась через всю ее жизнь: из войны по полю с мерзлой картошкой, через полуголодные студенческие годы... А позже, работая в Заполярье, видела Анна Ивановна дороги в сопках, усеянные по обочинам валунами! Какую же дорогу выберет внучка, ведь растет она в каменном мешке города, среди машин и трамваев?

А Катя вспоминает, как летом с мамой они ездили на море: светило солнце (на него нельзя было смотреть!), и оно рассыпалось на много-много солнышек, которые блестили и прыгали на воде.

— Мне больше всего нравится солнечная дорожка, — говорит внучка. — Давай поедem на море, и я тебе покажу ее. Но по ней можно только плавать, а ходить — можно во сне, потому что море глубокое!

— Поедем лучше домой, — предлагает бабушка Кате. — Ляжем спать, и во сне будем бегать по солнечной дорожке!

Внучка долго молчит, думает и соглашается.

Притихшие, уставшие, идут они по аллее, потом садятся на скамейку. Катя залезает на нее неуклюже и усаживается — одета она как купчиха, длинное пальто мешает ей. Но вот наконец уселась и вскользь замечает:

— И никакая это ни скамейка, а сиделка с облокотилкой.

Бабушка смеется и хвалит внучку за сообразительность. Прилетели голуби, и Катя кормит их крошками от печенья. Откуда ни возьмись появился шустрый воробей.

— Смотри, — кричит Катя, — сыночек голубя прилетел! — Она скармливает птицам все припасы, разговаривая с ними на особом своем языке.

— Бабушка, а знаешь, какая самая красивая птичка?

— Нет, не знаю, дай подумать... — говорит Анна Ивановна. Она перебирает в памяти всех пернатых: лебедь, орел, соловей, цапля, аист...

«Какая же из этих птиц? — думает она. — Вот загадку загадала».

— Ласточка, вот кто! — поясняет Катя, довольная собой. — У нее белая грудка и черная спинка и очень красивые крылышки и хвостик. А самый красивый цветок — роза, — заканчивает она, исчерпав все свои знания по данному вопросу.

Бабушка ласково сжимает теплую ладошку внучки и думает: «Откуда она столько знает в свои шесть лет?»

Придя домой, Катя всем показывает букет из кленовых листьев, а бабушка устало ложится на диван. Раздевшись, подходит внучка, устраивается рядышком и шепчет на ушко ей:

— Спокойной ночи и хороших снов! Давай смотреть цветные сны, выбирай! Я, чур, красивый, красивый, а ты какой?

— А я белый, — отвечает счастливая бабушка и думает о близкой зиме.

Они умолкают. Катюша погружается в свой красный цветочный сон. Вдруг она приподни-

мает голову, открывает сонные глаза и произносит:

— А знаешь, какое у меня отчество? Игоревна!

«Огонь, мерцающий в сосуде...»

Сентиментальная история

День медленно катился к полудню. Ярко светило солнце. Оно жадно пило небесную синеву и отражалось в росинках, которые выглядывали из чашечек проснувшихся цветов. Не спеша, взявшись за руки, шагала по тротуару младшая группа детского сада. Детей вела молоденькая воспитательница Елена Витальевна. Невыразимо прекрасным было ее лицо: маленький носик, чуть продолговатые быстрые глаза цвета бирюзы, нежная кожа, тронутая загаром. Светлый шелковистый локон то и дело спадал на высокий лоб, и девушка привычным движением руки отбрасывала его кверху. Лена была добра и заботлива, строга и справедлива, знала много игр и сказок, и дети души не чаяли в ней.

Свежий ветер развевал ее новое шелковое платье, подчеркивая тонкий стан и стройные девичьи ноги. Воспитательница смущалась, краснела и как насадка суетилась возле ребят, останавливая передних, поторапливая отстающих. То с одной, то с другой стороны огибали прохожие звонкий ребячий ручеек.

Странные взрослые люди куда-то спешили. Одни — хмурились и сосредоточенно смотрели прямо перед собой (в такой-то солнечный день!), другие — отрешенно улыбались, думая

о чем-то своем, личном, и, наверное, очень хорошем. Юноши с интересом окидывали взглядом легкую фигурку Елены Витальевны. Некоторые пытались завести разговор, познакомиться, но она никого не удостоивала вниманием — у нее был Сережа.

Вчера он признался ей в любви. Проводил до дома, читал стихи! Особенно тронуло Лену стихотворение о некрасивой девочке — как жаль ее! Она пыталась вспомнить слова о красоте... Как же там было, ах да, вот они: «...и почему ее обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?» Сережа еще рассказывал про одного большого писателя, который уверял всех, что «красота спасет мир!» Елена не совсем представляла себе, как это будет, но хотелось верить в эти чудные слова и сделать что-то хорошее!

На прогулке Елена Витальевна старалась следить за детьми, и все мысли ее были о них. Малыши глазели по сторонам, смеялись, разговаривали. На их лицах еще не было следов глубоких раздумий, а в удивленных взглядах отражался яркий летний день, который они нарисуют часом позже, придя в свою группу. Маленькие мудрецы и великие художники, они сядут за столики и будут рисовать все, что видели. На их картинах будет зеленое небо, синие деревья, розовое солнце, так похожее на теплую детскую ладошку. «Их рисунки нелепы и мудры, а краски — щедры и первозданны. Может, и великие импрессионисты, создавая свои шедевры, возвращались на миг в детство», — думала воспитательница, зорко наблюдая за улицей и не мешая детским забавам.

Впереди строя идет Аленка, с большим розовым бантом на макушке. Она все время что-то говорит подруге, и обе весело смеются. Забияка Андрей дергает за косички Динку-недотрогу, которая сердится и показывает обидчику кулак. Маленькая Оля, широко открыв рот, «пьет ветерок»... Малыши пока на пороге открытий, и душа их только-только просыпается. Она, как незрячий щенок, пытается по запаху, по цвету, по звукам узнать добро и отличить его от зла. Дети с любопытством разглядывают прохожих, машины, дома, вслушиваются в веселую разноголосицу улицы.

У края тротуара, на зеленой лужайке, много цветов, и среди них, как маленькие солнышки, вспыхивают одуванчики. Аленка вдруг остановилась и уловила незнакомый певучий звук: «З-з-з... з-з-з...». Сбежав с тротуара, девочка заметила над цветком пчелу. От цветка к цветку летала пчела и пела свою веселую песенку. Аленка побежала за пчелой, дети — за ней, весь строй рассыпался. Замелькали в траве голубые, розовые, белые банты! От банта к банту теперь летала пчела: «З-з-з... з-з-з!» Дети бегали, прятались от нее друг за друга, смеялись!

Растерявшись, Елена Витальевна стала прогонять пчелу, махать руками, и та неожиданно ужалила ее в щеку. Девушка вскрикнула от острой боли, но тут же попыталась улыбнуться: все-таки отвела беду от детей. Мертвая пчела лежала на ладони воспитательницы.

Дети хотели похоронить ее, но Елена Витальевна сказала, что будет лучше, если они оставят пчелу среди цветов, и дети согласились.

Снова не спеша, взявшись за руки, шагали

они по дороге. Присмирел забияка Андрей, Динка обняла маленькую Олю, Аленка кулачком размазывала слезы по щекам — ей было жалко пчелу. Ребячьи души проснулись, и еще выше взметнулось пламя детской любви к своей воспитательнице.

В тихий час, уложив детей спать, Елена немного взгрустнула, но мысль о Сереже рассеяла облачко грусти: он назначил ей сегодня свидание!

Она посмотрела в зеркало и не узнала себя: левая щека распухла, веки отекли и сомкнулись, а глаза превратились в узкие щелочки, нос картошкой! «Что же делать, ведь я напугаю даже детей?..» — расстроилась Елена.

Но, как ни странно, когда дети встали, они не хотели замечать ее уродство, наоборот, участливо прижимались к ней, теплые после сна, гладили и целовали распухшее лицо. А забияка Андрей сказал, ни к кому не обращаясь:

— Когда болит глазик, нужно приложить холодную копейку!

— А если простудился, надо пить горячее молоко с медом, — объявила всем Оля.

Дети соперничали, давали советы, и Елена Витальевна была благодарна им, смеялась и прикладывала льдинки-холодинки (из холодильника!) к щекам и глазам. Но на душе было тревожно: как же она в таком виде покажется Сереже?

Рабочий день подходил к концу. Родители уже разбирали детей из группы по домам, многие сочувствовали ей, утешали. Последней уходила Аленка. Девочка наклонилась к Елене, поцеловала ее и тихонько прошептала на ухо:

— Мы с мамой идем на почту отправлять бабушке посылку ко дню рождения, — сообщила она и побежала догонять маму.

Лена тоже стала собираться: распустила волосы, чтобы хоть как-то прикрыть глаза и щеки. Болела голова, и она прилегла на диван: до встречи с Сережей оставался еще час. Елена Витальевна не заметила, как глаза ее сомкнулись и она уснула.

Во сне Лена брела по какой-то незнакомой улице и вдруг вспомнила, что опаздывает на свидание с Сергеем. Откуда-то появился трамвай, и она в последний момент вскочила на его подножку. В салоне народа почти не было, только у окна сидели два молодых человека. Они уставились на нее и громко захохотали.

— Глади, на ней лица нет! — завопил один из них.

Лена отвернулась и села на свободное место. Но тут другой парень, более интеллигентного вида, встал перед ней на колени и произнес:

— Но поражен бывает мельком свет ее лица необщим выраженьем, — и тут же добавил: — На роль Бабы-Яги сгодится!

Ребята смеялись, а Лена побежала в противоположный конец вагона. Ее удержала за руку старушка. Она пристыдила парней и как бы про себя тихо проговорила:

— С лица воду не пить, но не все это понимают.

На остановке Лена помогла выйти своей заступнице и дальше пошла пешком.

Ужасный сон продолжался. Она не понимала, что происходит. Все перепуталось. «Почему Сережа назначил свидание у почты — это ведь так далеко, я уже опоздала!» — думала Лена.

Она побежала по улице и еще издали узнала любимого. Сергей куда-то шел впереди нее. Она окликнула его, но он не обернулся. «Может быть, не Сережа?» Лена догнала парня и увидела спокойное лицо Сергея, холодный взгляд.

— Что вам нужно, девушка? — равнодушно спросил он.

Лена растерялась, вспомнив про свое распухшее лицо и нос картошкой. «Не узнал!» Неожиданно для себя она назвалась подругой Лены.

— Лена просила передать вам, что задержится, — еле выговорила она.

— Спасибо, я подожду, — ответил Сергей и сел на скамейку. И тут Елену Витальевну озарило: нужно бежать в поликлинику! Должно же быть лекарство от укусов пчел.

Как бывает только во сне, Лена уже стучала в дверь кабинета. Доктор осмотрел ее, дал выпить таблетку, медсестра сделала укол. Она посмотрелась в зеркало, но лицо было страшным!

— Красивой вы станете не ранее, чем завтра, — доктор улыбнулся.

Это было выше ее сил, и она опять побежала к месту свидания. Но на сей раз ей пришлось долго плутать по городу, пока увидела здание почты. Сергей поглядывал на часы, нервничал. Она хотела крикнуть, но, как часто бывает во сне, голоса не было. Лена тронула его за плечо.

— А, это снова вы... Где же Лена? — раздраженно спросил он.

— Она не придет! — еле сдерживая слезы, произнесла Лена.

Сергей, низко опустив голову, круто повернулся и стал переходить улицу. И тут Лена увидела, как из-за угла прямо на него летит мото-

циклист... Кричать она не могла, в горле пересохло. Девушка в одно мгновение оказалась рядом с Сергеем. Она схватила его за рукав и оттолкнула назад, а сама, потеряв равновесие, упала на мостовую. Коляска мотоцикла сильно ударила голову, и Лена, кажется, потеряла сознание, но видела все события как будто наяву!

Сереза поднял ее на руки, кто-то вызывал «скорую». Около почты собрался народ, и тут ее узнала Аленка — подбежала, стала трясти за плечо.

— Елена Витальевна, вы ушиблись, вам больно? Только не умирайте! Вы все равно самая красивая! — Аленка ревела во весь голос.

И тут Елена очнулась от кошмарного сна, приоткрыла заплывшие глаза. Перед ней стоял ее Сереза и улыбался.

Еще ничего не понимая, она спросила:

— Неужели ты узнал меня, я ведь вылитая Баба-Яга!

Лена встала с дивана. Глаза еле открывались.

— Ну что ты, Баба-Яга по сравнению с тобой — просто красавица! — пошутил Сергей.

— Извини, что я так нечаянно подвела тебя, но теперь ты видишь, какая я уродина. Это всего одна пчела сотворила!

— Переживем! А я ждал-ждал, потом понял, что с тобой что-то случилось, и прибежал в детский сад. Ты так сладко спала, что я не посмел тебя разбудить. Сидел и смотрел...

— И как же теперь быть с «красотой, которая спасет мир»? — спросила Елена, совсем проснувшись, и ей стало жаль себя.

Сергей вдруг стал серьезным:

— Леночка, я тебя и такую страшилку люблю еще больше, потому что люблю. Ты зна-

ешь, я понял это только сейчас. И если бы я был писателем, написал бы: любовь спасет мир! Она и есть «огонь, мерцающий в сосуде». Помнишь, я тебе читал стихи про некрасивую девочку?.. А ведь тогда я думал иначе... — признался вдруг он, целуя ее обезображенное укусом пчелы лицо и щелочки глаз.

Санта-Лючия

Моя мама очень умная — она целый год всем говорила, что детям полезно дышать ионами! Именно поэтому папа взял отпуск и сам, без мамы, вывез меня к морю. Я люблю нырять и все время учусь плавать. Вот и сейчас я, как малёк, старательно изучаю дно у самого берега. Мне скоро десять лет, но Витька Кузин говорит, что я выгляжу моложе, потому что низкорослая и полная. А бабушка считает, внешность обманчива, и называет меня «молодой старушкой» за сообразительность.

Я часто думаю, что мои далекие-предалекие предки, наверно, были дельфинами, но мама сомневается и говорит, что скорее всего я веду свой род от медузы, ибо отличаюсь ужасной бесформенностью фигуры и студенистой бесхарактерностью!

Папа очень любит меня, но иногда и он удивляется: «И в кого ты у нас такая невзрачная, не на что глаз положить, разве что талия гладкая, как у дельфина». Еще он считает, что я смогла бы работать шпионкой, потому что у меня нет особых примет и родимых пятен, и я бы незаметно выводила врагов «на чистую воду».

Но мне кажется, что папа ошибается. С одной стороны, я действительно тусклая: волосы серо-пепельные или «цвета спелой полыни», как говорит бабушка, то есть почти как у нее, только сочнее. А вот приметку мою особую папа забыл — у меня глаза разные! Один сине-фиолетовый, другой — зеленоватый в крапинку. Может, поэтому, если на меня смотреть во все глаза, то я превращаюсь в фиалку. Это мне Витька Кузин сказал на уроке, когда списывал контрольную. Так что в шпионки меня не возьмут. Все же остальные, кроме Кузина, считают, что про таких как я говорят: «Ни кожи, ни рожи, волосы пакля, нос уточкой!»

Вообще я о себе редко думаю, только когда нечего делать, как сейчас. Папа громко кричит: — Эй, Санта-Лючия, вылезай из воды!

Я делаю вид, что не слышу. Хочется еще полежать на песке и поразмышлять. Папа считает меня дурнушкой, а Витька Кузин — красавицей, потому что увидел мои глаза и, значит, мою душу. Глаза — зеркало души! Мама где-то читала об этом и любит повторять умные слова.

А душа у меня красивая — фиолетово-зеленоватая в крапинку, как морской камешек в соленой воде. Но стоит ему высохнуть, и камешек становится серым и невзрачным. Вот и со мной так: в море — меня не узнать, я себя там дельфином чувствую, а выйду на берег — мокрая курица, просто ужас!

В школе меня зовут «Серой шейкой», как будто и не знают, что я — Саня, Александра (в честь бабушки называли!). А папа называет меня Санта-Лючией! Он говорит, что в прошлой жизни я была итальянкой. С чего взял? Просто придумал.

мал, наверно. Я уже перешла в пятый класс, и осенью мне исполнится десять лет.

— Главное в детстве — хорошее питание, — говорит бабушка, и еще она уверена: все толстые очень талантливые и добрые. Папа с ней согласен и даже по-иностранным про это же сказал. Я думала — ругательное слово, оказывается, он по-латински произнес и специально для меня перевел: «В здоровом теле — здоровый дух!» Вот что это значит.

Мне нравится купаться и загорать. Лежи себе на песочке и ни о чем не думай. Но папа и здесь достает: «Пора сматывать удочки, а то обгорить!» — зовет он. Это значит — пора домой, то есть на квартиру. Папа вообще любит говорить на своем языке. «Ты должна попасть в десятку! — восклицает он и объясняет: это значит попасть в цель!» И тут же спрашивает меня о цели моей жизни. Я не знала, что ему ответить, и папа посоветовал мне подумать об этом!

Дома я все время занята и цель жизни у меня каждый день новая: весной металлолом для какого-то дяди собирали. Он нас за это жвачкой угостил и «сникерсами»! А еще на той неделе я Витьке помогала мыть машины на стоянке, и он сказал, что вдвоем веселее и мороженое слаще! Я и музыку совсем забросила из-за этих «мерседесов» и «кадетов».

Бабушка очень переживает, что я никак не выучу «Сладкую грезу», а мама считает, что я не доросла до Чайковского и лучше бы мне учиться играть на гитаре. Тогда за мной будет ходить толпа мальчиков, и я смогу выйти замуж за непьющего и некурящего, и он мне будет дарить цветы на день рождения и на Новый год!

Папа от этих маминых разговоров морщится и уходит в другую комнату, потому что он курит и часто забывает купить маме цветы. Пьет он, правда, редко, но всегда не может остановиться. Тогда мама забывает все хорошее и называет его «тряпкой» и «верблюдом в пустыне», который заполняет впрок свои горбы «Белым аистом» — это водка такая коричневая. Мама говорит папе обидные слова и ложится спать со мной. Я долго тогда не могу заснуть и думаю, что мама ошиблась: у верблюда ведь жир в горбах, а не вода накапливается впрок! Мне жаль папу: он такой же слабохарактерный, как и я, но папа хороший. Тратит свой отпуск на меня, к морю вывез!

Маме тоже хотелось поехать с нами, но дома три собаки: большая родила двух маленьких «боксерчиков», и за ними всеми нужен уход. Мама хочет за отпуск продать щенков, потому что папа два месяца не получает зарплату. Ему дают сухой паек: то сахару мешок, то гречки дадут и еще горячий хлеб каждый день по какому-то «бартеру» — наверно, по блату просто... А весной папа с другом придумали умную косилку (папа — инженер с двумя дипломами!), и эту машину стал выпускать завод! Так им вместо зарплаты дали косилку, одну на двоих. И папа с другом продали ее фермеру, а мы целый месяц жили как «новые русские» и даже отметили премию на природе.

Было очень весело, но папа опять не смог вовремя «остановиться»! Он даже пробовал петь: «А где мне взять такую песню?» — дальше папа не знал слов, но мама смеялась и не сердилась на него... Она рассказывала потом бабушке, что

ее муж наконец сумел реализовать свой умственный потенциал.

У мамы тоже высшее образование, и она привыкла говорить по-научному. Бабушка дала ей хорошее воспитание, но мама считает, что времена круто изменились и образование ей только мешает. Приходится говорить не то, что думаешь, и думать, что сказать. От этого у нее сплошные неприятности и еще неврастения... «Не-вра-сте-ни-я, — повторяю я по слогам незнакомое певучее слово и добавляю: «Санта-Лючия!»

Я напеваю папину любимую песенку «Санта-Лючия», и мне хочется в свою прошлую жизнь — в Италию! Уж там бы я целый год купалась в море и превратилась в красавицу-русалку, хотя Витька Кузин говорит, что внешность не имеет никакого значения, главное — внутреннее содержание. Но мне кажется, внешность тоже что-то значит, ведь папа полюбил маму за фигуру. Он иногда вспоминает, что она в молодости была стройной, как тополь! Мама и сейчас бегает на шейпинг два раза в неделю и гуляет по вечерам с собакой — а раньше гуляла с папой! «Значит, и правда времена изменились!» — думаю я и тихонько сползаю в море, пока папа шпаклюет лодку.

В воде (какой сюрприз!) барахтается моя тезка — медуза. Какая же она вся водянистая! Я разглядываю ее, ищу сходство с собой и не нахожу, хотя мы вместе качаемся на волнах.

А дома мне больше всего нравится лежать на диване, смотреть мультики или мамины платья примерять. Правда, в талии они мне немного тесноваты и приходится расстегивать молнию...

— Нет, я никогда не выйду замуж, — говорю, глядя в зеркало, своему отражению. — Хотя дельфинам я бы понравилась. Они умные, чувствуют душу человека, и им наплевать на мою внешность и плохое воспитание. Я ведь что думаю, то и говорю!

Как-то Виолетта Ивановна, классная наша, спрашивает: «Почему твоя мама не пришла на собрание?» Я ей и выкладываю все как есть: «Они с папой поругались, и у мамы подскочило давление, и у нее еще неврастения!»

Учительница обещала побеседовать с мамой отдельно и сделала запись в дневнике. Когда мама все узнала, она расплакалась и сказала: «Я думала, что у нас порядочная семья, а оказалось — семьи нет, одно название».

Я тогда тоже заплакала, а папа ушел на кухню. Значит, от плохого воспитания — одни неприятности и у меня может появиться эта, как ее, не-вра-сте-ни-я!

В Италию мне уже не хочется, поехать бы лучше на Бальгу или сесть за пианино и сыграть «Сладкую грезу»! Когда мне плохо, всегда хочется чего-нибудь сладкого...

Я испупалась, выпила лимонада и снова легла на теплый песок. Думалось о хорошем: лето еще все впереди! Сочинение «Как ты провел лето?» я написала еще в апреле, так что свободного времени у меня с запасом, можно и о цели жизни подумать! Интересно, а от неврастения можно умереть? Надо спросить у Витьки Кузина, он все знает. Он мне говорил, что медуза может стать человеком, если ее поместить в человеческие условия. Когда папа услышал это, он долго смеялся над нами, а потом серьезно

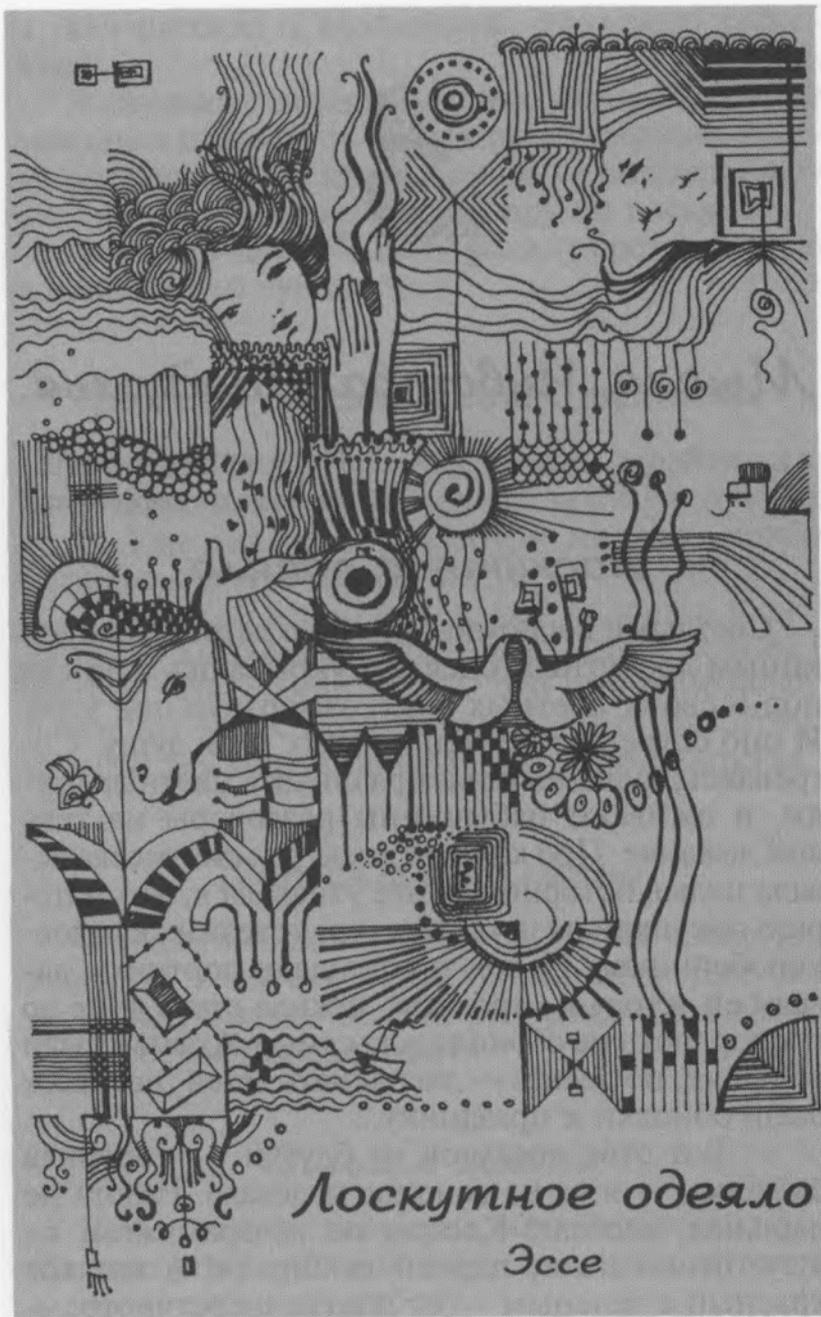
сказал: «Не забудьте только, что кормить ее надо обязательно сухим пайком!» — и стал смотреть телевизор.

— Медуза, ты где пропала, — кричит папа. — Идем обедать!

— Никуда я не пропала, я дышу ионами, — отвечаю я с обидой. — Какая я тебе медуза, я — Санта-Лючия!

— Чия-чия-чия, — повторяет эхо, — чия-чия-чия, — кричат чайки, и слышно, как шумят сосны на дюнах и поет морской прибой... И я бегу навстречу отцу!

Лоскутное одеяло

Эссе

Мысли. Чувства. Раздумья.

Всею жизнью я плачу
За лоскутья старых истин.

Лоскутное одеяло

Светлыми воспоминаниями о детстве, бабушкиным лоскутным одеялом укрываюсь я до сих пор в своих цветных снах, замерзнув под утро. И оно согревает не только тело, но и душу. Согреваясь, душа начинает различать цветные звуки, и оживают бабушкины разговоры на теплой лежанке. Про каждый лоскуток она рассказывала целые истории. От нее узнавала я, что материю покупали на ярмарках или у заезжих купцов-коробейников. Потом приглашали портниху, давали ей «стол» и «кровать», и жила она в доме до тех пор, пока не обошьет всю семью. А семьи были большие, по десять — двенадцать детей, но у всех были обновки к празднику...

— Вот этот лоскуток от блузки, — говорила бабушка, — я ее на сенокос надевала. Работа не пыльная, веселая! Костры по вечерам жгли на лугу, песни пели, парней выбирали! А вот тот красный с зеленым — от платка шерстяного, —

и шел рассказ о Масленице, колядках, ряженых!

Я слушала, затаив дыхание, про лоскутья от маминых платьев, от праздничных нарядов ее сестер и братьев. И, как листочки на весенних ветках, распускался то один, то другой лоскуток...

Оживало древо моего рода, обретая новую жизнь в моей душе.

Тепло маленькой ладошки

Маленькому человечку улицу перейти, что мне переплыть реку. Я беру его за руку и говорю:

— Умница моя, посмотри налево, потом направо и смело переходи!

Я ощущаю тепло маленькой ладошки в своей руке. Умная ладошка думает, что я веду ее в школу... На самом деле — это она направляет подошвы моих стоптанных туфель навстречу незабитому голу в призрачные ворота детства.

Детская болезнь

В юности «болеют стихами» так же часто, как в детстве — корью. Этой болезни подвержены и взрослые. Только болеют они реже и тяжелее... И не все выздоравливают.

Смысл жизни

Как иголку в стогу сена, ищу смысл жизни... Каждое утро поднимаю детей и мужа, готовлю завтрак, спешу на работу.

Как иголку в стогу... Ищу каждый день оправдание своим неблагоприятным поступкам: лени, лести, вранью. Значит, они тоже не лишены смысла — тревожат совесть.

Как иголку... ищу, на кого бы переложить вину за свое несовершенство, пытаюсь сотворить себе кумира... А затем снова возвращаюсь к истокам жизни — к инфузории-туфельке.

В годы ученичества мне очень нравилось на уроках биологии наблюдать под микроскопом за делением «живой капельки», простейшего одноклеточного существа. Меняя форму, вытягиваясь, она бесконечно делилась, делилась, давая начало новой жизни, уравнивая достоинства и недостатки, не ведая о смысле жизни...

Как найти то, что не потеряно?

Где живет душа?

Мне кажется, что в младенчестве душа живет в каждой клеточке нежного, розового тельца малыша, в каждой светиночке его улыбки, в каждой облачке его обиды, в светлой слезинке его откровенно громкого плача. Его душа — равновелика плоти! Но ребенок быстро растет, а душа? Она остается вечным младенцем... В минуты опасности душа устремляется туда, где больше всего нужна. Одному — приказывает бежать, и мы говорим: «душа в пятки ушла». Другому она дает меч в руку, и он готов «Богу душу отдать»! Так где же обитает душа? А может, и не надо нам этого знать?

Припомнились мне слова одного сельского учителя, который как-то заметил: не страшно не дать ответа, страшнее — не вызвать вопроса.

Птица

Когда человек умирает, говорят: «душа отлетела». Значит, у нее есть крылья? Она — птица, а плоть — только гнездо, где душа обитает, поет в радости, грустит в печали... Дрожит от страха, негодует, плачет, ликует, торжествует... Выводит потомство. Отлетает!

Белые туманы осени

Октябрь. Утреннее шоссе пустынно. По обочинам дороги поблескивает золотом опавшая с деревьев листва, а поля окутаны белой дымкой. Из окна машины видно, как устремляются за ней, текут белые молочные реки...

Уставшая, отплодоносившая осенняя пашня, будто родильница, в муках исторгнувшая плод из лона, отдыхает с чувством выполненного долга. Она щедро кормит мое воображение молоком туманов.

Встреча с Иосифом Бродским

Тонкая книга стихов в мягком переплете лежит в моей сумке, рядом с хлебом насущным. Мне дали книгу на три дня, и я вожу ее с собой: читаю в трамвае, на остановках... Вдруг нечаянно вздрагиваю от «осеннего крика ястреба»*. И удивляюсь: почему его не слышат стоящие рядом, идущие, едущие? Кто бы мог подумать еще несколь-

* Название одной из книг стихотворений И. Бродского.

ко лет назад, что его «Письма к римскому другу» найдут адресата в России?

«И вечный бой! Покой нам только снится...»

Поэт шел по ночному Петрограду, низко опустив голову. Холодный, пронизывающий до костей ветер трепал полы его длинного пальто, пытался сорвать шляпу... Он еще ниже наклонился, придерживая рукой головной убор. Тусклый фонарь мигал от сильных порывов ветра. Мрачный подъезд укрыл ночного странника, легкие шаги застучали по лестнице и затихли. Он позвонил. Звякнула цепочка. Распахнулась дверь, повеяло теплом.

Как тихо в доме, какие мягкие теплые руки у мамы. Он нежно поцеловал их, сел к столу. Привычным движением руки взял лист бумаги, потянулся к перу, прислушиваясь к себе. За окном бушевала непогода, по стеклу барабанили капли дождя, а может, града? Ветер, казалось, хотел сорвать крышу! Стонал жестокий, «железный» двадцатый век...

Перо коснулось белого листа. На бумаге отчетливо проступили слова:

И вечный бой! Покой нам только кажется,
Покой нам только снится.

Я видела Поэта во сне, в ночь на девятнадцатое августа 1991 года. Двадцатый век снова рвался в бой! Сон оказался вещим: «Покой нам только снится!» — повторяла я, следя за событиями у Белого дома и определяя свое место на баррикадах.

Маленькая симфония для большого оркестра

Голос виолончели приглашал к разговору... О ком? О чем? Разве это так важно? Главное — чтобы тебя понимали. В разговор вступили валторны: одна, вторая, третья... Запели скрипки. Подхватили напев тромбоны, слышался чистый звон колокольчиков, так похожий на детский смех. Какое наслаждение — торжество гармонии!

Но вот прозвучал первый «сатанинский» аккорд, за ним — следующий, еще и еще... Одна из валторн сбилась с ритма, гобой взял не свою тональность, замолчали две скрипки, и лишь первая скрипка не изменила своей мелодии. К ней осторожно пристроились альты, их робко поддерживала арфа...

Вдруг снова обрушился грохот аккордов, раздался дикий хохот тромбонов. Он заглушил голос арфы, умолкли альты, но не сдавалась первая скрипка, не теряла нить своей мелодии. Ей хотелось о чем-то рассказать, с кем-то поделиться сокровенным, достучаться до закрытой двери...

По моей щеке скатилась слеза: это же мой голос срывается в бездну, это я — на краю пропасти, «противу всех — одна!» Плачет моя душа, разрывается мое сердце!

Одна за другой умолкли валторны. Гобой, милый гобой спрятался в тени контрабасов. Неужели никто не способен разделить боль?

Зал затаил дыхание: Сатана торжествующе бил в литавры!.. А плачущий голос скрипки вдруг окреп, набрал высоту и взлетел к небесам над

бездной, над скверной, над предательством и ложью... И бездна — отступила, а зал взорвался громом аплодисментов!

О, как много нас — страдающих, плачущих. И как мы одиноки! Но каждое одиночество — как маленькая симфония, как грустная мелодия скрипки в большом оркестре...

И она должна быть услышана!

О форме и содержании

Мы переживали смутные времена: перестройка, затем реформы... Менялись старые государственные формы правления, и политики наперебой пытались наполнить их новым содержанием. Каким — никто в народе толком не знал, но ожидали повышения цен.

После работы я поспешила в магазин, чтобы пополнить свой чайный сервиз, от которого осталось одно название. Мой взгляд остановился на недорогих чашках, которые по форме и расцветке почти подходили к моему сервизу. Мне захотелось посмотреть их поближе.

— Чашки с дефектом — товар третьего сорта, — предупредила меня девушка-продавец, подавая и разворачивая посуду.

На каждой чашке был небольшой изъян: царапинка на боку, неровный, шероховатый край, щербинка на ручке, смазанность рисунка... Я с досадой подумала, что это не Божьи отметины, а дело рук человеческих, которые либо не владели ремеслом, либо были грубы и неаккуратны в обращении с хрупким товаром. Я отобрала лучшие из них, успокаивая себя тем,

что это лишь форма, главное — содержание! И денег как раз хватило на покупку.

В ближайший выходной пришли гости: подруга с мужем и сынишкой. Я испекла пирог с яблоками, заварила цейлонский чай, добавив в него листочки сухой мяты. И хотя за окном шел снег, в комнате пахло летом, было тепло и уютно.

На белой скатерти стояли мои новые чашки с «отметинками», о которых знала только я.

Друзья пили чай, хвалили пирог, я улыбалась и подливала погорячей. Но вот подруга заметила щербинку на ручке чашки и стала извиняться, что она не виновата в этом. Я успокоила ее, сказала, что так было. Мальчик стал рассматривать нечеткий рисунок на своей чашке и заспорил с папой, что на ней нарисовано: стрекоза или ракета?

Я смутилась и объяснила малышу:

— Видно, художник хотел нарисовать каляку-маляку!

Все рассмеялись как ни в чем не бывало, но для меня вечер был испорчен. Проводив гостей, я захотела быстрее вымыть и убрать посуду. Присела к столу, задумалась: чай был ароматным, пирог вкусным, а такая малость — дешевые чашки — испортила настроение...

Я подошла к серванту и достала маленькую, с изящно отогнутыми краями китайскую фарфоровую чашечку, давний подарок бабушки. Она, казалось, издавала тихий звон.

Вспомнилось, что чайная церемония — это ритуал, пришедший к нам из Китая. Там чаепитие проходит в специально построенных чайных домиках, окруженных небольшим садом... У входа горит фонарь, стоит чаша-колодец для

омовения рук. Оставив мирские заботы, гости пьют чай не спеша из драгоценных фарфоровых чашечек, наслаждаясь напитком и тонкой работой мастера. Читают стихи, ведут беседу о сущем. Совершенство формы и содержания сливаются в нечто единое, имя которому — чудо приобщения к прекрасному.

Мои мысли вернулись к истоку: у меня не хватило денег на красивые чашки. Я торопилась, боясь повышения цен, ибо могла совсем остаться без посуды! А всему виной было несовершенство форм правления в моем государстве... И все же надежда не покидала меня: я верила в реформы и хотела, чтобы они соответствовали улучшению содержания жизни — моей, твоей, его...

Жизнь — это вещь!

Я часто задумываюсь, что бы мы делали без вещей? По сути, вся наша жизнь заключается в них. Мы их любим, холим, приручаем, воспитываем, ласкаем, наказываем! Иногда прячем в шкаф или в стол, иногда выбрасываем... Но тут же покупаем новую вещь!

Мы становимся родителями (пусть приемными!) задолго до рождения своих детей, ибо каждая вещь — несмышлениш и мы усыновляем либо удочеряем ее, приобретая с годами опыт отцовства-материнства.

А когда рождается наш первенец, что мы делаем? Ласкаем, целуем, кормим, пеленаем и — ублажаем погремушкой, затем покупаем ему плюшевого зайца, куклу, или машину — вещи... Ребенок, подрастая, повторяет наш опыт. Проходит наш путь, становясь мамой-папой своему

любимому кукольно-машинному семейству, которое так любит свободу!

Игрушки «выпрыгивают» из коробок, «гуляют» по столу и подоконнику, валяются в кровати... И ребенок, подобно нам, ласкает и любит их, воспитывает и приручает, строго наказывает — ставит в угол! По вечерам девочки укладывают кукол спать, а мальчики ставят машины в гараж, пока игрушечный.

Но утром игрушки вновь разбросаны по квартире. Наши вещи незаметно покидают свои убежища и лежат на стульях, на столах — везде, где им заблагорассудится. Нет, что ни говори, жизнь — это вещь! С возрастом приходит к иным из нас прозрение — вот откуда в нас чувство свободы: оно пришло к нам вместе с вещами! Мы тоже все время хотим куда-то уйти, уехать, залезть, заплыть, исчезнуть... Но инстинкт самосохранения, чувство долга, любви, верности возвращают нас на круги своя!

Кто же мы, обладатели вещей, наделенные разумом, душой, способные воспроизводить жизнь? И не только, — размышляю я. — Мы можем делать и воспроизводить вещи! Вот почему они так похожи на нас, а мы — на них. «Надо жить играя!» — советовали древние мудрецы. Мы так и делаем.

Волга впадает в Каспийское море

Со школьных лет знаю я эту неоспоримую истину и всегда, не задумываясь, произношу: «Волга впадает в Каспийское море!»

Но чем дольше живешь, тем больше сомневаешься в привычных вещах, задаешь себе вопросы и не находишь ответов на них. Исток Волги — родничок-ручеек, маленькая речушка... Почему же она впадает не в Белое море, которое ближе, а через всю Россию стремится к морю Каспийскому, и только к нему!

Кто ей указывает путь, по каким приметам находит она дорогу к своему избраннику? По звездам, по стаям перелетных птиц, по горьким полынным запахам степей?

Величие цели, любовь превращают слабую речушку в сильную, полноводную реку Волгу, которая находит Каспийское море и соединяется с ним! После этого можно только сказать: браки совершаются на небесах...

Без грима

Ранняя весна — как невыспавшаяся красотка, только что вставшая поздним утром с постели. Простоволосая, с бледным лицом, без грима, в неприбранном своем жилище вспоминает она о мягких пуховых перинах матушки-зимы. Нагие деревья с черными несуразными ветвями, лениво потягиваясь, устремляются к солнцу, которое все чаще выглядывает из-за низких облаков. Из серых клочьев тумана вырисовываются дома с нематыми стеклами окон.

Освободившаяся от ледового плена земля, сняв грязные прохудившиеся одежды, подставляет свои круглые бока чистому весеннему ливню! Но грязи так много — придется трудиться и трудиться теплым дождям...

Редко кому нравится ранняя весна. Так почему же я так жадно вдыхаю этот неповторимый запах талой воды и прогретых солнцем проталин? Почему я люблю этого «гадкого утенка», этого пахнувшего материнским лоном, сморщенного, в первородной смазке младенца, который может нравиться только матери?

Но вот «красотка» отмылась, оглянулась по сторонам, застыдилась своей наготы, надела пестрое радужное платье и стала поспешно причесываться, красить бровки, румянить щеки, подводить глазки... Посмотрите, как все «ахают» и «охают», глядя ей вслед, удивляясь изысканному наряду и легкой поступи!.. Теперь весна-красавица нравится всем, без исключения!

А я все чаще задумываюсь: ведь кто-то должен предвидеть красоту в ее зародыше, чувствовать красивое в некрасивом... Хоть один человек должен любить каждого «гадкого утенка», зная, что он не подведет! Любовь преобразит его, и с ним весь мир станет краше...

Что такое лошадь?

Табуны машин пасутся на свободных пятачках возле домов днем и ночью. Их дружное «ржание» по утрам будит стариков и маленьких детей. К полудню стада редеют, машины устремляются на «водопой» к ближайшим бензоколонкам, выстраиваются вереницей вдоль улиц и скверов.

— Бабушка, что такое лошадь? — спрашивает меня трехлетний внук.

Я с грустью смотрю в его чистые глаза и пытаюсь припомнить: когда же я в последний

раз видела лошадь? Вспомнила! На прошлой неделе по телевизору. Передача, кажется, называлась «В мире животных», и внук сидел рядом.

Да, городские дети сегодня скорее назовут марки машин, но не породы лошадей. Машины вытеснили этих красивых, благородных животных из нашей жизни, однако мощность моторов двигателей определяется и сейчас «лошадиными силами»!

Любопытно и то, что в наш машинно-космический век используется много слов, родившихся благодаря общению человека с лошадьми. Слово супружество произошло от слова упряжь, необузданный — от слова узда, уздечка. Эти слова понятны мне и моим ровесникам, но детям — новым жителям Земли — их уже нужно объяснять.

А вот история возникновения слов «завод» и «ремонт» были и для меня открытием. Кому придет в голову слово «завод» связать с лошадью? Но между прочим первоначально оно произошло от выражения «заводить лошадей»! Отсюда и конезаводы. И слово «ремонт» тоже «лошадиное»! В переводе с французского оно означает «пересесть на новую лошадь». В кавалерийских войсках были даже специальные люди — «ремонтеры», поставляющие новых лошадей.

Вряд ли кто-то сегодня будет вникать в историю происхождения слова «коньки». Их называли так очень давно: когда-то коньки были деревянными, с прикрепленной внизу металлической полоской, позже стали железными. Но и те и другие имели изогнутый, как шея лошади, передний конец. В петровские времена их спереди даже украшали лошадиными головками, ибо

мчали они своих владельцев так, что только ветер свистел в ушах!

— Что такое лошадь? — повторяю вслух вопрос внука и решаю, что пора повести его в зоопарк и познакомить хотя бы с пони. Пусть он погладит ее, покормит травкой. Когда мальчик подрастет, можно будет поехать с ним в Санкт-Петербург, чтобы внук увидел Клодтовских коней на Аничковом мосту, перекинутом через речку Фонтанку. Этим гордым диким коней, которых человек пытается укротить! А потом покажу ему «Медного всадника» Фальконе и конный памятник Петру скульптора Растрелли у Инженерного замка.

Думаю, что зайдем мы и к моему старому другу Владимиру Петровичу Тюкину и посмотрим его уникальную коллекцию конных монументов и всадников в фотографиях и открытках. Их у него более тысячи!

Уверена — лошадь будет жить на земле не только в памяти благодарных людей. Она будет всегда верно служить человеку. Ее живое сердце не заглушить никаким мотором! Помните, с какой болью пишет Сергей Есенин о жеребенке, который бежит за паровозом:

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

Нет, не победила! Сегодня мы уже не стремимся побеждать природу, пытаемся понять ее. К счастью, в деревне и сегодня без коня не обойтись. И в нескольких километрах от нашего города есть конезавод и школа верховой езды при нем! Мальчишки и девчонки ухаживают за ло-

шадьми, приручают их, осваивают сложную технику езды, участвуют в соревнованиях. И верю, кто-то из этих ребят хоть раз, хоть во сне, проскачет на «розовом коне» и сочинит свои первые стихи.

Три взгляда на один пейзаж

Судьба была милосердна ко мне в юности, подарив любовь, друзей и маленький городок на окраине Северной Руси. Незабываемые шестидесятые годы! Мы ходили друг к другу в гости на «телевизор» (не у всех он в ту пору был), на пельмени. Мы умели «петь и смеяться, как дети» даже тогда, когда было не до смеха в объятиях долгой полярной ночи, когда за порогом валил с ног злющий норд-ост!

Однажды, придя к друзьям, я увидела на стене небольшую акварель незнакомого мне художника. Называлась она «Стога». Скошенный летний луг, предзакатное вечеряющее небо, и на его подсвеченном фоне вырисовывались стога, вдаль угадывался лес. Невидимая магия красок притягивала взгляд, завораживала душу. Мое воображение озвучивало тишину, заселяло пространство осиротевшего луга кузнечиками, бабочками, птицами.

— Валентина (так звали мою подругу), — чуть не задохнувшись, вымолвила я, — ты же не представляешь, какое чудо ты приобрела. Посмотри, какой простор, как пахнет клевером и медуницей от этих стогов, послушай, как стрекочут кузнечики, поют птицы! Нет, ты лучше представь: двое — Он и Она — сбились с дороги, заблуди-

лись и заночевали в стогах. А над ними — луна, мерцают звезды, и в целом мире только Он и Она, только любовь, только лето!

Незаметно текут годы, мне уже тридцать пять, и мы переезжаем к новому месту службы мужа, поближе к родным пенатам. Вещи упакованы. Старшая дочь сидит зареванная: она не хочет уезжать с Севера. Младшая, ей скоро три года, хохочет и вырывается из рук. С возгласом «тетя Валя» малышка бежит навстречу подруге. Боже мой, в руках у нее моя любимая картина «Стога» — мне в подарок! Я тронута до глубины души, я увожу бесценный дар с собой.

В моей новой квартире на видном месте висит любимая картина. Но почему-то свет стал холоднее, облака — гуще. «Разве это июль? — спрашиваю себя. — Нет, скорее, сентябрь, дождливая осень в черно-белых красках». Приглядевшись, все же отмечаю, что небо голубоватое, а стога — розовато-коричневые, но откуда такая бездонная грусть?

Стоят стога, задумчивы и строги,
глазами лета смотрят на луга,
где травы вновь проклюнулись
как строки
осеннего прозрачного стиха.
Песнь журавлей над ширью
неоглядной —
ее слова я знаю наизусть.
Но с каждой новой осенью
понятней
высокой журавлиной песни грусть.

Время не стоит на месте: мне уже чуть-чуть за пятьдесят, картина «Стога» по-прежнему любима. Но мое воображение рисует новые образы, которые пугают меня. Стога — ведь это

братские могилы цветов на осенних просторах Земли. Как больно, как горько на душе, как явственно слышен запах полыни!.. Чем же я так восхищалась в юности? Стога — это кладбища воспоминаний о лете, о жизни под высоким звездным небом. Полоска света над лесом догорает — закат неминуем.

Но чем дольше я смотрю на картину, тем розовее становится всплеск света над лесом, напоминая утреннюю зарю.

Путешествие в пространстве и времени

Путевые заметки

Дом на колесах

Мы, группа писателей и ученых из Калининграда*, входим в автобус, занимаем свободные места. Нас приветливо встречают литовцы. Они ночью выехали из Клайпеды и утром прибыли в наш город, чтобы забрать нашу делегацию и ехать дальше, в Германию. Мы представляем Россию, они — Литву, но у нас один общий «дом на колесах». Староста-гид говорит по-литовски, потом, мило улыбаясь, переводит сказанное на русский язык.

Хозяева и гости знакомятся и быстро находят общие темы для разговора. Историки обсуждают интересные находки из прусских могильников на территории нашей области.

* В немецком городе Травемюнде в 1996 году проходил семинар, посвященный истории и культуре Восточной Пруссии. В нем принимали участие представители Литвы, Польши, России, Германии, Белоруссии.

Девушка Раса, театралка, исполнительница народных песен, спрашивает меня о новых спектаклях в Калининградском драматическом театре. Многие говорят по-русски. Я знаю несколько литовских слов: лаба диена — добрый день, аче — спасибо, и стараюсь пополнить словарный запас, слушая разговоры литовских друзей.

Профессор-языковед из Вильнюса вяжет свитер, тихо напевая литовские песни. Ее муж, известный писатель, помогает ей разматывать нитки. Все по-домашнему. Жена писателя поясняет, что его фамилия переводится на русский язык как «черт» или «дьявол».

— Вы не смотрите, что он такой тихий, — говорит она. — На самом деле он настоящий черт!

Писатель, немного смутившись, возражает:

— Дорогая, ты забыла, что есть еще третье толкование моей фамилии — «домовой»! Мне оно больше нравится.

— Как здорово, у нашего «дома на колесах» — свой домовый! — восклицаю я и добавляю: — Надеюсь, добрый?

«Антиквариат»

Мы подъезжаем к польской границе. Остановка. Проверка паспортов, сверка фотографии с личностью. От пристального взгляда в упор становится не по себе: вдруг скажут, что ты — это не ты!

В автобус входит представитель таможни:

— Валюта, наркотики? Антиквариат? — привычно спрашивает он.

— Мы сами — антиквариат! — отвечает за всех староста-гид. — У нас вообще нет вещей, — весело смеется она.

Ответная улыбка таможенника — пропуск через границу. И мы едем дальше, через всю Польшу.

О «черном ящике», и не только

В автобусе два водителя, один из них отдыхает. Место гида свободно, и я подсаживаюсь ближе к шоферу. В разговоре с ним узнаю интересную деталь: в машине есть «черный ящик», как в самолете. Он фиксирует всю информацию, происшествия, реплики, команды. Через шестнадцать часов пути автобусу, а значит, и нам, положен законный отдых.

Автобус сворачивает на лесную дорогу, и вскоре нашим глазам предстает белый старинный замок. Он окружен высокими деревьями, вершины которых скрываются в туманной дымке.

Входим внутрь: высокие потолки, картины на стенах, теплится камин. Над ним висят охотничьи ружья. На полу у дивана — медвежья шкура.

Нас накормили, расселили по комнатам. Я не знаю, в каких веках плутали мы во сне, но когда утром осматривали старинный замок, нам пришлось окунуться в пятнадцатый век!

Узкая, извилистая тропинка выводит нас к волшебному лесному озеру. Его окружают кряжистые деревья с облетевшей листвой. По тихой водной глади плывут желтые листья кленов. А может — это саги восточных пруссов плывут к нам, в наши дни.

Дерево скажет больше, чем ночь
с тихим дыханием сонных озер,
с шепотом в тишине*.

Нас зовет писатель из Вильнюса, наш «домовой», он хочет показать нам что-то необычное! Мы подходим к высокой изгороди и видим за ней хорошенькую белую козочку с черной полоской шерсти вокруг шеи. Она удивленно смотрит на нас — и мы, окончательно проснувшись, возвращаемся в наш тревожный, беспокойный двадцатый век. Я достаю блокнот, рисую замок, озеро, деревья, красавицу-козочку, продолжая путешествие в пространстве и времени.

Дороги Польши

«Дорога — ездая полоса, путь, стезя. Дороги бывают большие, малые, проселочные, столбовые, саженные... Дороги пластом, дороги локтями (зубцами, поворотами)...»

Из словаря Владимира Даля

Пересекая Польшу по нешироким, ухоженным, обсаженным деревьями дорогам, мы вспоминаем в пути все, что знаем об этой стране. Говорим о фольварках и панночках, о Варшаве и Мазурских озерах, о композиторах и поэтах. Вспоминаем стихи Пастернака:

Так некогда Шопен вложил живое чудо
фольварков, парков, рощ, могил в свои этюды...

Дорога вдруг делает крутой вираж, и наш автобус дважды разворачивается и, не успев затормозить, снова устремляется вперед! Таких

* Строка из стихотворения немецкого поэта Иоханнеса Бобровского.

поворотов, непредсказуемых зигзагов много на нашем пути: то идут дорожные работы, то не успели убрать поваленное ураганом дерево — никаких окольных объездов! И мы благодарны строптивому нраву дорог «локтями», ибо неумолимо и быстро сокращается расстояние до конечного пункта.

О чем я думаю, сидя в мягком кресле и взирая на мелькающие за окном автобуса осенние пейзажи? Сквозь дымку времени так отчетливо проступает передо мной лицо юной Марии Валевской. О, как ярко описал ее портрет польский писатель Мариан Брандыс: «Она казалась ребенком, блондинка с большими глазами, наивными, полными благоговения. Ее нежная кожа, розовая... напоминала чайную розу. Алеет от смущения. Чудесно сложенная, гибкая и округлая, она — само обаяние. Одета просто. На голове — ажурная шляпа с черной вуалью»... Такой увидел Марию Наполеон первого января 1807 года, возвращаясь из Пултуска в Варшаву. Он заметил ее в толпе встречающих, выделил из всех, снял шляпу и поклонился. Затем подарил букет цветов и пригласил прекрасную польку на карнавал в Варшаву.

Ей было в ту пору двадцать два года. О, сколько хлопот доставила Наполеону «польская супруга» своей строптивостью, нежностью, неистовой смелостью и — паническим страхом! Она жаждет его объятий и отвергает дорогой подарок — бриллиантовую брошь! Нет, Мария Валевская желает другого дара: «Сир, возвратите мне мою Родину, тогда я буду спокойна и свободна от заслуженного презрения».

В ответ на ее слова император восклицает:

«Я считаю этот народ пылким и легкомысленным. Считаю, что поляки делают все, повинаясь фантазии, а не рассудку... Не ваш ли это портрет, прекрасная полька?»

Наш автобус свернул влево, потом развернулся и вновь покатил по шоссе. Мои мысли вернулись к дороге: у нее тоже был свой нрав, который очень напоминал мне характер пани Валеvской, провинциалки из-под Ловича, одной из многих польских красавиц.

Наполеон помнил ее всю жизнь! За несколько недель до смерти, диктуя свои воспоминания, он опять увидел тот бал, на котором танцевал с юной Марией, и произнес: «Мари, сладостная моя Мари! Первое мое желание — увидеть Вас снова...»

Я люблю чувство неутоленной жажды: когда мечтаешь о новой встрече, не успев проститься, когда хочется перечитать страницы любимой книги, еще не дочитав ее до конца... Услышать, увидеть, воссоздать еще раз то, что тронуло душу!

А польские дороги мне тоже хочется повторить, едва приехав домой. Хочу увидеть их снова! Они навсегда останутся в моей памяти. Кто знает, какими увижу их в следующий раз?

Окна Травемюнде

Чистый ухоженный немецкий городок Травемюнде. Много зелени, много цветов. Цветы на крошечных грядках у калитки, на балкончиках, иногда просто в горшках, подвешенных на солнечной стороне дома. Большинство домов — одноэтажные, с мансардой или летней комнатой наверху, под высокой крышей.

Дом — это не только стены, не только надежное укрытие от непогоды. Он оплот, крепость семьи, живущей в нем своим укладом, своими праздниками и буднями. Типичный немец всю душу вкладывает в обустройство дома, он — образцовый семьянин. По характеру строг и несколько замкнут, в отличие от славянской душевной распахнутости миру. Но каждый народ находит свой способ приоткрыть душу ближнему. «Глаза — зеркало души», — сказал один русский писатель. «Окна — зеркало дома», — говорю я, побывав в Травемюнде.

Мой взгляд не мог оторваться от чисто вымытых стекол сказочных окошек: за каждым из них был свой особый мир. Подхожу ближе, всматриваюсь... На подоконнике среди живых цветов в искусно сделанном гнездышке сидит «утка-кряква» и смотрит прямо на меня своим стеклянным зеленым глазом. Рядом — куколка-голыш с соской.

— Что это значит, что за выставка, — недоумеваю я.

Моя подруга, русская немка, объясняет:

— Кряква высиживает птенцов, а у молодой хозяйки есть малыш, и она хочет поделиться своей радостью со всем миром.

— Значит, и с нами, туристами из далекой России, — замечаю я.

За стеклом другого окна стоит ручная швейная машинка известной марки «Зингер», напротив — прислонился утюжок.

— Что это за антиквариат? Или не нашлось свободного уголка в доме? — обращаюсь с вопросом к своей спутнице.

Она смеется:

— Здесь живет портниха, и ты можешь сделать заказ.

Вот так просто, не заходя в дом, можно узнать о любимой профессии хозяйки дома.

В следующем окне — среди сухих веток одинокий, заблудившийся в этом мире олененок с большими грустными глазами... Крупные глиняные, фарфоровые игрушки нравятся немцам, они как бы приближают «братьев меньших» к себе.

Меня увлекает эта игра: хочется решать эти странные уравнения с неизвестными, они будят мысль и воображение, и я уже самостоятельно пытаюсь понять причину грусти олененка... Возможно, хозяин дома — одинок и таким способом передал состояние своей души? А может — это реклама хрупкости и незащищенности всего живого?

Мелькают перед глазами дома, большие и маленькие окошечки, окошки сказочного городка Травемюнде, как кадры немого кино. И мы, озвучивая их на своем родном языке, прикасаемся к душе немецкого дома, к культуре города, а может, и народа, который знаем больше по книгам, кинофильмам... Но не зря русская пословица говорит: «Лучше один раз увидеть...»

В гостях у Эола

Травемюнде — небольшой приморский городок, очень похожий на наш Зеленоградск. Все его улочки и тропинки рано или поздно приводят к морю и сливаются в одну главную улицу, имя которой — Набережная. Корабли — боль-

шие и малые, яхты и парусники — отдыхают у причалов, готовятся к новым походам. Стайка мальчишек в тельняшках и шортах (будущие капитаны!) о чем-то говорят по-немецки, спорят, показывая на парусник, показавшийся вдали. Девушка ищет монетку и бросает ее в набежавшую волну...

Мы с подругой идем вдоль Набережной, которая незаметно переходит в песчаные пляжи, и тихий шелест деревьев заглушает шум прибоя. Он сегодня ласковый, негромкий: погода почти безветренная. Но вот мы подходим к высоким металлическим флагштокам на берегу — и шум моря становится сильнее, как будто к уху приставили морскую раковину!

— В чем дело, почему шум прибоя усилился? — спрашиваю подругу.

— Это — секрет! Не все о нем знают, — лукаво говорит она и предлагает мне побывать в гостях у Э о л а!

Я читала о том, как царь Эол окружил свой остров медными стенами и высокими скалами, спрятав за ними все ветры. Это у него на острове нашел приют Одиссей во время своих странствий. Эол подарил Одиссею мех, который хранил все злые ветры, кроме попутного! Мех был крепко завязан, но спутники Одиссея, нарушив строгий запрет царя, уже совсем близко от Итаки развязали мех и выпустили злые ветры, которые сбили корабль с пути и снова пригнали его к Эолу. Разгневанный повелитель ветров не принял Одиссея... В мифах Древней Греции, в сказаниях Гомера, в стихах Пушкина и Лермонтова встречаем мы имя Эола, но еще чаще поэты воспевают прекрас-

ную Эолову арфу, дарующую вдохновение... Оказывается, высокие металлические флагштоки на берегу моря как раз и выполняли роль Эоловой арфы! Полые внутри, с узкой продольной щелью, доступной ветрам, они создавали резонанс воздуха, усиливая шум ветра и морского прибоя.

Мы с подругой смотрели на разноцветные, трепещущие флаги и наслаждались пением моря!

«Какое же это счастье, — думала я, — слышать не разрывы снарядов, не свист пуль, а нежный убаюкивающий голос моря на солнечном пляже немецкого города через пятьдесят лет после войны». Воспоминания о ней все еще жили во мне, хотя и было мне в те годы всего-то семь лет.

И как же больно думать, что вдруг кому-то опять захочется нарушить «строгий запрет» — развязать мех и выпустить на свободу страшные ураганные ветры, чтобы никто не услышал Эолову арфу Травемюнде.

Такого и врагу не пожелаешь

В 1995 году с группой врачей мне довелось побывать в Будапеште. Я помнила, что Венгрия — родина Шандора Петефи и композитора Ференца Листа, узнала, что в Венгрии жил и творил прекрасный скульптор Жигмонд Штробль, автор монумента, воздвигнутого в честь освобождения Венгрии от немецко-фашистских захватчиков в 1947 году.

Будапешт — одна из красивейших столиц мира. Голубой Дунай, воспетый Штраусом, раз-

деляет его на Буду и Пешт, соединенные ажурными мостами. Величественное здание венгерского парламента — с красивыми куполами, многочисленными башенками и тонкими шпилями — отражается в прозрачных водах Дуная.

Но особенно красив вечерний Будапешт с горы Геллерт, где стоит вышеназванный монумент. Бронзовая фигура Девы Свободы словно парит в воздухе, в руке у нее пальмовая ветвь — символ мира!

Подойдя ближе, мы поняли — нет мира под ее сенью. Еще недавно на выступе постамента стояла бронзовая фигура русского воина, отдавшего жизнь за свободу Будапешта. Теперь о ней напоминали только зеленоватые следы от бронзовой гимнастерки — скульптура была свергнута «новыми венграми» в 1994 году. Это сделали дети и внуки тех, кто сражался против фашизма вместе с русскими солдатами.

У Девы Свободы — лицо венгерской крестьянки, позировавшей скульптору. Лицо солдата помнят только деревья, шумящие вокруг, и те туристы, что бывали здесь раньше.

На камне след от бронзовых одежд —
такого и врагу не пожелаешь!

Ты никогда, солдат, об этом не узнаешь,
что дважды был убит за Будапешт...

Слово о Кижях

Заонежье... Край безбрежных лесов, голубых озер, белых ночей! Медленно движется теплоход «Алтай» вдоль зеленого острова К и ж и.

Неожиданно из-за поворота появились силуэты храмов, каждый — чудо русского деревянного зодчества! Вот показалась двадцатидвуглавая Преображенская церковь, за ней — девятиглавая Покровская и колокольня.

Приближаясь к нам, церкви Кижского погоста то выстраиваются в одну линию, то, сливаясь вместе, образуют неповторимый архитектурный ансамбль. Но вот изменился угол зрения, и колоколенка отбежала в сторону! В следующий момент корабль круто повернул влево, и колокольня прижалась к Преображенской церкви, как дочь к матери.

Эта загадка не разгадана до сих пор. На первый взгляд живописный, но асимметричный Кижский ансамбль возник как бы случайно. Но в действительности удивительный эффект достигается благодаря глубоким знаниям законов архитектуры и таланту русских мастеров.

Церкви построены без единого гвоздя, купола покрыты осиновым лемехом. Двадцать две деревни было в Кижском погосте, и решила артель-ватага: «В 22 топора — рубить, в 22 головы — думать. А мастер Нестор — нам всей дружине имя!»

Зайдешь внутрь, и кажется, «купола гудут» и не церковь это, а застывшая песня русских лесов, крылатая птица, цветок Надежды, и все вместе — Р о с с и я! Из легенды известно, что, закончив работу, мастер забросил топор свой в Онего и произнес: «Церковь эту построил мастер Нестор. Не было, нет и не будет такой».

С высоты птичьего полета

Самолет летел в Санкт-Петербург. Погода была ясная, и с высоты одиннадцати тысяч метров хорошо было видно Балтийское море. Оно представало взору спокойным, синим, величественным! В иллюминатор был хорошо виден берег, и я вдруг разглядела тонкую темную точку реки, устье которой впадало в море. Присмотревшись, я удивилась: море, разделившись на два протока, на два рукава, будто руками, бережно и нежно обнимало по-девически тонкую, стройную речку, пришедшую к нему на свидание!

Я представила на миг, сколько же километров прошла она по лугам и болотам, по лесам и перелескам, огибая корни деревьев, обходя каменные завалы, меняя направления, но не меняя путь к нему, к Синему.

И вот она — награда за все муки, за любовь, за верность!

Мне вдруг стало стыдно, что я невольно подсмотрела эту долгожданную встречу влюбленных.

«Большое видится на расстоянии.....»

Село Константиново

Раннее утро. Шоссе Москва — Рязань еще пустынно. Мелькают на указателях названия старинных русских городов: Люберцы, Бронницы, Коломна. Солнце поднимается все выше. Жмутся к дороге небольшие деревеньки с бревенчатыми домами, с ласковым названием — Дворики.

Открываются ставни, распахиваются калитки, звенят ведра у колодцев, выходящих прямо к дороге. Они приглашают остановиться (что мы и делаем), просят отведать холодной ключевой водицы из берестяного ковшика, посидеть на скамейке под узорчатым навесом.

До глубины души трогает такая естественная, незаметная забота о ближнем! Не этой ли дорогой ехал шестнадцатилетний Сергей Есенин в Москву с тетрадками стихов, завязанных в деревенский платок?

О пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть.

На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь.

Сворачиваем на проселочную дорогу: необозримые поля, перелески, березовые рощи. Въезжаем в красивое большое село Кузьминское с белой церквушкой на взгорке. Из него берет начало Константиново. В саду бывшей помещицы Лидии Кашиной сохранился ее дом, вокруг море одуванчиков, зацветают яблони, вишни. Село стоит на высоком берегу Оки, вдаль виднеются Мещерские леса. А через дорогу, наискосок — «старый дом с голубыми ставнями».

На стоянке у продмага — вереница машин и автобусов, несмотря на ранний час. И так каждый день: идут, едут, плывут на теплоходах люди к Есенину — из разных городов России, из разных стран. Подобно Михайловскому и Ясной Поляне, село Константиново — одна из духовных столиц нашей Родины.

Я шла к Поэту почти всю сознательную жизнь, с Дальнего Востока, через Заполярье на запад, через всю Россию, чтобы душой прикоснуться к этим местам и увезти с собой слово песенное: «Несказанное, синее, нежное...»

«Низкий дом с голубыми ставнями...»

Деревянные дома в три окна, глядевшие на улицу, похожи друг на друга.

— Где же дом Есенина, где голубые ставни? — спросила я у местного жителя.

— Да вот же он, по другую сторону улицы, — указал парень на ближайший дом.

Мы подошли ближе: «Здесь родился и жил поэт Сергей Есенин», — гласила надпись на мемориальной доске. Голубая краска на наличниках окон за зиму выцвела, потрескалась и стала серо-белой. Зато рядом с домом во всей красе цвела яблоня, посаженная еще когда-то отцом поэта.

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном...

Калитка настежь! Крыльцо, дверь в сени. В углу стоит коса, висят коромысло и серп. У стены — деревянный сундучок, в котором Сергей хранил книги любимых писателей: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова. В горнице — дубовый стол. Постукивают стенные часы, висят семейные фотографии, похвальный лист, которым Сергей был награжден в 1909 году по окончании Константиновской начальной школы. Спаленка матери. В кухне стоит широкая русская печь, на столе — семейный самовар... Все выглядит так, как при жизни поэта.

Из калитки, вслед за нами, на улицу выпорхнула группа школьников. Не о них ли писал Сергей Есенин:

Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев...

Мы идем к машине, и я еще раз оглядываюсь на дом, который дал миру Поэта. Он ничем не отличался от рядом стоящих домов и был похож на избы белорусских деревень, на дом моих родителей, где я впервые раскрыла томик стихов Сергея Есенина.

Счастья никогда не бывает много

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь...

Эти есенинские строки я давно знаю наизусть и не перестаю удивляться: сколько нежности и любви в каждом слове, какая чистота чувств!

Стихи посвящены Августе Миклашевской, актрисе Камерного театра, с которой поэт познакомился в 1923 году. Ни жена, ни любовница — л ю б и м а я! Друг, соломинка, обещавшая удерживать его на краю бездны.

Я б навеки пошел за тобой.
Хоть в свои, хоть в чужие дали,

признавался Сергей Есенин любимой.

Августу называли «женщиной-Осень»... Красивая, строгая — перед ней робел сам Вертинский! Маяковский приходил в театр, чтобы только еще раз поглядеть на красавицу. Ее спектакли посещали Федор Шаляпин и Мейерхольд, она дружила с Качаловым, но сердце тянулось к Есенину... «Я буду писать вам стихи», — сказал, улыбаясь, Сергей.

Они объявили о помолвке! Но, может быть, Августа подумала чуть дольше, чем надо было. А может, Есенин не проявил свойственной ему решительности, боясь взять на себя ответственность за эту хрупкую прекрасную женщину и дитя (у нее был сын).

Они так и не скрепили печатью свой союз на Земле, зная, что браки совершаются на небесах. Она подарила Поэту вдохновение, подарила счастье, хотя и недолгое.

Он оставил стихи, цикл стихов и книгу «Москва кабацкая» с надписью: «Милой Августе Миклашевской со всеми нежными чувствами, которые выражены в этой книге. С. Есенин. 23.03.25 г., Москва».

Счастья никогда не бывает много: счастье отмеряет судьба чаще всего не годами, а днями и даже часами...

Но эти дни и часы озаряют порой всю жизнь!

На Есенинском бульваре

Бывая в Москве, я навещаю старых друзей, заглядываю в музеи и театры, а с некоторых пор стараюсь побывать на Есенинском бульваре. Памятник Сергею Есенину, шагающему по аллее среди рябин и берез, открыт в Москве в 1972 году. Стоит он у пересечения бульвара, носящего имя поэта, с огромной магистралью Волгоградского проспекта. Не случайно забрел сюда юный паренек, приехавший из Рязани:

Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах...

Думал ли Сергей, любивший Пушкина и писавший когда-то о «могучем даре того, кто русской стал судьбой», что сам окажется «сподобленным такой судьбе».

Силуэт бронзовой фигуры Есенина (скульптор Владимир Цигель) — романтичен, крылат. Низкий пьедестал приближает его к нам: поэт идет, любуясь Москвой. Голова его чуть наклонена, как у Пушкина на любимом опекушинском

монументе. Задумчивый взгляд, нежные, юные черты лица. О чем он думает, а может, в порыве вдохновения сочиняет?

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом...

Я присела на скамью рядом с молодой мамой и малышом, делающим первые шаги по солнечной дорожке, убегающей вдаль... И показалось мне, что слышу, как звонко скачет в белых кварталах Кузьминок крылатый Пегас, розовый конь русской поэзии!

Прописан после смерти

Сергея Есенина все время тяготила семейная неустроенность, отсутствие своего угла. Жил он то в гостинице (с женой и сыном), то у друзей и приятелей (с сестрами!). Поэт так и не заимел своего жилья до конца жизни. Последним его пристанищем стал номер в гостинице «Англетер», позже переименованной в «Асторию». Проездом через Ленинград в 1975 году мы остановились на сутки в «Астории», но есенинский номер был закрыт.

А спустя несколько лет гостиницу «Англетер» и вовсе разрушили и перестроили по западному образцу, несмотря на протесты ленинградцев, круглосуточно дежуривших у здания.

К счастью, не разрушен духовный Дом поэта Сергея Есенина и далеко виден свет его окон! Одно из них — в доме офицера запаса Валентина Синельникова в Липецке. Он пропи-

сал поэта в своей однокомнатной квартире и открыл в ней музей в 1976 году. За эти годы его посетили сотни тысяч людей из всех городов России, туристы из Франции, Германии, Америки...

Недавно я получила письмо от Валентина Ивановича: ему наконец выделили для музея трехкомнатную квартиру. В музее нет выходных дней, вход — бесплатный. В Липецке в 1993 году прошли Есенинские чтения...

Я узнала, что Сергей Есенин прописан в квартире россиянки из города Вязьмы, в школьных музеях Смоленской области и поселка Росляково Мурманской области, в Челябинске и Ташкенте... во Владивостоке на корабле Тихоокеанского флота «Сергей Есенин». И это далеко не полный перечень адресов постоянной прописки поэта. Как будто предвидя сегодняшний день, писал он когда-то с тихой грустью: «Устав таскаться по чужим пределам, вернулся я в родимый дом...»

Прописали Сергея Есенина в 1995 году и в столице: в Большом Строченовском переулке, 24. Теперь в Замоскворечье есть Дом Есенина, он ждет друзей!

*«До свиданья, друг мой,
до свиданья...»*

Человек родился, и все радуются первому его крику... «Родился я с песнями в травном одеяле», — констатирует Сергей Есенин факт своего рождения, и с этого часа влюблен поэт в поля и березки, в синий май! Его окно распахнуто

в сад, ему снятся «скирды солнца в далях лонных». Поэт удивляется, что «Где-то плачет иволга» и восклицает: «Только мне не плачется, на душе светло...»

Но незаметно подкрадывается грусть, печаль, усталость от жизни, появляются мысли о смерти: «Я пришел на эту землю, чтоб скорей ее покинуть». Смертная тоска все сильнее сжимает сердце поэта, он чувствует возраст осени, понимает, что молодость не вернется. Он знает, что дни его жизни сочтены: «Отговорила роща золотая березовым веселым языком». Но душа еще жива, и поэт признается нам, что он не зря жил на земле и был счастлив!

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве.
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Когда человек собирается «в ту страну, где тишь и благодать», он тихим стоном, последним криком прощается с жизнью. Последние предсмертные стихи Сергей Есенин пишет кровью (в гостинице «Англетер» не оказалось чернил!), но он не говорит жизни «прощай», а пишет: «До свиданья, друг мой, до свиданья...»

Великий провидец, Есенин знал, что возвратится в родимый дом, что весь мир станет его домом! Стихи поэта переведены на все языки мира, побывали в космосе, сумели «бронзой прозвенеть»!

Сбылось все: стоит памятник Есенину на Тверском бульваре, совсем недалеко от Пушкина, его книги любимы, и спешит к нему на свидание золотоволосый мальчик, чтобы прочитать свои первые стихи в его честь!

«Запиши словечко...»*

Лед и пламень

Несколько лет назад, гуляя с внучкой в городском парке, я случайно услышала одну фразу: «Зазноба ты моя», — говорил молодой мужчина сидящей рядом женщине. Я ускорила шаг, а вслед, чуть потише, снова послышалось: «Зазнобушка ты моя...»

Это забытое слово вошло в меня, я «заболела» им! Рылась в словарях, отыскивая все новые значения его, удивлялась, перечитывая: зазнобить, ознобить — заморозить, долго стоять на стуже, сильно продрогнуть. Мне нужно было докопаться до сути!

«Озноб — дрожь от холода, лихорадка. Зазноба, зазнобушка — влечение, любовь, возлюбленная!» «Что же общего между холодом и любовью?» — спрашиваю себя и наконец нахожу связующее звено: дрожь, лихорадка... Любить до дрожи, до боли, неистово, самозабвенно — вот в чем причина их родства!

* Последняя, предсмертная просьба Владимира Даля к дочери: «Запиши словечко...»

Как же отраднo мне было услышать это старое горячее слово из уст молодого человека, который так искренно, по-старинному, выражал любовь к своей спутнице.

Ну какая из женщин не захотела бы услышать от любимого это нежное, щемящее до боли: «Зазнобушка моя»...

Любое слово много значит

Не могу объяснить, почему пришлось мне по душе слово «притулиться». Знаю, что у него много синонимов: прислониться, прижаться, дать приют, пристанище... Но притулиться — лучше, роднее, теплее!

Так и вижу, как играющее малое дитя подбегает к матери, чтобы притулиться к ее руке, к подолу и бежит опять в песочницу.

А вот другая картинка: жена, устав за день, накормив семью, уложив спать детей — притулилась к сильному, теплoму плечу мужа (как за каменной стеной!).

Вспомните, сколько раз видели и вы тоже, как хочется притулиться немощной, старой женщине к сыну, к дочери, к невестке, к правнуку...

Исполните ее желание, не опоздайте! Любое слово много значит, но не в любом — душа болит.

Колесом дорога!

Шли мы однажды с другом по городу. Красные клены тихо роняли свою листву. По небу

плыли редкие белые облака. Вдруг прямо над головой мы услышали голоса птиц: «Кур-лы, кур-лы, кур-лы!»

Над нами стройным клином летели журавли. Я несколько раз видела летящих к югу птиц, но их голоса слышала впервые. Сколько же грусти, невыразимой тоски в журавлиной песне. Невольно вспомнились полузабытые строки: «Перестаньте рыдать надо мной, журавли...»

Друг снял кепку и стал махать им вслед, приговаривая:

— Колесом дорога, колесом дорога, колесом дорога! — Он радостно улыбнулся мне и пообещал: — Теперь они обязательно вернуться к нам!

От печали не осталось и следа.

— Запомни, заговор нужно повторить три раза, — добавил друг, улыбаясь.

Через много лет вспомнила я этот «заговор» и улетающих журавлей. Бойцов ОМОНа нашего города провожали в командировку, в «горячую точку». Жены обнимали мужей, дети жались к отцам, матери ожидали своей очереди... А я стояла в сторонке и повторяла шепотом:

— Колесом дорога, колесом дорога, колесом дорога! Вернитесь живыми, ребята!

Долгий путь домой

Длинная, длинная дорога домой — от большого шумного города до тихого районного городка. По ней я каждый год еду к родителям. Еду в дом, где прошло мое детство, где началась юность.

Впервые по этому шоссе я ехала поступать в институт. Сколько же раз за время учебы ездила по нему! Хоть на денек, но домой — в дни каникул и праздников и когда кончались продукты... И всегда дорога казалась мне бесконечно длинной. К тому же каждый год ее ремонтировали: то один, то другой участок, и значит, были объезды по окрестным деревням и проселочным дорогам.

Старенький рейсовый автобус, преодолевая все препятствия, вез меня к дому. Вспомнилась грустная песенка тех лет: «А дорога длиною лентою вьется, залито дождем смотровое стекло...» Сегодня тоже моросит мелкий дождь, и шофер, о чем-то думая, внимательно смотрит вперед. А я оглядываюсь назад, в прошлое.

После окончания института, куда бы судьба ни забросила меня, все равно во время отпуска, раз в году, я обязательно приезжала в отчий дом. Привозила детей на побывку, радуясь встрече с родителями.

В который же раз сегодня я еду в свой город детства? Еду продавать дом. Папа умер год назад, мама старенькая, ее нужно забирать к себе — это уже решено. А корни мои останутся здесь, в этой дороге и в этом мелькающем за окном пейзаже. Он мало изменился, но тоже словно состарился: кряжистые серые морщинистые березы, статные могучие дубы и везде — молодая поросль. Тонконогие рябинки, стройные тополя, веселые зеленокобые березки... Прижились вдоль дороги и плодовые деревья: яблони, сливы. Плотной стеной встал густой низкий ельник — он защищает дорогу от снежных заносов зимой.

Изредка явится взору извилистая, в две колеи, проселочная дорога и пропадет где-то в дальней деревушке у леса. Все чаще растекаются в обе стороны от шоссе черные асфальтовые «реки». Они не вписываются в сельский пейзаж, но так необходимы современной деревне с ее машинами и мотоциклами...

Мелькнула золотистая полоска ржи, и снова потянулись леса. На обочине дороги лежит велосипед, рядом — ведро с черникой, корзина с грибами... Как это все знакомо, как сладко пахнет детством! Июль в разгаре, на маленьком лесном кладбище уже краснеют первые гроздья рябин.

Автобус мчится дальше по накатанному шоссе, все ближе к дому, который стоит у истока этой дороги. «Старый дом за углом — не могу на него наглядеться. Помнит он о былом, о далеком курносом детстве». Эту забытую нынче песенку мы пели в семидесятые годы. Я еду искать покупателя на дом, а на языке вертятся глаголы: продать, предать, передать, отдать... Как можно продать то, что бесценно? Как можно предать детство, юность, эту дорогу? Лучше бы пе-ре-дать, но кому? Никого не осталось. И эта дорога — она как пуповина, в ней живые пульсирующие сосуды прошлых лет, вчерашних радостей и печалей! И вот их нужно пересечь, перерезать, перевязать... Останется только память да старые пожелтевшие фотографии, где мы все молодые, рядом с домом!

Дорога свернула вправо и утонула в море созревающей пшеницы. По краям дороги вспыхнуло розовое пламя иван-чая и так же внезапно потухло в облаке дорожной пыли от промчав-

шихся «жигулей». В открытое окно автобуса ворвался аромат свежескошенных трав, потянулись огороды, дачи, двухэтажные особняки... Их стали строить в конце девяностых годов первые бизнесмены-богачи, те, кто быстро сумел «перестроиться» на новый лад. Из приемника соседа звучит новый шлягер: «А девочки холеные нуждаются в деньгах!» Все течет, все меняется: пейзаж, уклад жизни, песни...

Я подъезжаю к городку, где все еще стоит отчий дом, который нужно продать или просто заколотить окна и оставить на произвол судьбы.

Как быстро сегодня промелькнула дорога — ни одного объезда! В верхнем дорожном зеркальце вижу серьезное, сосредоточенное лицо шофера. Он тоже думает о чем-то своем, и мы связаны с ним одной дорогой в этом странном меняющемся мире.

Последние дни лета на Куршской косе

Радуга над морем

В городе светило ясное тихое солнце: шли последние дни августа. Мы с мужем собирались на турбазу в Лесное, слушая утреннюю сводку погоды по местному радио. Во второй половине дня обещали грозу, но в это не верилось! Через пару часов мы уже были на косе, устраивались в уютном домике на берегу залива, наслаждаясь тишиной и покоем, отсутствием радио и телевизора. Тянуло на воздух, к воде. Двоились в зеркале залива тростники, кричали утки. Серые вороны, проявляя любопытство к нашему разговору, подходили совсем близко.

— Кар-р, кар-р, — они о чем-то нас предупреждали, а мы не понимали, смеялись и дразнили их.

Ветер с моря налетел внезапно: затрепетали листочки осин, зашумели кроны высоких сосен, послышались раскаты грома. Следующий шквал ветра завершился проливным дождем. Мы еле успели добежать до жилья. Полыхнули

молнии. Мы стояли на крыльце домика, было страшно.

— За что же это наказание Господне? — спрашивала я у небес, глядя на темные, грозовые облака.

Грохотал гром, вновь и вновь рассекая тучи, вспыхивали ветки молний. Казалось, опрокинулось небо, соединив завесой дождя море и залив над узкой полоской суши, посмевавшей восстать, возвыситься над водой! Все живое трепетало от страха...

Гроза закончилась так же нечаянно, как и началась, но ветер утих не сразу. Он еще долго отряхивал мокрые кусты и ветки деревьев. Из-за туч выкатилось умытое, теплое солнце. Над косой вспыхнула радуга, вобрав в себя синь небес, бирюзу моря, золото песков, зелень трав и все оттенки наших чувств.

— Бог миловал нас, — прошептала я.

— Это последние дни лета, — сказал муж и добавил: — Нашего лета!

На веревке для белья, протянутой между деревьями, висели капли дождя, напоминая о грозе.

Поединок

Мне не терпелось увидеть море (я без него жить не могу!), но выбралась к Синему только утром. Муж должен был подойти позже.

Гроза прошла, а шторм не утихал вторые сутки. Гривастые разъяренные волны высотой с наш домик с грохотом и воем обрушивались на берег, сметая все на своем пути! Они мчались одна за другой, чтобы схлестнуться в поединке с призраком!

Во все глаза смотрела я на сражение тьмы и света, любви и ненависти, добра и зла... Я с восторгом и упоением слушала музыку боя! Звучал орган: исполнялись токкаты и фуги, незнакомые мне напевы, слышались звуки фанфар...

Вдруг невдалеке я услышала всем известную арию из оперы «Садко»:

— О скалы грозные дробятся с воем волны!..

Узнала исполнителя: это пел мой муж. Он шел со стороны дюн, и по мере приближения его голос звучал все громче и громче.

— Ну за что ты можешь любить это лохматое морское чудовище? — спросил он, подойдя ко мне.

— А разве объяснишь любовь? — ответила я. — Вспомни, каким ласковым и нежным оно было в прошлом году!

Эхо

Приметы осени были все заметней: горели на ветру кисти рябин, склоны дюн укрывали первые желтые листья берез, а муж тянул меня в лес за грибами. Он без усталости прочесывал молодые осинники и низкие перелески и вскоре нашел под елкой два статных моховика.

А я ничего не искала, наслаждалась красотой увядающей природы и теплым днем. Легкие паутинки пытались привязать меня к веткам ежевики с черными спелыми плодами, которые таяли во рту. Но я шла дальше, блуждая в зарослях горной сосны и любуясь кустом барбариса с алыми капельками ягод, стекающими в серое, перламутровое, блестящее от

росы блюдец сыроежки. Я позвала мужа, и он без лишних слов срезал под корень лесную красавицу.

Придя на турбазу, мы сварили суп из трех грибов, добавив в него луковицу, картофель и два кубика приправы «Галина Бланка».

Так вкусно запахло грибами, осенним лесом, и комната превратилась в поляну. Грибной дух с детства жил в моей памяти. Я мысленно прокричала: «Ау-у-у, ау-у-у!»

И вдруг в ответ услышала эхо:

— Ау-у-у...

Грибы сошли, но крепко пахнет

В оврагах сыростью грибной ...

Вечность откликнулась мне бунинской строкой.

Лунная дорожка

Я долго не могла уснуть: в щель между шторами пробивался нежный золотистый свет. Было полнолуние. Отодвинув штору, я увидела круглую, желтую, подобную спелой дыне — луну! Я даже ощутила медовый аромат ее.

Наскоро набросив халат, вышла к заливу. Луна висела так низко, что хотелось протянуть руку к ней: она завораживала взгляд, мучила разум...

На глади залива светилась, блестела и переливалась полоса света — лунная дорожка. По ней хотелось пройти, пробежать и — будь что будет! С этим тайным желанием вернулась я в комнату и наконец уснула. Во сне моя мечта исполнилась: я оторвалась от земли и, ощутив невесомость, свободно, с необыкновенной легкостью пошла по водной глади!

Только золотой лунный шар откатывался от меня все дальше и дальше...

Ломирование

Если бы у меня спросили: «Что тебе не понравилось на Куршской косе?», я бы, не задумываясь, ответила: «Ловушки для птиц!» Умом я понимала и важность цели (фиксация пути миграции птиц!), и гуманность действия (кольцуют и отпускают...), и безапелляционность оппонента (наука требует жертв!) — и «все же, все же, все же».

Сети почти прозрачны, но когда попадаешь внутрь — «небо в клеточку!» В ловушке оказалось до десятка чижиков. Они беспокойно суетились, бились крылышками о сетку, перелетали с места на место, громко чирикали — зывали о помощи!

Молодой ученый-орнитолог (тюремщик!), влюбленный в птиц, отвлекал наше внимание от временных птичьих бед и напевал знакомую детскую песенку:

Чижик-пыжик, где ты был?
На Фонтанке водку пил...

Он напомнил нам, что чижик — самая знаменитая в России птичка-невеличка, которой за веселый нрав установлен памятник в Санкт-Петербурге!

А я на миг вернулась в свое детство и увидела любимого «чижика» — обструганную ножиком деревяшку с заостренными концами. Положив на камешек, мы били по нему палкой (за что?). Побеждал тот, чей чижик взлетал выше и отлетал дальше. Победителей не судят!

Орнитолог тем временем взвесил пичугу, надел тоненькое колечко на лапку, записал в журнал дату и вес чижики, номер кольца... Посмотрел в мои грустные глаза, подошел к раскрытому окну и протянул мне птичку. Я взяла в ладошку теплый пушистый комочек и почувствовала, как бьется ее сердечко (мое билось еще сильнее!). Я разжала пальцы и, чуть подбросив чижику вверх, выпустила его на волю — помиловала, подарила небо...

Позднее утро

Мне очень хотелось подсмотреть, как всходит солнце, но я безбожно опоздала. Гладь залива уже вспыхивала, искрилась сотнями солнечных бликов, которые ближе к горизонту сливались в одну светящуюся полосу.

Птицы встали раньше меня. Недалеко от берега, выгнув белые шеи и распушив крылья, плыли два лебедя. Пролетела говорливая стайка чаек... Из тростника показались утки, их семь. Счастливое семейство! Утки то вставали на голову, показывая лапки, то утюжили залив, двигаясь взад-вперед (скоро улетать!). Легкие волны набегали на берег, оставляя водоросли и камешки, и снова откатывались назад. Солнце поднималось все выше! Мимо проплыла лодка: рыбаки возвращались с утреннего лова.

Всплески весел, побрякивание уток, шелест тростника и шум набегающих волн, хлопанье птичьих крыл сливались в одну неповторимую мелодию утра. Просыпался залив.

Оживала земля. И новый день, распахивая небеса, выплывал из солнечного грота...

Иду я к морю за стихами...

Видно, ночью море опять бушевало, песок еще совсем мокрый. К утру морская стихия уюмонилась, но не сразу, а постепенно остывая и отступая, о чем красноречиво говорили пять линий прибоя, отпечатанных на песке...

Они напоминали нотный стан, на линейках которого были разбросаны камешки, будто нотные знаки!

Изогнутая коряга, отшлифованная морем, напоминала скрипичный ключ. Музыка неизвестного композитора озвучивала пустынный берег моря, касалась стеблей сухой травы, взлетала над дюнами...

Слова рождались во мне, сливались с музыкой, становились стихами...

Как птицы, мы живем по солнечным часам,
тень древа на песке показывает время!

Бумажный змей мечты несется к небесам,
земных забот моих снимая бремя...

Зеленых сосен свет я в город увезу,
Запомню моря шум и ландышевый лепет.

Возьми меня с собой на Куршскую косу!

Хочу я вновь вернуться в наше лето...

Потекли реки вспять...

Я возвращалась из отпуска самолетом. Лето было в разгаре, погода ясная. Заглядевшись в ил-

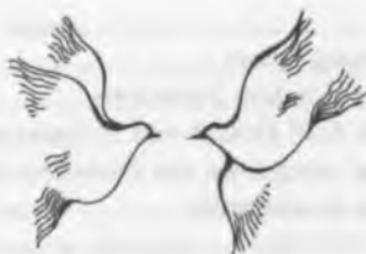
люминатор, я была поражена обилием ярких красок. В лучах солнца виднелись зеленые леса. Они чередовались с золотисто-желтыми квадратами созревающей ржи или пшеницы. Голубые лоскутки озер и ниточки речушек окаймляли цветущие луга.

Вот показалась синяя полоска моря. Курортный городок утопал в садах, красные черепичные крыши домиков оживляли пейзаж. Земля, как на ладони, лежала перед глазами, и мои мысли, будто реки, потекли вспять, в детство...

Я увидела там, внизу — Землю, укрытую бабушкиным цветным лоскутным одеялом. «Как же нужно нам беречь каждый ее лоскуток!» — подумала я.

Прозрение иль пониманья миг,
что лист зеленый — вечности двойник,
что от рожденья — человек велик!
В его руках весенний хрупкий мир.

Содержание

«Гори, гори, моя звезда...» <i>Повесть</i>	5
Портрет девушки в розовом берете. <i>Рассказы</i>	59
Портрет девушки в розовом берете	60
Из песни слова не выкинешь	69
Случай в Грачевке	76
Параскева	81
Услышать друг друга... ..	85
Знай наших!	92
Легкая жизнь	98
Место в плацкартном вагоне	104
Главный выигрыш	114
Инопланетянка	123
Счастье, со-участье, со-чувствие	131
Случайный разговор	143
Почему у цветов нет отчества?	150
«Огонь, мерцающий в сосуде...»	155
Санта-Лючия	162
Лоскутное одеяло. Эссе	169
Мысли. Чувства. Раздумья.	170
Лоскутное одеяло	170
Тепло маленькой ладошки	171
Детская болезнь	171
Смысл жизни	171
Где живет душа?	172
	225

Птица	173
Белые туманы осени	173
Встреча с Иосифом Бродским	173
«И вечный бой! Покой нам только снится...»	174
Маленькая симфония для большого оркестра	175
О форме и содержании	176
Жизнь — это вещь!	178
Волга впадает в Каспийское море	179
Без грима	180
Что такое лошадь?	182
Три взгляда на один пейзаж	185
Путешествие в пространстве и времени. <i>Путевые</i>	
<i>заметки</i>	188
Дом на колесах	188
«Антиквариат»	189
О «черном ящике», и не только... ..	190
Дороги Польши	191
Окна Травемюнде	193
В гостях у Эола	195
Такого и врагу не пожелаешь... ..	197
Слово о Кижях	198
С высоты птичьего полета	200
«Большое видится на расстоянье...»	201
Село Константиново	201
«Низкий дом с голубыми ставнями...»	203
Счастья никогда не бывает много	205
На Есенинском бульваре	206
Прописан после смерти	207
«До свиданья, друг мой, до свиданья...»	208
«Запиши словечко...»	210
Лед и пламень	210
Любое слово много значит	211
Колесом дорога!	211
Долгий путь домой	213
Последние дни лета на Куршской косе	217

Радуга над морем	217
Поединок	218
Эхо	219
Лунная дорожка	220
Помилование	221
Позднее утро	222
Иду я к морю за стихами... ..	223
Потекли реки вспять... ..	223

Альбина Григорьевна Самусевич
УСЛЫШАТЬ ДРУГ ДРУГА

Записки врача

Повести, рассказы, эссе

Художник *С. П. Белоусова*

Редактор *Н. Н. Глущенкова*

Технический редактор *Т. М. Андреева*

Корректор *Н. С. Гайдученок*

ИД № 06057 от 16.10.2001. Подписано в печать 26.01.04 г.

Формат бумаги 70×90 1/32. Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 8,48. Уч.-изд. л. 7,83.

Тираж 500. Заказ 7208. С004

111р. 20к.

Калининградское книжное издательство,
236000, Калининград, Советский просп. 13.

ФГУИПП «Янтарный сказ»,
236000, Калининград, ул. К. Маркса, 18.

Калининградское книжное издательство и автор выражают искреннюю благодарность Президенту АО «Цепрус» Овчинникову Борису Алексеевичу и Генеральному директору ООО «Комфорт мебель» Кирдянову Виктору Александровичу (г. Гусев) за помощь в издании книги.

Уважаемые читатели!

Для тех из вас, кого заинтересовало творчество А. Р. Самусевич, предлагаем список книг и публикаций этого автора:

«А когда оглянешься...» Сб. прозы молодых. Цикл рассказов. Калининград: Калининградское книжное изд-во, 1987.

Утренний обход. Стихи. Калининград: Калининградское книжное изд-во, 1988.

Дайте женщине сад. Стихи. Калининград: Калининградское книжное изд-во, 1990.

Нательный крестик. Стихи. Калининград: Запад России, 1993.

Под музыку дождя. Стихи. Калининград: Запад России, 1995.

Про тебя самого. Стихи. Калининград: Калининградское книжное изд-во, 1995.

Венок Есенину. Книга памяти (составитель и автор вступ. статьи, стихов). Калининград: Янтарный сказ, 1996.

На самом краешке России. Сборник. Цикл стихов. Калининград: Янтарный сказ, 1996.

Сад камней. Стихи: Янтарный сказ, 1998.

Цветет шиповник в дюнах. Хокку. Калининград: Янтарный сказ, 2001, 2003.

Возьми меня с собой на Куршскую косу. Стихи. Калининград: Янтарный сказ, 2002.

Гении рифмы. 500 лучших стихотворений всемирной литературы. Антология мировой поэзии. Цикл стихов. Симферополь: Ренеме, 1998.

Лики родной земли. Антология литературы Восточной Пруссии. Калининград — Ольштын, 1999.

Боруссия. (Лит. альманах на польском языке). Цикл стихов. Ольштын, 1996.

Калининград литературный. Альманах. Цикл стихов. Калининград: Янтарный сказ, 2001.

Балтия. (Лит. журнал на литовск. яз.). Цикл стихов. Клайпеда, 2001.

Запад России. (Лит. журнал). Цикл стихов. Калининград, 1992—2000 гг.

Балтика. (Лит. журнал) № 1, 3, 5. Калининград, 2001, 2003.

*В 2003 году исполнилось 45 лет
Калининградскому книжному издательству.*

Сотни наших самых талантливых земляков-калининградцев смогли опубликовать здесь свои литературные труды — романы, повести, стихи, рассказы, исследования по истории края, научные работы, имеющие широкое практическое применение, публицистику и мемуары, а также стихи, сказки, повести, рассказы для детей и юношества. А сколько прекрасных книг для дома, для семьи выпущено издательством! Нередко, чтобы удовлетворить читательский спрос, они выходили несколькими тиражами. Достаточно вспомнить популярные «Праздники Христианской Руси», «Советы молодой семье», Э. О. Бондаренко, «Огородничество» В. Иванова, «Фруктово-ягодный сад» Г. И. Лятохо, «Кулинарные рецепты», «Картофель во всех видах» (сост. С. А. Горбунова), «Альбертину» К. К. Лавриновича и многие другие.

Особое внимание уделялось издательством работе с молодыми, литературно одаренными людьми. Книги очень многих ныне известных писателей впервые вышли в свет в Калининградском книжном издательстве. Такие писатели и поэты, как С. А. Снегов, А. П. Соболев, Ю. Н. Иванов, Сэм Симкин, А. Г. Самусевич, С. В. Погоняев, В. Б. Соловьева, и многие другие талантливые литераторы опубликовали свои первые книги именно здесь, в Калининграде.

Только за последние несколько лет (с 2000 по 2003 гг.) издательством выпущены следующие оригинальные издания, авторами которых были калининградцы:

2000 год

- И. С. Хрусталёв. «Увековечены на нашей земле»
Е. В. Аменицкий. «Правда о наркомании и наркоманах»
Г. Н. Веприков. «Флот в огне Отечественной»
В. Н. Зорин. «Паруса судьбы»
Н. И. Яровская. «Семейные праздники»
«Князь А. Н. Хованский». (Сост. Т. А. Кокарева)
В. Н. Зорин. «Сага о Сигурде»

2001

- Кант. «Изречения». (Сост. В. Н. Брюшинкин)
В. Стручков. «Почему молчат киты»
С. Покровский. «Мелодия летящего листа»
О. Красникова. «Солнечный ветер». *Стихи*
Н. Яровская. «Семейные праздники» (переизд.)
А. Пасичный. «Как рыбы короля выбирали»
О. Талаш. «Литературное чтение в начальной школе»
Н. Чернышевская. «Дружная семейка». *Стихи для детей*

2002

- В. В. Денисов. «Калининград — судьба моя»
В. С. Богомолов. «Ф. Г. Кирхгоф»
С. Покровский. «Мелодия летящего листа»
И. Збарах. «Вышел ежик на порожек». *Стихи для детей*
Н. Суслович. «Ты душою моею владел, океан...». *Стихи*
Л. В. Комарова «Кухня здоровья»
Н. Яровская. «Семейные праздники»
Г. И. Гуревич. «Дороги, которые мы выбираем...»

- А. М. Иванов. «Гумбиннен — Гусев»
«Прошла, овеяла крылом...». Сборник воспоминаний
о Т. Л. Вульфович
Т. Л. Вульфович. «Живые страницы классики»
«Если в семье ребенок-инвалид». Сост. С. А. Горбунова
А. Самусевич. «Услышать друг друга...»

В настоящее время в книжном издательстве готовится замечательный подарок любителям поэзии: «Антология стихов калининградских поэтов».

В книгу включены лучшие произведения всех известных в области поэтов, живших когда-либо и проживающих ныне на ее территории, в том числе и тех, кто погиб, освобождая ее от фашистов. В сборник вошли стихи 84 авторов, талантливых, своеобразных, и каждый из вас, уважаемые читатели, надеемся, откроет в нем своего Поэта, а может быть, и известные, не раз публиковавшиеся в Калининграде поэты повернутся к вам новыми гранями своего таланта.

Желаем вам только счастливых открытий в книгах, выпущенных старейшим издательством области!

